

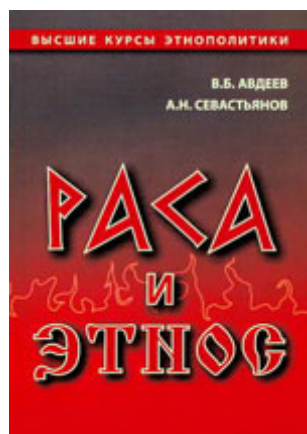
В. Б. АВДЕЕВ, А. Н. СЕВАСТЬЯНОВ

РАСА И ЭТНОС

В основу совместного труда положена книга В. Б. Авдеева [«Расология»](#) [М., Белые альвы, 2005]. Разделы «Куда девались неандертальцы», «Отступление второе: расы и география», «Дарвинизм и расология», «Раса и этнос», «Банда Боаса, ее последователи и их “вклад” в науку» написаны только А. Н. Севастьяновым

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА – ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРОБЛЕМА	2
ОЧЕВИДНОСТЬ ПОЛИГЕНИЗМА	3
ЧЕМ ОТЛИЧАЮТСЯ РАСЫ?	6
ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ: РАСЫ И ЯЗЫКИ	24
СКОЛЬКО В МИРЕ РАС	26
НАШИ ПРЕДКИ КРОМАНЬОНЦЫ	29
КУДА ДЕВАЛИСЬ НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ	31
ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ: РАСЫ И ГЕОГРАФИЯ	35
ОДНОРОДНОСТЬ РАС: ЯДРО И ПЕРИФЕРИЯ	39
ОДНОРОДНОСТЬ БОЛЬШИХ ИЗНАЧАЛЬНЫХ РАС	40
ОБЪЕКТИВНОСТЬ РАСЫ	42
НОРДИЧЕСКАЯ РАСА	43
ДАРВИНИЗМ И РАСОЛОГИЯ	49
РАСА И ЭТНОС	56
БАНДА БОАСА, ЕЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ И ИХ «ВКЛАД» В НАУКУ	59
ШЕСТЬ ОТВЕТОВ В ЛОБ	75

Этнополитика. Такой дисциплины не было в учебных планах предыдущих поколений русских людей. Долгое время нам объясняли исторические события с помощью политэкономической теории, затем ее место попыталась занять геополитика. Однако провалы и промахи государственных и общественных деятелей, руководствующихся подобными подходами, сегодня налицо в области как внешней, так и внутренней политики России. Украина и Грузия, Прибалтика и Калининград, Южная Осетия и Приднестровье, Казахстан и Белоруссия - все эти географические названия сегодня болезненно отзываются в русском сознании, ибо каждое из них обозначает крупный провал российских правителей последних пятнадцати лет. И этими названиями, увы, список провалов далеко не исчерпывается. Причина

одна: в советских вузах (в том числе в Высшей школе КГБ), где учились нынешние сильные мира сего, не проходили этнополитику. Они не знают, что такое этногенез и чем отличается этническая нация от политической, не ведают, что такое национальное государство, не подозревают, что главным субъектом истории являются этносы, не понимают природной силы этнических эмоций и определяющего значения этнодемографического баланса для судеб стран. И т.д. А если понимают, то превратно. Кроме того, нетрудно заметить, что национальные отношения повсеместно сегодня вышли на передний план событий, определяя историю, в конечном счете, всего мира. В частности,

фронтальный, затрагивающий все сферы жизни и политики конфликт между тенденцией глобализма и тенденцией национализма налицо. Далеко не всегда и не везде эта "революция этничности" приводит к спокойствию и добру, однако не считаться с ней - невозможно и опасно. Чтобы быть готовым к мировым переменам, надо правильно понимать новую реальность, а для этого ее надо в первую очередь изучать.

Все эти соображения заставили А. Н. Севастьянова, известного социолога и политолога, много занимающегося именно проблемой национальных отношений, взяться за разработку учебного курса, в котором разложены по полочкам все основные понятия и закономерности, вытекающие из факта существования и взаимодействия на Земле разных народов. Необходимо, считает он, заложить прочные основы этнополитических знаний, чтобы впредь выстраивать практическую политику на твердой почве извечных мотиваций человеческих масс, не пытаясь игнорировать, а тем более насилловать природу человека, как это часто бывало и бывает.

Учебный курс под общим названием "Этнополитика" разбит Севастьяновым на разделы, в которых обстоятельно разъясняется, что такое этнос, субэтнос и суперэтнос, как взаимоотносятся раса и этнос, этнос и нация, нация и государство, как живут и почему умирают этносы, как строятся национальные отношения, какие цели преследует национальная революция и каковы ее движущие силы, чем хорош национализм и чем плохи его искажения, как расшифровывается этническая судьба русского народа. Обо всем этом и многом другом вы узнаете из цикла отдельных выпусков, посвященных раскрытию основных тем "Этнополитики". Первый такой выпуск "Раса и этнос", созданный в соавторстве с известным расологом В.Б.Авдеевым, предлагается читателям.

В ближайшее время выйдут: "Этнос и нация" (2007); "Нация и государство" (2007); "Жизнь и смерть этноса" (2008); "Русский народ и другие" (2008).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА – ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРОБЛЕМА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ человека от обезьяны не доказано.

На сегодня вообще не существует общепризнанной теории происхождения человека.

В более или менее освоенном учеными времени развития биосферы существует разрыв от 8 до 5 млн. лет тому назад. Никто точно не знает, что и где тогда происходило. Парадокс в том, что гипотетический момент появления протолюдей на планете некоторые современные ученые относят именно на этот период¹.

Понятно, что такой пробел в палеонтологической летописи, относящейся к колыбельному возрасту человечества, просто аннигилирует любые научные концепции о его зарождении и т.н. эволюции с такой же легкостью, как и допускает любые ненаучные домыслы на этот счет. Происхождение человека от обезьяны становится так же допустимо, как инопланетный десант или акт божественного творения. И так же недо-стоверно.

В последнее время популярная некогда теория эволюции терпит удар за ударом. То так называемое «переходное звено» между обезьяной и человеком переопределяется как гибрид, то выясняется генетическая нестыковка неандертальца и крома-ньонца и их экзистенциальная единовременность, в силу чего последний никак не может быть ни ближайшим, ни даже отдаленным потомком первого... Вообще сам факт существования крома-ньонцев, прямых предков современного человека (физически со-

¹ Перевозчиков И. В., Хрисанфова Е. Н. Антропология. – М., 1999. – Сс. 41, 45.

хранившихся практически без изменений в лице басков², корсиканцев и берберов, а с незначительными изменениями – во множестве иных народов) ставит под сомнение всю теорию эволюции. Как известно, у приматов вообще никогда не встречаются такие признаки, как светлые волосы и голубые глаза, откуда же им было взяться? Происхождение наших прямых предков кроманьонцев – светловолосых и светлоглазых длинно-головых людей (долихокефалов) – от каких-либо «обезьян», что бы ни понимать под этим словом, представляется просто невозможным. На этом уже давно настаивают известные биологи. Так, американец Энтони Барнетт в монографии «Род человеческий» (М., 1968) писал: «Люди современного типа появились примерно в то же время, если не раньше, что и неандертальский человек, и развивались параллельно»³. А уже совсем недавно Ю. Д. Беневоленская в статье «Проблема выявления сапиентной и неандертальской линий на ранних стадиях эволюции» (Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 8-9. СПб., 1999) подтвердила и углубила тезис Барнетта: «Гипотеза эволюционной трансформации неандертальцев в неантропа все более уступает место представлению о вытеснении первых человеком современного типа, которое сопровождалось метисацией между ними».

Таким образом, факт существования кроманьонца, по сути неизменного от позднего палеолита до наших дней, позволяет ставить вопрос лишь об инволюции человека (деградации, вырождении⁴), но никак не об эволюции. Вопрос же о происхождении кроманьонца, генетически никак не связанного с неандертальцами, опять-таки остается без ответа. Человека в современном смысле слова вначале вообще долгое время не было на планете. Потом, более 40 тыс. лет назад, он вдруг стал – и сразу такой, какой есть. Таковы факты, не оставляющие места для эволюционной гипотезы.

Впрочем, нам надо уточнить: назвать кроманьонца своим прямым предком может только представитель белой расы: ни монголоид, ни негроид, ни австралоид, ни представитель так называемых краснокожих (американоидов) не имеют к кроманьонцам никакого отношения (разве только на периферии своих рас, возникшей в результате метисации). Этот бросающийся в глаза факт ведет нас к проблеме полигенизма.

ОЧЕВИДНОСТЬ ПОЛИГЕНИЗМА

ТЕОРИЯ происхождения всего человечества в одной точке Земли от единой группы производителей – с последующим разделением на расы и расселением по всему Земному шару – религиозна по своему происхождению и не согласуется с научными фактами.

Этой теории, известной под именем **моногогенизма**, противостоит теория **полигенизма**, утверждающая:

– **во-первых**, что никакого единого человечества никогда не было, нет и не будет;

– **во-вторых**, что максимальной количественной группой, объединяющей людей по наследственным биологическим признакам, обусловленным общностью происхождения, является не человечество, а раса;

² Данные лингвистики здесь не расходятся с данными антропологии: филологи У. Рипли и Г. Ф. Осборн полагают, что язык басков – «самый примитивный и недоразвитый в Европе» – достался им непосредственно от кроманьонца.

³ Цит. по: Авдеев В. Б. Расология. – М., Белые альвы, 2005. – С. 366.

⁴ Об этом ясно и выразительно пишет, например, классик отечественной антропологии А.А. Зубов в статье «Дискуссионные вопросы теории антропогенеза» (Этнографическое обозрение, № 6, 1994): «Представления о становлении гоминид и человека, сложившиеся к середине нашего столетия, подверглись в настоящее время серьезной ревизии. Предполагается, например, что не двуногие формы произошли от четвероногих, а наоборот, человекообразные обезьяны – предки шимпанзе и гориллы – были потомками двуногих прямоходящих гоминид». Известно также, что объем черепа кроманьонца в среднем превышает объем черепа наших современников, как и вес мозга, что тоже свидетельствует об определенной деградации.

- **в-третьих**, что больших и чистых изначальных рас на Земле насчитывается не менее трех и не более пяти;
- **в-четвертых**, что изначальные расы появились на Земле в различных регионах и не одновременно, а в разное историческое время;
- **в-пятых**, что современное многообразие рас и этносов является следствием многократных миграций изначальных рас и их последующей метисации (в свою очередь, миграцией и метисацией были затем охвачены гибридные расы и этносы);
- **в-шестых**, что, несмотря на миграцию, метисацию и наличие в мире множества гибридных этносов и даже рас «второго (третьего, четвертого и т.д.) порядка», изначальные большие расы не исчезли, а продолжают существовать, сохраняя баланс «ядро – периферия» таким образом, что периферия никогда не в силах видоизменить ядро до степени его исчезновения, благодаря чему большие расы непрерывно самовоспроизводятся и регенерируют.

В силу того, что вопрос о происхождении человека как был, так и остается нерешенным (а теория эволюции теряет авторитет), представляется логически верным вообще вынести его за скобки впредь до достижения полной определенности. В этом случае теория полигенизма предстает внутренне непротиворечивой и может быть принята за основу для дальнейших рассуждений.

Такому ясному и осмысленному подходу традиционно противостоит немалое количество принципиальных оппонентов, не говоря уже о многомиллионных толпах невежественных людей, питающих свой мозг предрассудками и фикциями. Впрочем, здесь речь не о невеждах, а о тех, кто вполне умышленно и целенаправленно внедряет фикции в сознание масс. Это, в первую очередь, священнослужители самых разных конфессий (в том числе многих экзотических), трактующих на все лады миф о сотворении человека в виде пары прародителей: одного праотца и одной праматери. А во вторую очередь, это политически ангажированные пропагандисты мифа о едином человечестве и о равенстве рас. Религиозные мифы как нечто внеположное науке мы здесь не разбираем. Идейным борцам с полигенизмом, берущим под сомнение также само понятие «раса» и «этнос», посвящена специальная (заключительная) глава. Здесь же, не отвлекаясь на полемику, уместно дать очерк теории полигенизма.

Пионером полигенизма в Новое Время в Европе нужно считать гениального швейцарского врача Теофраста Бомбаста Парацельса, который в 1520 году возродил античные представления о природе происхождения рас. Невозможно предположить, говорил он, будто обитатели недавно открытых островов являются детьми Адама и у них такая же плоть и кровь, как у нас.

В 1600 году именно за пропаганду полигенизма был сожжен небезызвестный Джордано Бруно. В 1616 году ученый Ванини был приговорен «к отрезанию языка и сожжению за то, что в своих “Диалогах” он напомнил о древних гипотезах о естественном происхождении человека и об “утверждениях атеистов, будто эфиопы произошли от обезьян... и будто в природе существует своего рода иерархия существ, от низших до высших”».

Четырехсотлетний промежуток между этими жуткими событиями и выпуском восьмитомной академической серии «Американские теории полигенизма» (издание Массачусетского университета, США, по ред. проф. Р. Бернаскони) был заполнен трудной, опасной и самоотверженной борьбой научной мысли с религиозными предрассудками. В 1774 г. английский лорд Кеймс предложил компромисс: Бог-де создал не одну, а «несколько человеческих пар, приспособленных к климатическим зонам, в которых им предстояло жить». С той поры десятки и сотни ученых посвятили свои труды разграничению рас и поиску их истоков. Уже Ч. Г. Смит утверждал, что происхождение одних рас от других невозможно («Естественная история человеческих видов», 1848), а Ж. Л. Агассис полагал: «Они произошли независимо друг от друга в восьми разных точках Земного шара».

Вторжение гипотезы об эволюции человека от обезьяны расширило поле предположений для полигенистов. Так, К. Фогт в книге «Человек и его место в природе» (1866), уже полностью исключив акт творения, задавался вполне атеистическим во-

просом, «отчего нельзя производить различные виды американцев от американских обезьян, негров – от африканских и, наконец, хоть негритосов – от азиатских». Следует заметить, что при такой постановке проблемы по-прежнему оставался вопрос о происхождении европеоидной расы, ее нордического подтипа: ведь на Севере вообще никаких обезьян нет и не было, а миграция белой расы, между тем, шла только с Севера на Юг.

Основательные труды Д. К. Нотта и Д. Р. Глиддона, писавших в соавторстве, – «Типы человечества» (1854) и «Туземные расы Земли» (1857) – «представляют собой по сути энциклопедию полигенизма, в которой содержится огромное количество антропологической и этнографической информации, а также сведений из теологических трактатов всех основных религий. Весь этот внушительный корпус текстов подкрепленный для большей убедительности десятками исторических иллюстраций из культурной жизни различных народов земли, свидетельствует лишь об одном: всевозможные разглагольствования о генетическом единстве человечества – антинаучная провокация более позднего происхождения».

Русский антрополог польского происхождения Л. Крживицкий, соединив данные своей науки с данными сравнительного языкознания и культурологии, пришел в книге «Антропология» (1901) к выводу: «Как бы давно ни существовало человечество, оно всегда распадалось на известное число независимых друг от друга групп, развившихся самостоятельно в культурном и общественном отношении. В подтверждение этого достаточно сослаться на факт, что человеческая речь создавалась в нескольких пунктах. Равным образом другие великие культурные открытия, например, умение пользоваться огнем и луком, сделаны во многих местах земного шара совершенно самостоятельно».

В наши дни, особенно за последние полвека, в научном сознании произошли большие подвижки. В самом общем и компромиссном виде они отразились в декларации ЮНЕСКО «Предложения по биологическим аспектам расовой проблемы» (Москва, 12-18 августа 1964), где в первой же статье сказано: «Остается спорным вопрос о том, как и когда обособились различные группы людей». Как видим, Декларация не перечеркивает вообще и решительно гипотезу о некогда едином человечестве, но уже и не настаивает на ней, признавая спорность самой проблемы, а также признавая факт конечной обособленности «человеческих групп» (читай: рас и этносов).

За 40 лет, прошедших с тех пор, сомнения превратились в уверенность, а уверенность – в банальность. Теория о происхождении человека от обезьяны, связываемая с именем Дарвина, утратила былую привлекательность, перечень расовых разграничителей – маркеров – чрезвычайно расширился, в т.ч. на генном и биохимическом уровнях, теория полигенизма дополнилась теорией полицентризма, связанной с именем антрополога Ф. Вейденриха (1873-1948) и утверждающей, что различные расы зародились независимо друг от друга в разных центрах Земли (от разных групп производителей, понятно).

И вот сегодня уже в официальном вузовском учебнике «История первобытного общества» (В. П. Алексеев, А. Л. Монгайт, А. И. Першиц. – М., 1982) мы читаем как некий итог: «Археологически фиксируемый непрерывный переход от раннего палеолита к позднему на всех материках Старого Света и наличие параллелизма в географическом распределении современных рас и различных морфологических форм неандертальского типа склоняют чашу весов скорее в пользу полицентрической гипотезы».

Несостоятельность концепции происхождения человека из одного очага расогенеза критиковали также советский археолог П. И. Борисковский и другой наш соотечественник – антрополог Г. Ф. Дебец. А крупнейший американский антрополог [К.С. Кун](#) посвятил обстоятельной проработке этой темы большую работу «Происхождение рас» (1963), в которой обосновал «низшую» природу экваториальных рас и разделил все «человечество» на пять независимых эволюционных ветвей. К. М. Хайлов в своей программной статье «К эволюции теоретического мышления в биологии: от моноцентризма к полицентризму» из ежегодного сборника статей «Системные исследования» за 1973 год пишет: «Моноцентрическое мышление выделяет в каждом конкретном случае лишь часть реального мира, тогда как насущные нужды человека связаны со всеми его

частями. Новый системный подход в теоретической биологии заключается в том, что он позволяет критически пересмотреть принцип моноцентризма и отказаться от него в пользу гораздо более плодотворной идеи полицентризма, с точки зрения которой все составные элементы живой природы – суборганизменные структуры, организмы, виды, сообщества, экосистемы – рассматриваются как равноважные ее элементы. Это значит, что и в биохимическом плане идея моноцентризма должна уступить место полицентризму».

Интересное подкрепление теории полигенизма дал крупнейший отечественный антрополог А. А. Зубов в статье «Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас» из сборника «Проблемы эволюции человека и его рас» (М., 1968): «Зубная морфология не противоречит предположению о возможности независимого параллельного развития рас от разных местных групп палеоантропов».

Конечно, современный полицентризм далеко ушел от крайней точки зрения, выраженной некогда основоположником русской расовой теории С. В. Ешевским, который в своей фундаментальной работе [«О значении рас в истории»](#) (1862) писал: «Современная наука дает нам возможность, уничтожая глубокий рубеж между человеком вообще и животным, провести зато еще резче границу между человеком высшей расы и человеком низшей организации – существом, еще переходным от мира собственно животного к миру несомненно человеческому в высшем его значении. Чем ближе знакомится исследователь с различными племенами и чем более увеличивается количество этнологического материала, тем дробнее становится деление, и он доходит в своих выводах до предположения о сотворении рода человеческого по племенам».

С осторожностью, признавая теоретическую возможность самостоятельного зарождения отдельных племен, так и не развившихся впоследствии в расы, полигенисты наших дней ограничиваются радикальным утверждением: «Главный вывод современной эволюционной теории, повергающий в шок всех “гуманистов”, состоит в том, что никакой ясной и конкретной границы между человеком и животным нет, а между расами есть».

Каковы же эти границы? Почему мы можем с полной уверенностью говорить о том, что в мире существуют разные расы, причем существуют, что называется, от века, всегда? Сколько этих изначальных рас?

ЧЕМ ОТЛИЧАЮТСЯ РАСЫ?

«Расовые признаки есть признаки неадаптивные, никак не зависящие от среды, но всецело определяемые наследственностью»

В. Б. Авдеев

ИТАК, в разных точках Земли в разное время от разных производителей по неизвестным нам причинам образовались разные расы. Вот все что мы можем утверждать. Зато утверждать уверенно: ведь если род человеческий существует как гипотеза (если не фикция), то вид человеческий – раса – существует реально. Это существование можно доказать, указав на перечень несомненных объективных устойчивых разграничителей между расами, передающихся по наследству. В науке их называют «расоводиагностическими маркерами».

Специальная наука, имеющая своим предметом расово-этническую диагностику по совокупности биологических параметров человека, называется **биометрией**. Библиография, посвященная методам биометрии, насчитывает не одну тысячу наименований. В нашем труде мы вынуждены ограничиться наиболее современными и убедительными источниками. Так, например, отечественные светила антропологии Г. Л. Хить и Н. А. Долинова в монографии «Расовая дифференциация человечества» (М., Наука, 1990) дают на многих страницах подробную систему названных маркеров в отношении всего населения Земли, вплоть до самых экзотических андронидных племен.

(кое-кто уже остроумно и точно сравнил эту бесподобную всеобъемлющую систему с периодической таблицей Менделеева.) Воспроизводить всю систему здесь не имеет смысла, но выделим среди всего множества маркеров – основные, наиболее важные и убедительные.

Подробное описание всех достижений в области разграничения рас изложено в книге В. Б. Авдеева «Расология» (разделы: Краниологические признаки эволюционной ценности рас; Физические критерии умственного превосходства; Социальная проекция срастания швов черепа; Расовые различия в строении мозга; Эволюционная устойчивость расовых признаков и некоторые другие без указания страниц). Основная работа по сбору данных была проделана там впервые; здесь читатель найдет выжимки из названного источника, в последовательности, оптимальной для наших целей. Желая получить более подробные знания по теме рекомендуем обратиться либо к книге Авдеева, либо к первоисточникам, скрупулезно в ней указанным. Выделения в тексте сделаны нами.

Дерматоглифика, биохимия, генетика

К числу важнейших относятся данные **дерматоглифики** – науки о кожных узорах на теле человека (корифеем которой на мировом уровне как раз является Г. Л. Хить). Эти данные включают в себя такие признаки, как дельтовый индекс, индекс Камминса, проксимальный ладонный трирадиус, узорность гипотенара, суммарный процент добавочных трирадиусов, узорность тенара первой межпальцевой подушечки и др. Мы ставим данный маркер на первое место, ибо, как указывает та же Хить в другой книге (Дерматоглифика народов СССР. – М., Наука, 1983): «Признаки дерматоглифики, будучи неадаптивными, не подверженными воздействию отбора и тем самым более стабильными во времени, более надежно свидетельствуют о сохранении древних особенностей популяций, чем соматические». И далее: «На громадном по объему материале обнаружено совпадение дифференциации групп и расовых комплексов по признакам кожного рельефа и расовой соматологии».

Вот что позволяет утверждать дерматоглифика:

«Ключевые признаки дерматоглифики обладают большим запасом расоразграничительной мощности: разница между основными расами в 2-40 раз превосходит свою ошибку. Как показали специальные исследования, внутри расы наиболее четкие различия наблюдаются на этническом уровне: **этнический барьер явился самым мощным фактором дифференциации населения в процессе его исторического и биологического развития**». (Запомним эту важнейшую для всего дальнейшего исследования мысль и продолжим цитирование.)

«Каждая из крупных расовых групп человечества обладает неповторимой, только ей присущей комбинацией определенных частот признаков дерматоглифики и их сочетанием. Таким образом, анализ комбинаций признаков убеждает в том, что различия между расовыми стволами имеют сетевидный характер. Это наблюдение подтверждается также анализом отклонений каждой расовой группы по отдельным признакам и их комплексу...

Взаимоотношения основных расовых групп имеют стойкий характер. Европеоиды занимают более изолированное положение, максимально специализированы негроиды. Судя по системе таксономических расстояний между расами негроиды являются наиболее древней и специализированной расовой ветвью человечества – менее древней, но также специализированной ветвью являются европеоиды».

Главный же вывод Хить и Долинова видят так:

«Основные расовые ветви человечества являются оригинальными, самостоятельно сформировавшимися подразделениями человеческого вида».

Хить и Долинова также утверждают: «Из всех европеоидов европейцы наиболее своеобразны». Авдеев уже однажды интерпретировал этот научный факт: «Это подразумевает, что чистокровный европеец всегда будет идентифицирован на фоне сходных в расовом отношении европеоидов. Именно этот же тезис вновь отлично подтвер-

ждает **концепцию “расового ядра”**, у представителей которого неповторимые расовые признаки выражены со всей очевидностью». Согласимся и запомним для дальнейшего и этот важный вывод.

В более раннем совместном труде Г. Л. Хить и Б. Кейта «Дерматоглифическая дивергенция основных расовых ветвей человечества» (Расы и народы, 1981, вып. 11) сказано предельно четко: «Индивидуальные профили кожного рисунка трех расовых групп свидетельствуют о неповторимости каждой из них. Возможность выделения сходных вариантов совершенно исключается. Европеоиды и монголоиды имеют противоположные сочетания признаков, являя собой некое подобие «двойной спирали». Негроиды же по всем, без исключения, признакам занимают крайнее положение. Монголоиды являются менее стабильной расой, чем европеоиды. Что же касается негроидов и европеоидов, то их объединение в единый западный ствол по данным кожного рельефа невозможно».

И далее Хить и Кейта делают весьма важный вывод: «Поскольку признаки различных систем организма эволюционировали с различной скоростью, менявшейся к тому же в зависимости от конкретных условий, возраст формирования расовых взаимонезависимых систем заведомо не может быть одинаковым».

Не менее, чем дерматоглифика, важна **биохимия**, также предлагающая свой неопровержимый ряд расоводиагностических маркеров, обозначающих расово-этнические различия между людьми **на молекулярном уровне**⁵. В данном случае читателю следует предложить книгу российского корифея В. А. Спицына «Биохимический полиморфизм человека» (м., 1985). Исходным является его наблюдение: «В результате многочисленных исследований было установлено, что альтернативные формы белков, находящиеся под строгим генетическим контролем, очень неравномерно распределены среди народов Земного шара». А далее, опираясь как на собственные разработки, так и на обширные исследования за рубежом, Спицын повествует о «наследственных полиморфизмах» у человека, представленных здесь в изложении Авдеева:

«Частота генов системы трансферрина (Tf) увеличивается в ряду “монголоиды-европеоиды-негроиды”. Именно с их помощью производится и более детальная дифференциация этнических групп. В США в городе Сиэттле в Центральном банке крови уже разработаны и применяются **этнические стандарты крови**. В Москве в ходе исследовательской программы также было установлено, что этнические русские заметно выделяются среди других этнических групп многонациональной Москвы, именно на основе системы трансферринов. Группоспециальный показатель (Ggl) у евреев выше, и различает их и русских. На основе компонентов сыворотки крови также ясно видны этнические различия, причем именно генетически обусловленные».

Распределение генных частот **по системе Спицына** показывает, что основные человеческие расы на биохимическом уровне отличаются друг от друга на 30-40%. Выражаясь языком Библии, Бог лепил нас из разной глины, потому что между различными породами животных биохимические различия и то меньше. “Человечество с его общечеловеческими ценностями” – это генетически неопределяемый фантом. По этой же схеме установлено, что русские явно и отчетливо отличаются от татар, евреев и даже украинцев.

По ряду биохимических показателей ушной серы различия между основными расами достигают 4-6 раз, что позволяет использовать ее как удобный и ярко выраженный расоводиагностический маркер.

⁵ Еще в 1922 г. отечественный ученый В.Г. Штефко в статье «Биологические реакции и их значение в систематике обезьян и человека» (Русский антропологический журнал, том 12, книга 1-2, 1922) сделал многозначительный вывод: «Соображения, высказанные на основе экспериментальных данных, приводят нас к чрезвычайно важному и в высшей степени интересному заключению. Культурные расы человечества, как например европейцы, имеют более сложное строение белковой молекулы, чем низшие расы. Таким образом, с биологической, или вернее, биохимической точки зрения они являются более сложно организованными, чем вторые».

Поэтому В. А. Спицын выводит соответствующий обобщенный **коэффициент генной дифференциации (Gst)**, позволяющий эмпирически высчитывать степень чужеродности народов. Им также вводится и обосновывается такое понятие, как генетическое расстояние (D), служащее для определения совокупности расовых различий между народами. На основе этих математических формул выведена **генетико-биологическая иерархия рас и подрас**. Затем дается понятие времени генетического расхождения (t) народов и рас в мировом историческом процессе. Дальнейшие выводы и обобщения автора вновь поражают сочетанием глобального охвата проблемы с математической точностью ее решения:

“Методы анализа генетических расстояний и построения филогенетических древ позволяют решать задачи генетико-антропологических классификаций, определения степени дивергенции популяций, оценки времени, прошедшего с момента разделения соответствующих ветвей древа. Более важной проблемой, однако, представляется попытка оценки продолжительности пребывания той или иной группы населения на данной территории, а также непосредственного определения динамики формирования этнорасовых общностей. В этой связи исследование характеристик мирового распределения факторов системы иммуноглобулинов (Gm) позволит подойти к решению поставленных выше вопросов. Уникальность генетической системы Gm заключается в том, что каждая из крупнейших рас обладает характерным, свойственным лишь ей генным комплексом Gm, причем такие маркирующие гаплотипы представлены максимальными значениями частот”.

Совершенно очевидно, что на основе подобных методик всяким спекулятивным рассуждениям о “коренных и некоренных народах” и “многонациональных культурах” решительно можно будет положить конец, а конституционное определение “государствообразующего этноса” получит математическое определение, исключаящее ошибки. Формулы народов-созидателей и народов-паразитов также возможно будет рассчитать.

Обобщая международный статистико-аналитический опыт, В. А. Спицын дает точные формулы частот генных маркеров в системе иммуноглобулинов для основных человеческих рас, соответствующих их максимальной чистоте:

европеиды – Gm 3; 5, 13, 14

монголоиды – Gm 1, 3; 5, 13

негроиды – Gm 1, 5; 13, 14, 17

Человек, знакомый с математикой, легко заметит, что это три совершенно различные и никак не связанные между собой системы характеристик.

Далее В. А. Спицын подчеркивает, что “в Европе европеоидный **Gm 3; 5, 13, 14** с высокой частотой представлен на севере континента”. Таким образом определяется, что наиболее расово чистые европеиды представлены на севере Европы, что как раз и соответствует ареалу происхождения и распространения нордической расы.

Следовательно, понятие расовой чистоты из области журналистских споров переходит в область точной науки. Из чего явствует, что расовая чистота – явление не мифологическое, а генетическое. Отныне расовая теория должна основывать свои тезисы не на поэтических образах, а на генетическом анализе и математических формулах. Базовый постулат расовой теории о том, что нордическая, или ксантохроидная, то есть светловолосая, голубоглазая, часть большой европеоидной расы является наиболее генетически чистой и, следовательно, более ценной ее частью, можно считать научно доказанным»⁶.

Генетическая основа пигментации кожи имеет также весьма важную расоразграничительную функцию. В. А. Спицын в этой связи пишет: «Известно, что густой слой меланина у темнокожих рас, препятствуя проникновению в глубокие слои кожи ультрафиолетовых лучей, создает почву для заболевания рахитом. Этим объясняется наличие компенсаторного механизма, выражающегося в том, что у людей, живущих в

⁶ Авдеев В. Б. Указ. Соч., с. 289-290.

тропиках, отмечаются обильные выделения сальных желез, значительно более крупных, чем у европейцев».

У европеоидов частота гена (Gc) не должна превышать 10%, в то время как у негров она превышает 30%. Именно частота этого гена и сопряжена с характерным негритянским запахом⁷...

Самый же главный вывод В. А. Спицына заключается в следующем: «Не имеется данных о связи между климато-географическими факторами и распределением факторов Gm». Это говорит о том, что расовые признаки носят неадаптивный характер, среда на них вообще не оказывает никакого влияния. Цвет глаз, волос, кожи и т. д. — это не результат приспособления человека к соответствующим условиям окружающей среды, это скорее генетические украшения, которые раздала природа различным расам, исходя из естественного принципа «каждому свое».

Последний вывод отлично согласуется как с непосредственными наблюдениями (за 400 с лишним лет истории афроамериканских негров до сих пор не известно случаев их побеления, обусловленного сменой климата; не почернели и белые потомки голландских поселенцев – буры ЮАР)⁸, так и с теорией литосферных катастроф, о которой ниже. Следует отметить также, что среднегодовая температура и количество солнечных дней в году изменяются одинаково по мере удаления от экватора, безразлично к Северному ли или к Южному полюсу, однако чернокожие особи проживают преимущественно в Африке, а вовсе не везде, где солнце светит и греет столь же ярко и сильно. Негроиды не образовались ни в Центральной, ни в Южной Америке, ни в подавляющей части Азии, ни, тем более, в равноудаленных от экватора частях Европы. Если же говорить о южной оконечности Африки, изначально также заселенной неграми, то и подавно ни на одном континенте северного полушария Земли мы не найдем природных негроидов в соответствующих климатических поясах. Это позволяет раз и навсегда отбросить гипотезу о «почернении» негроидной расы в связи с воздействием солнечных лучей как антинаучную.

В. А. Спицын также подчеркивает: «Каждая из крупнейших рас обладает характерным, свойственным лишь ей одной генным комплексом гаммоглобулинов и щелочной фосфатазы плаценты».

Вообще, серология, т.е. наука о группах крови, надежно представляет нам целый ряд расоводиагностических маркеров: было доказано, например, что полигенные наследственные факторы белков сыворотки специфически распределяются на уровне больших рас. Энциклопедия «Народы России» (М., 1994) фиксирует: «По системам имму-

⁷ Не только запах является биохимическим разграничителем рас, доступным непосредственно нашим органам чувств. Хотя трудно сегодня научным образом удостоверить такой маркер, но авторитетный антрополог Л. Крживицкий в одной из своих книг ссылаясь на достоверные данные своих опросов людоедов в разных странах: все они в один голос утверждали, что люди разных рас отличаются друг от друга по вкусу. Не верить этому нет оснований. Тем более, что вкусовые предпочтения людоедов удостоверяют их микроаналоги – кровососущие насекомые. Так, известный советский антрополог и гематолог Б. Н. Вишневецкий в своей брошюре «Человек, как производительная сила» (Ленинград, 1925) писал: «Насекомые различных рас выказывают отличия, обусловленные химизмом крови хозяина. Так, наружные паразиты японцев отличаются от обитающих на европейцах. Изучение насекомых с представителей различных рас поможет разобраться в вопросе о родственных связях племен». Вши и прочие паразиты, в отличие от «академических ученых», отличаются большим «знанием жизни», тонко улавливая различия в качестве крови, которую они сосут. А известный французский антрополог Жан-Жозеф Вирей в начале XIX века писал: «Известно, что точно так же, как каждый вид млекопитающих, птиц и так далее часто имеет своих насекомых-паразитов, которые обнаруживаются только у него одного, также они имеются и у негров: у них есть своя вошь, совершенно отличная от вши белого человека. «Негритянская вошь» имеет треугольную голову, бугорчатое тело и черный цвет: такой же, как у негров».

⁸ В докладе Н. А. Дубовой (в сборнике «Проблема расы в российской физической антропологии». – М., 2002) подчеркивается: «До настоящего времени нет ни одного (!) факта, когда очень темная пигментация кожи, свойственная экваториальным группам, была бы отмечена для индивидуумов, предки которых родились не на Африканском, Австралийском континентах или в Южной Азии. Точно также не отмечено появления светлогокожего, светлоглазого населения в Африке или Южной Азии без притока имевших такие признаки мигрантов».

ноглобулинов, обеспечивающих защитную реакцию против различных болезней и трансферринов, обеспечивающих нормальную циркуляцию ионов железа в токе крови, отчетливо выделяются большие человеческие расы».

Итак, у людей разных рас и национальностей различаются структуры белка, биохимический состав иммунной системы и электромагнитные свойства крови. Не менее строгие и достоверные сведения о расовой принадлежности личности дает также биохимический состав ушной серы.

В совместной работе «Учение о человеческой наследственности» (1936) Э. Батур, О. Фишер и Ф. Ленц утверждали: «Расовые различия в основном зависят от различий внутренней секреции. Конституция тела, интеллектуальные и психические характеристики и прочие расовые особенности детерминированы ими». Сегодня, не отрицая значения внутренней секреции для расовой диагностики, ученые предпочитают говорить о корреляции маркеров. Данный тезис можно проиллюстрировать цитатой из статьи М. Г. Абдушлишвили и В. П. Волкова-Дубровина «О соотношении расовых и морфофизиологических признаков» (Вопросы антропологии. Вып. 52, 1976): «Наблюдается известная связь цвета кожи с некоторыми физиологическими признаками. У наиболее светлых наблюдается замедленный кровоток и наибольшая минеральная насыщенность костной ткани, а у наиболее темнокожих значительно ниже минерализация скелета и быстрее кровотоков».

Развитие биохимической темы уже привело нас страницами выше к данным о неизменном различии рас, представляемым наукой **генетикой**, трактующей проблему наследственности. Именно на поле данной науки (в рамках т.н. «митохондриальной» теории) была сделана в конце XX – начале XXI века попытка опровергнуть очевидное: расовые различия людей. Нас пытались уверить, что белые, желтые, черные – все люди состоят из одного строительного материала, а потому являют собой единое целое. Попросту, лес попытались спрятать за деревьями. За эти домыслы тут же ухватились сторонники теории моногенизма, попытавшиеся навязать общественному сознанию идею о нашей общей праматери – «черной Еве», от которой (в недрах Центральной Африки), якобы, произошло все человечество вообще. После чего одни потомки этой Евы мигрировали на Север, где все поголовно побелели, а другие – на Восток, где так же поголовно пожелтели и окосели.

Как будет неопровержимо видно из дальнейшего, результаты добросовестных генетических исследований ведут совсем к другим выводам.

Выдающийся советский биолог И. И. Шмальгаузен еще в своей программной книге «Кибернетические вопросы биологии» (М., 1968) блестяще развил постулаты расовой теории, направленные против вульгарного ламаркизма: «Наследственный код ограждается ядерной оболочкой и регуляторными механизмами клетки и всего организма в целом от непосредственного влияния внешних факторов. Наследование признаков, приобретенных при жизни особи, фактически невозможно, так как это “приобретение” касается только преобразования информации в данной особи и гибнет вместе с ней. Наследственный материал не был затронут этим преобразованием и остался неизменным». При этом подчеркивается, что мутации, о роли которых так любят рассуждать генетики, на самом деле имеют случайный характер, кроме того, никакой свободы мутаций не существует, ибо они возможны лишь в определенных границах, заданных наследственными расовыми признаками...

Таким образом выясняется, что не снятие расовых признаков в процессе эволюции является приспособительным фактором, а, наоборот, их усиление и закрепление. В процессе эволюции расовые признаки являются своеобразным приспособительным инструментарием, «эволюционной оснасткой», без которой не возможно биологическое развитие расы. Расовые признаки являются как в физической, так и в психическом плане генетическими «узлами прочности», на которых держится вся структура человека. Без них неминуемы вырождение и распад.

1-я международная конференция «Раса: миф или реальность?», прошедшая в Москве с 7 по 9 октября 1998 года под эгидой Российского отделения Европейской ан-

тропологической ассоциации и при поддержке многочисленных всемирных и отечественных профильных научных учреждений, предоставила трибуну в т.ч. генетикам.

В коллективном исследовании, озаглавленном «Новый ДНК-маркер как расово-диагностический признак», анализируется материал по получению нового генетического маркера CAcf685 по 19-й хромосоме, на основе которого величина генетического расстояния Gst между европеоидами и монголоидами (в данном случае чукчами) оценивается как шестикратная. Данный маркер признан как ценный в расово-диагностическом отношении.

Этой же теме было посвящено программное выступление одного из лучших отечественных генетиков Ю. Г. Рычкова «Генетические основы устойчивости и изменчивости рас». Его доклад явился обобщением многолетних теоретических и практических исследований. В нем он говорил, что, несмотря на то, что последние 35 лет генетика человека находится в разладе с антропологией, тем не менее, молекулярная генетика открывает все больше и больше «так называемых ДНК-маркеров, которые могут считаться маркерами расовых различий».

Аналізу этих новых расоводиагностических маркеров был посвящен доклад известного молекулярного биолога В. А. Спицына «Эффективность разных категорий генетических маркеров в дифференциации крупных антропологических общностей».

С. А. Лимборская, О. П. Балановский, С. Д. Нурбаев в коллективной работе «Молекулярно-генетический полиморфизм в изучении народонаселения: геногеография Восточной Европы» говорят о больших успехах, достигнутых в последнее время в расшифровке ДНК генома человека. «В ходе этой работы было обнаружено большое количество высокополиморфных маркеров ДНК, пригодных для популяционно-генетических исследований. Изучая с помощью этих маркеров ныне живущие популяции, удается получить информацию об их генетической истории и в ряде случаев датировать – с той или иной вероятностью – важные события, связанные с происхождением человека, его рас и расселением человека в глобальном масштабе. Полученные результаты анализа сложного в расовом отношении региона Восточной Европы указывают на высокую разрешающую способность ДНК-маркеров при анализе генофонда».

По результатам названной конференции был издан программный документ «Проблема расы в российской физической антропологии» (М., 2002), который вполне может быть сочтен за официальную позицию отечественной антропологической науки. Так, в частности, Е. В. Балановская указала в своем докладе, включенном в общую редакцию, следующее: «Объективная классификация индивидуальных генотипов по ДНК-маркерам практически полностью соответствует расовой классификации». Ее поддержала и Г. Л. Хить, в свою очередь указав, что каждая из крупных расовых групп человечества обладает неповторимой, только ей присущей комбинацией определенных частот ключевых признаков. Е. З. Година подчеркнула: «Основные расовые различия в значительной степени формируются уже во внутриутробном периоде».

Название книги А. Ф. Назаровой и С. М. Алтухова «Генетический портрет народов мира» (М., 1999) также говорит само за себя, ибо в ней дается подробная характеристика частот генов во всех основных и даже многих реликтовых популяциях человечества. А ведущие отечественные антропологи А. А. Зубов и Н. И. Халдеева в своей совместной статье из сборника с характерным названием «Расы и расизм. История и современность» (М., 1991) дают такое заключение: «Значит “тип”, т. е. характерная сумма генетических и морфофизиологических признаков, маркирующая определенные группы внутри вида, – феномен вполне реальный, и стало быть, заслуживающий исследования».

Не только российские генетики стоят на позициях расового различия: именно знаменитая «Таблица генетико-лингвистических расстояний между народами» американского генетика Л. Кавалли-Сфорца окончательно иллюстрирует объективность различий между биотипами. А его коллега Дж. Нил заявляет, что в настоящее время любого индивидуума можно отнести к той или иной хорошо исследованной большой этнической общности с точностью до 87%.

Словом, под воздействием новых открытий, а также в результате строгой научной критики по адресу т.н. «митохондриальной» генетической теории, полувековое противостояние «популяционных генетиков» с одной стороны и антропологов и расологов с другой сегодня заканчивается⁹. Существование больших изначальных рас более всерьез не оспаривается. Спустя 130 лет в ходе напряженной исследовательской работы сотен ученых и ожесточенных дискуссий сторонников и противников расологии ученое сообщество дозрело, наконец, во всеоружии аргументов до простого вывода, сделанного И. И. Мечниковым еще в 1878 году: **«Отличия между большими человеческими группами, народами и расами настолько крупны и очевидны, что я даже считаю излишним распространяться об этом».**

Узоры на коже видны, но незаметны простым глазом при встрече с человеком. Чтобы их разглядеть, нужно усилие. Что же касается генов и молекул крови или ушной серы, их вообще не увидеть без электронного микроскопа. Но в организме человека есть признаки, легко заметные любому: форма головы и тела, черты лица, цвет кожи, глаз, волос и т.д. Они-то и свидетельствуют, в первую очередь, о расовой принадлежности человека. И, конечно же, их изучение ведется с самых первых дней расологической науки.

Череп, мозг, лицо и кое-что еще

ВАЖНОСТЬ данных науки о черепах – **краниологии** – абсолютно бесспорна. Еще один из самых признанных авторитетов итальянской антропологической школы Джузеппе Серджи в монографии «Виды и разновидности человеческого рода» (1900) писал: «Наиболее важен для классификации череп. По одному черепу можно различить этнические элементы, входящие в состав смешанных групп. Возможна первичная классификация даже по одной стабильной особенности. Наиболее стабильны мозговой и лицевой отделы черепа. С самых древних эпох и до нашего времени не появились никакие новые формы черепов».

Классической школой антропологии И. Ф. Блюменбаха (1752-1840) было выявлено, что **именно развитие мозга задает формирование черепа человека, но никак не наоборот**. Ее представитель С. Т. Зоммеринг (1755-1830) писал: «Надо полагать, что природа формирует черепные кости так, чтобы они могли приспособиться к мозгу, но не наоборот». Много позднее известный советский генетик Н. П. Дубинин в книге «Что такое человек?» (М., 1983) изложил сходный комплекс идей: «Мозг человека обладает генетически детерминированными свойствами. Для нормального развития мозга нужна нормальная генетическая программа. Доказано, что 5/6 мозга формируется у человека после рождения». Антропологический сборник «Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас» (М., 1986) не оставляет никакой неясности в этом вопросе: В. П. Алексеев в передовой статье под названием «Некоторые соображения о динамике корреляционных отношений у человека и ее эволюционном значении» обобщает: **«В паре «мозг – черепная коробка» ведущим был мозг».** Поэтому так важно знать и правильно интерпретировать расовые различия черепа в динамике их возрастного развития.

Остановимся на наиболее заметных и актуальных из них, а это, в первую очередь – черепные швы. В связи с чрезвычайно важностью специфики зарастания швов черепа у представителей различных рас, а также наглядности и неоспоримости этого расово-диагностического признака в исследовании социокультурных процессов, профессор В. Н. Звягин предложил использовать даже особое название – **сутурология** – наука об исследовании рисунков черепных швов.

И вот что открывает эта наука.

⁹ Как выразился А. де Бенуа, популяционные генетики, создавая свои виртуальные, искусственные популяции, впали в «оптическую иллюзию», отрицая всем видимую невооруженным глазом реальность расовых различий. По-русски это называется за деревьями не видеть леса.

Русский краниолог Д. Н. Анучин (его имя носит Институт антропологии РАН) в работе «О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам» (М., 1880) подробно остановился на **птерионе** – небольшом участке поверхности черепа, на каждой из боковых сторон которого, в височной ямке, сходятся четыре кости: лобная, теменная, височная и основная. Этот участок является хорошим расово-диагностическим маркером, ибо различные виды его аномалий в частотном отношении у больших человеческих рас имеют разницу в 4-8 раз. Крупный немецкий антрополог того же времени Георг Бушан подтвердил все выводы Д. Н. Анучина в отношении расово-разграничительной функции участка птериона. Он указывал: «Птерион представляет собой зону соединения височной, лобной, теменной и клиновидной (основной) кости. Обычно верхний край большого крыла основной кости доходит до передненижнего края теменной кости, отделяя височную кость от лобной; имеющиеся здесь швы образуют тогда фигуру в роде буквы “Н”. Но изредка бывает, что от переднего края височной кости отходит вперед отросток, соединяющийся швом с лобной костью. У высших рас этот отросток очень редко встречается. У европейцев в 1,6%, у монголов и малайцев в 3,7%, у низших рас, наоборот он сравнительно част, так у черной расы до 13%, у австралийцев до 15,6%, у папуасов до 8,6%. Такое отношение говорит за то, что **соединение височной кости с лобной посредством отростка должно рассматриваться как низшее (питекоидное) образование**, и это, тем более, что мы встречаем его постоянно у гориллы, шимпанзе и у большинства других обезьян».

Ойген Фишер также писал: «Иногда между этими четырьмя костями, которые образуют область птериона, имеется соединительная кость. У низших рас лобная кость и височная кости вступают в контакт гораздо чаще, чем у высших. Мы наблюдаем это, например, у европейцев – 1,5% случаев, у монголов – в 3,8%, у австралийцев – в 9%, у негров – в 11,8%, у гиббонов – в 13,7%, у орангутангов – в 33,6%, у шимпанзе – в 77%, у горилл – 100%. Несомненно, что наличие лобно-височного шва в большой мере зависит от относительной величины мозга. Чем сильнее мозг распирает череп, тем больше будут расходиться лобная и височная кости, тем реже они смогут соединиться в шов».

Следующим, еще более важным маркером, **по Анучину**, является **метопизм** (шов, образовавшийся на месте соединения двух половин лобной кости). Авдеев излагает важность этого показателя так: «Этот лобный шов зарастает у большинства новорожденных младенцев, но у некоторых индивидов сохраняется на всю жизнь. Вот именно эта-то аномалия черепа и является отменным расово-диагностическим и, как следствие, социокультурным маркером. Именно лобные доли мозга, отвечающие за высшие проявления человеческой психики и интеллекта, у некоторых индивидуумов в процессе начальной фазы роста оказывают повышенное давление на соответствующие отделы лобной кости, раздвигая их, что, в свою очередь, и вызывает появление лобного шва под названием метопизм». По наблюдениям Анучина, метопические, то есть с лобным швом, черепа имеют вместимость на 3-5% большую по сравнению с обыкновенными.

Далее, анализируя частоту возникновения метопизма у разных рас и народов, он делает такой вывод: «Таблица результатов наблюдений показывает, что у европейцев лобный шов встречается много чаще, чем у других рас. В то время, как для различных серий европейских черепов процент метопизма найден варьирующим от 16 до 5, серии черепов низших рас в большинстве случаев только 3,5-0,6 процентов. Известное соотношение существует, по-видимому, между наклоном к метопизму и интеллигентностью расы. Мы видим, например, что во многих расах более интеллигентные племена представляют больший процент метопических швов. У высших представителей монгольской и белой рас он выражается цифрой, по крайней мере в 8-9 раз больше, чем у австралийцев и негров».

Впоследствии на основе статистических данных было сделано обобщение, согласно которому индивиды с сохранившимся лобным швом обладают **большей массой мозга**, причем это увеличение является не только абсолютным, но и относитель-

ным, то есть не связанным с увеличением размеров тела. Сохранение лобного шва в свою очередь сказывалось в более высоком уровне психических и интеллектуальных способностей данных индивидов.

Особенное значение имеют для разработки вопроса о метопизме **работы русских ученых**. Статья В. В. Масловского, помещенная в «Русском антропологическом журнале» за 1926 год, том 15, вып. 1-2, носит специальное название «О метопизме». В ней автор, развивая идеи Анучина, пишет: «Таким образом, на явление сохранения лобного шва у человека можно смотреть как на явление, связанное с совершенствованием его организации. Такая расчлененность черепа на парные лобные кости является благоприятным фактором, как для содержимого черепа, так и для него самого. Рост последнего в различных направлениях происходит благодаря наличию швов»... Наконец, такое светило антропологии, как В. В. Бунак в статье «О гребнях на черепе приматов» (Русский антропологический журнал, том 12: книга 3-4, 1922) писал: «Аномальный лобный шов у человека наблюдается чаще у культурных рас, что связывается с увеличением головного мозга и возрастающим его давлением на лобную кость»...

Среди **зарубежных ученых**, занимавшихся аномалиями черепа в контексте расовой систематики, нужно выделить такие имена: Жорж Папийо (1863-?), Георг Бушан (1863-1942), Марциано Лимсон (1893-?), Венцель Леопольд Грубер (1814-1890), Иоганн Ранке (1836-1916), Герман Велькер (1822-1897), Йозеф Гиртль (1811-1894), Паоло Мантегацца (1831-1910). Известный шведский антрополог и анатом, профессор Стокгольмского университета Вильгельм Лехе в своей книге «Человек, его происхождение и эволюционное развитие» (М., 1913), суммируя многочисленные исследования в разных странах в области аномалий швов черепа, дал такое ясное и обстоятельное резюме: «...Что сохранение лобного шва действительно обыкновенно является критерием умственного превосходства должно следовать из того, что черепа с этой особенностью чаще встречаются у цивилизованных народов, нежели у диких. В связи с этим я хочу упомянуть, что до сих пор не было описано ни одного черепа человекообразной обезьяны с сохраняющимся лобным швом». Георг Бушан в своей известной книге «Наука о человеке» (М., 1911) подчеркивал: «Метопизм составляет принадлежность высших рас. Метопические черепа обладают большим весом, более сложным строением швов, более продолжительным незаращением последних. Низшие расы дают меньший процент таких черепов, чем вышестоящие, так называемые культурные народы».

Другой мэтр классической немецкой антропологии, специализировавшийся как раз в области сравнительной морфологии Ойген Фишер в своем фундаментальном учебнике «Антропология» (1923) указывал: «Расовые различия в частоте метопизма связаны с разной емкостью мозга. Мы встречаем его, например, у немцев – 12,5% случаев, на черепах, найденных в Помпеях – в 10,5%, у древних египтян – в 7%, у негров – в 1% случаев».

Испанский ученый Хуан Комас в своей диссертации «К изучению метопизма» (1942) совершенно в том же духе свидетельствовал: «Анучин одним из первых выдвинул гипотезу о прямой связи между метопизмом и интеллектом, то есть черта чаще встречается у высших рас и, следовательно, ее можно считать чертой прогрессивной эволюции, свидетельствующей о тенденции организма к модификации своего обычного типа черепа».

Известный немецкий антрополог Карл Фогт в своей книге «Человек и его место в природе» (С.-Петербург, 1866), обобщая данные современной ему науки, утверждал: «Негрский череп относительно срастания своих швов следует другому закону, чем череп белого: что его передние швы, лобный и венечный, как у обезьяны, срастаются очень рано, гораздо раньше задних, тогда как у белого человека порядок срастания швов совершенно обратный. Если же так, то нет особенной смелости в предположении, что в мозге негра, может быть, существует тот же обезьяний ход развития, который доказан в его черепе».

Другой известный немецкий антрополог Роберт Видерсгейм позднее подтвердил эту точку зрения, подчеркнув в своей книге «Строение человека со сравнительно-анатомической точки зрения» (М., 1900): «Грациоле показал, что швы у высших рас ис-

чезают в другой последовательности, нежели у низших. У последних, как у обезьян, процесс всегда начинается спереди, с лобной области черепа, то есть на границе лобных и теменных костей, и отсюда идет назад. Само собою разумеется, это отражается на рано наступающем формировании передних долей головного мозга, которая у высших (белых) рас, где лобно-теменной шов облитерируется после затылочно-теменного, могут развиваться еще далее. Это должно быть поставлено в связь с умственным различием племен».

Завершить тему черепных швов – предмет сутуриологии – мы можем великолепной цитатой из монографии [«Новая теория происхождения человека и его вырождения»](#) (Варшава, 1907) крупнейшего русского расолога В. А. Мошкова, который писал: «По своим душевным способностям негритенок не уступает белому ребенку, он так же способен к учению и так же понятлив, как белый. Но как только наступает роковой период возмужалости, то вместе со сращением черепных швов и выступанием вперед челюстей у них наблюдается тот же процесс, как у обезьян: индивидуум становится неспособен к развитию. Критический период, когда мозг начинает склоняться к увяданию, наступает гораздо раньше у негра, чем у белого, именно за это говорит более раннее срастание швов черепа у негра».

Но рассказ о черепных швах будет неполон, если мы еще раз не подчеркнем важность этого параметра в качестве расоводиагностического признака. Подлинным шедевром современной отечественной расологии, посвященным именно этому аспекту проблемы, следует признать книгу А. Г. Козинцева «Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека» (Ленинград, 1988). В отличие от либеральных ангажированных антропологов, только и занятых «стиранием» и «снятием» расовых признаков, А. Г. Козинцев цель своей работы видит в прямо противоположном: «Полиморфность некоторых признаков позволяет изменить традиционный ход исследования, перестраивая, а то и создавая морфологические схемы со специальным расчетом на повышение расоразграничительной эффективности и в некоторых случаях – на снижение роли других факторов, в частности возрастного».

Анализируя результаты практических исследований, автор монографии констатирует, что частота расоразграничительного признака по костям **затылочно-сосцевидного шва** для европеоидов составляет в среднем 6,4%, а для монголоидов – 16,6%. На основе близкого в морфологическом отношении **затылочного индекса (ЗИ)** расовые различия наблюдаются еще отчетливее. Так, для европеоидов частота этого признака составляет 8,4%, а для монголоидов – 48,5%. Затылочный индекс второго порядка (ЗИ II) также эффективно помогает различать расы: 2,8% – для европеоидов и 13,4% – для монголоидов. «При рассмотрении величин затылочного индекса (ЗИ) и (ЗИ II) создается впечатление, что признак “работает” только на уровне больших рас. Никаких закономерностей в распределении частот внутри европеоидного и монголоидного комплексов выявить не удается».

А. Г. Козинцев пишет далее: «Мы проанализировали **около 30 признаков**, относящихся к швам черепа, и выделили **шесть основных, наиболее ценных**. Европеоидная и монголоидная расы, как мы помним, различаются по всем основным особенностям». Для суммарной количественной оценки этих различий автором книги вводится специальный **монголоидно-европеоидный индекс (МЕИ)**. В европеоидных популяциях он колеблется от 13 до 39, а у монголоидов от 54 до 82,5.

Представители нордической расы также легко выделяются из числа других европеоидов с помощью **североевропейского индекса (СЕИ)**. «Значение обоих показателей (МЕИ) и (СЕИ) у северных европеоидов выше, чем у южных». Ясный и аргументированный вывод, даваемый А. Г. Козинцевым в книге, не оставляет места для криво толков и спекуляций. «Расоразграничительные индексы – простое, но эффективное средство анализа. Пять признаков – **затылочный индекс, клиновидно-верхнечелюстной шов, заднескуловой шов, индекс сложности подглазничного узора и индекс поперечного небного шва** – служат в первую очередь для разграничения европеоидов и монголоидов. Комбинации признаков обладают большей разграничительной силой, чем отдельные признаки. Монголоидно-европеоидный индекс

(МЕИ) и первая главная компонента (I ГК) чрезвычайно эффективно разделяют монголоидов и европеоидов. Дифференциация внутри европеоидной расы прослеживается при помощи североевропейского индекса (СЕИ) и второй главной компоненты (II ГК)».

Помимо швов, в строении черепа человека заметно **множество иных** расово-диагностических маркеров, обладающих хорошим дискриминантным эффектом. Крупный немецкий антрополог Роберт Видерсгейм в связи с этим писал: «**Носовые кости, обыкновенно остающиеся раздельными, иногда срастаются в одну кость**, и это встречается гораздо чаще у низших рас, чем у высших. Так как, такое срастание нормально для обезьян, вероятно, мы имеем в нем у человека одно из атавистических явлений. У шимпанзе оно настает уже на втором году жизни».

Укажем вкратце и на другие параметры черепа, имеющие существенное значение для разграничения и диагностики рас.

Индекс сложности подглазничного узора (ИСПУ) обладает наибольшей расоразграничительной способностью. Для европеоидов он составляет – 38,0, а для монголоидов – 57,9. И это закономерно, ведь глаза разных рас имеют и разную крепежную оснастку. Этот признак также «работает» на уровне больших рас. Народы, нации, этносы и племена – это действительно результат более позднего исторического процесса, но гигантская пропасть неустрашимых расовых различий свидетельствует в пользу доисторической, а именно – биологической природы их происхождения.

А. П. Пестряков в статье «Дифференциация большой монголоидной расы по данным генерализованных тотальных размеров черепной коробки» (в сб.: Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. – М., 1987) остроумно отмечает, что размер мозга представляет собой «биологическое родимое пятно на теле расы». Далее автор развивает свою мысль: «Следует оговорить общеизвестный научный факт, что существует так называемый **“мозговой рубикон”**, т. е. минимальный, но достаточно большой необходимый объем мозга, начиная с которого его носитель – человек – может функционировать как существо социальное. Среднегрупповая величина черепной коробки может быть важным параметром при изучении расовой истории человечества»... А. П. Пестряков на основе совершенно отличного, чем у других авторов, материала приходит к тому же выводу, что **по размерам черепной капсулы** менее всего варьируют европеоиды и более всего полиморфны монголоиды, что говорит об их «возможной расовой неоднородности». Разброс признаков у последних больше в 2-2,5 раза, чем у европеоидов, а у негроидов и американских индейцев в 1,5-2 раза больше, чем у европеоидной расы. Из чего можно сделать закономерный вывод, что из всех больших рас – европеоиды – наиболее однородная. «Изучаемые нами **генерализованные количественные характеристики черепной коробки** обладают большей устойчивостью во времени, чем большинство описательных расово-морфологических признаков». Из этого утверждения автора статьи следует заключение, что расовые признаки, особенно столь важные, как размер мозга, действительно являются «родимым пятном», никак не смываемым в процессе исторического развития, как того хотят шарлатаны от науки. «Предлагаемые параметры могут служить хорошими антропологическими маркерами при изучении этногенетических процессов. Анализ величин генерализованных параметров в краниологических сериях позволяет выделить расовую филиацию, а также инородные с краниологической точки зрения включения».

В этой связи приобретают особый интерес вообще любые расовые параметры черепа, которых насчитывается немало.

Например, в статье, посвященной вопросам расовой краниологии: «Мировое распределение **затылочно-теменного указателя**» Ю. Д. Беневоленская сопоставляет среднее значение этого показателя для основных рас:

европеоиды – 91,6

монголоиды – 96,6

негроиды – 87,3.

Вывод автора однозначен и убедителен: «Три расовых комплекса вполне отчетливо отделяются один от другого. Затылочно-теменной указатель работает в очень крупных ареалах, дифференцирует большие расы».

Приводимая далее корреляция между затылочно-теменным и **высотно-продольным** указателями также свидетельствует в пользу расовых различий:

у европеоидов – 0,738

у монголоидов – 0,581

у негроидов – 0,706.

Существует расхожее, ничем не подкрепляемое мнение, что европеоиды антропологически ближе к монголоидам, чем к негроидам, но **именно этот показатель** наглядно показывает всю глубину различия между первыми и вторыми – 27%.

«Европеоидные серии обнаруживают меньшую дисперсность, чем монголоидные, и более тесную межгрупповую связь с высотно-продольным указателем». В целом это говорит о том, что в расовом отношении монголоиды менее однородны, чем европеоиды.

В сборнике «Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии» (М., 1987) Ю. Д. Беневоленская в статье «Расовая дифференциация на территории Азии (по строению лобного отдела черепа)» на основе исследования **лобно-сагиттального индекса** (ЛСИ) также говорит о «наибольшей по сравнению с другими расами консолидированности европеоидов».

Наконец, в сборнике «Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас» (М., 1986) та же Беневоленская в статье «Расовые вариации признаков черепного свода» в дополнение к этому пишет: «Поскольку расы не сходны, разнокачественны по типу и масштабу внутрирасовых расообразовательных процессов, расовая диагностика по ЛСИ выглядит в каждом случае своеобразно. Так, европеоиды – наиболее консолидированная раса, и вероятно поэтому (ЛСИ) лобно-сагиттальный индекс не дает отчетливых расовых разграничений внутри европеоидов. Наибольшие различия ЛСИ вскрывает в пределах монголоидной расы».

Из числа более современных коллективных работ нужно отметить сборник «Единство и многообразие человеческого рода» (М., 1997). В нем Ю. Д. Беневоленская, один из признанных ведущих специалистов в области краниологии, развивает до логического предела оригинальную концепцию об изначальном существовании двух крайних вариантов лицевой морфологии у человечества. «Итоги анализа приводят к заключению о наличии двух основных расовых компонентов. Европеоидный тип обнаруживает особенности **трапецевидного морфотипа**, восточный – **прямоугольного**. Идея о существовании этих морфотипов находит биологическое обоснование одного из факторов полиморфизма человеческих популяций. Мало того, оба эти морфотипа отражают эволюционные этапы в развитии рас. Обращаясь к структуре морфотипов, мы видим, что прямоугольному морфотипу наиболее свойственны особенности начальной фазы роста, трапецевидному – конечной фазы».

Эта концепция морфотипов легко увязывается с теорией неадаптивного размера головного мозга В. П. Алексеева и, в зависимости от величины черепной коробки, задаваемой мозгом в процессе «фаз роста», позволяет научно обоснованно говорить о «высших» и «низших» расах. Тем более, что идея этих морфотипов «находит биологическое обоснование» в том, что один из них принадлежит к начальной, то есть низшей фазе роста, а другой – конечной, то есть высшей фазе.

Беневоленская продолжает: «Эти «строительные элементы», то есть два морфотипа как первооснова многообразия, не рассеиваются бесследно в новой фазе дифференциации человечества на уровне сформировавшихся рас, а прослеживаются в их основе». Это значит, что высшие всегда были и будут высшими, а низшие – низшими: «Гипотеза диморфизма может быть сформулирована как явление параллелизма рас». То есть, по мысли автора, различие типов свидетельствует о взаимной независимости их происхождения.

Еще один автор сборника «Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас» Ю. К. Чистов в статье «Расовые различия в строении **медианно-**

сагиттального контура черепа человека» на базе другого морфологического параметра делает сходный вывод: «Меньше всего различаются между собой по сумме линейных характеристик контура черепа европеоидные серии, больше всего – экваториальные группы». Он же в монографии «Дифференциация рас человека по строению медианно-сагиттального контура черепа» (М., 1983) указывает: «Результаты полученных исследований позволяют с достаточной уверенностью говорить о наличии определенных различий в форме сагиттального контура черепной коробки человека у “северных” и “южных” популяций современного человека. Внутрирасовые величины этого показателя достоверно отличаются от межрасовых, т. е. представители контрастных расовых типов различаются между собой как по сумме градусных, так и линейных характеристик медианно-сагиттального контура. Одним из наиболее интересных выводов является констатация того факта, что современные краниологические серии столь же сильно различаются по величинам градусных и линейных характеристик лобной части контура, как и по рисунку затылочного отдела».

Именно все вместе взятое, что наука знает сегодня о человеческом черепе, позволило Т. В. Томашевич на 1-й международной конференции «Раса: миф или реальность?» назвать свой доклад **«Лучше считать различия рас реальными»**.

По сути к данному в высшей степени деликатному и политкорректному заявлению нам нечего добавить.

Между тем, череп важен для человека не сам по себе, а постольку, поскольку являетсяместищем и хранилищем высшего органа духовной деятельности – мозга. И тут уместно сказать о тех различиях в устройстве и функциях данного органа, обусловленных всеми вышеперечисленными различиями в строении черепа.

В самом общем виде эти различия выражаются в данных **нейрофизиологии и психиатрии**.

В трудах таких ученых, как Ф. Тидеман (1781-1861), П. Грациоле (1815-1865), К. Фогт (1817-1895), В. Вальдейер (1836-1921), Г. Ретциус (1842-1919), Я. Г. Ф. Кольбрюгге (1865-?), К. Джакомини (1840-1898), А. Эккер (1818-1887), А. Вейсбах (1836-1914), Г. Швальбе (1844-1916), Д. Н. Зернов (1843-1917), начинается осознанное и целенаправленное изучение специфики и формы строения мозга различных человеческих рас, непоколебимо устанавливающее их исходное глубокое различие.

Основоположник **френологии** Ф. Й. Галль (1758-1828) выделил 27 основных зон – органов (как он их называл) локализации высших психических функций, степень развития которых и обуславливает основные психические и культурные различия между отдельными особями, племенами и целыми расами. Он писал: «Известно также, что народы с большим мозгом до того возвышаются над народами с малым мозгом, что покоряют и угнетают их, как угодно. Мозг индуса значительно меньше мозга европейца, и всем известно, как несколько тысяч европейцев покорили и теперь держат в зависимости миллионы индусов. Точно так же, мозг американского туземца меньше, чем мозг европейца, а с Америкой случилось то же, что с Индией».

Неустанно проверяя свои гипотезы на практике, Галль высчитал, что вместимость черепа у белой расы составляет от 75 до 109 кубических дюймов, тогда как у монголоидной расы она простирается от 69 до 93 дюймов. Соответственно объему изменяется и вес мозга различных рас. В дальнейшем подобными наблюдениями были охвачены все основные расы и народы. **Объем и вес мозга** стали признанным расоворазграничительным маркером.

Помимо существенных различий в весе мозга и его частей у представителей больших человеческих рас и даже отдельных народностей были выявлены и различия в **организации извилин**.

Одним из первых расовые различия в строении мозга начал изучать известный русский антрополог Д. Н. Зернов. Его работа с характерным названием «Извилины мозга, как племенной признак» была опубликована еще в 1873 году, а в 1877 он выпустил уже фундаментальную монографию «Индивидуальные типы мозговых извилин у человека».

Другой отечественный ученый А. С. Аркин в своей статье «О расовых особенностях в строении мозговых полушарий человека» (Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, книга 3-4, 1909) выводил такие новые расовые признаки: «Средняя лобная борозда представляет собою борозду, которая в большей степени, чем другие борозды головного мозга, подвержена изменениям и у представителей различных рас имеет различные очертания». Кроме того, основываясь на огромном зарубежном материале, Аркин на протяжении всей статьи говорит о «мозгах, богатых извилинами, которые как известно, считаются более совершенно устроенными». Вывод в работе Аркина прост и убедителен: **«Расовые различия в строении головного мозга имеют излюбленные борозды и извилины, где они проявляются более часто и рельефно».**

Принципиальным открытием Аркина может считаться заключение о том, что «наиболее характерные расовые отличия отмечены в области **ассоциативных центров**». Эти центры имеют сравнительно более позднее развитие по сравнению с другими участками мозга. В них также легко читаются внешние морфологические различия строения мозга у представителей «высших» и «низших» рас.

Его современник и соотечественник Р. Л. Вейнберг в статье «К учению о форме мозга человека» (Русский антропологический журнал, 1902, N4) выявил расовые различия в строении Роландовых и Сильвиевых борозд. Крупный немецкий антрополог Карл Фогт также писал в этой связи: «Сильвиева щель у негра имеет более вертикальное направление, равным образом и Роландова щель».

Величайший французский антрополог Поль Топинар в своей фундаментальной книге «Антропология» (1879) подчеркивал: «Извилины бывают более толсты, более широки и менее сложны в низших расах. Нервы негров и преимущественно нервы основания мозга толще, вещество их мозга не так бело, как у европейцев».

Обладая более толстой костью черепной коробки, о чем писал еще древнегреческий историк Геродот, представители негроидной расы поэтому закономерно имеют более низкий порог болевой чувствительности. Карл Фогт первым обнаружил, что **ударная вязкость вещества мозга** у негров превышает этот показатель у белых европеоидов. «Вещество мозга у негра несравненно плотнее и тверже, чем у белого», – заявлял Фогт. На этот нейрофизиологический факт указывали еще во второй половине XIX века ассоциации боксеров, отказывая чернокожим спортсменам участвовать в соревнованиях на том основании, что они менее чувствительны к боли, чем белые.

Жан-Жозеф Вирей развил в том же направлении наши представления о специфике мозга негров: «У негров серое вещество мозга имеет более темный цвет. Но главное – у негров гораздо больше, чем у европейцев, развита **периферийная нервная система**, а центральная, наоборот, меньше. Похоже, мозг у негров частично ушел в нервы, словно животная жизнь развивалась за счет умственной».

Каков же **суммарный результат** всех вышеописанных различий в устройстве черепа и размещенного в нем мозга? Он проявляется в объективных цифрах, добытых нейрофизиологией, психиатрией и психологией.

Если у европеоидов усредненный IQ (показатель интеллекта) равен 100, то у негроидов не более 70, а у монголоидов (но не у всех: у китайцев, японцев) 102. Таковы же различия и в скорости реакции. Канадский профессор Дж. Филипп Раштон в наделавшем много шума исследовании «Эволюция и поведение рас» пишет в этой связи: «Головы больших размеров (содержащие более развитые мозги) находятся в прямой корреляции с интеллектом. Большие головы имеют тенденцию блистать своим интеллектом. Эта корреляция верна и по отношению к разным расовым группам. В возрасте семи лет африканские дети на 16% больше европейских детей, зато периметр их мозга на 8% меньше... Негры имеют в голове в среднем на 480 миллионов нейронов меньше, чем белые. С маленьким мозгом в большом теле они менее одарены интеллектуально, потому что большая часть мозга негров занята жизненными функциями, а не сознательными мыслями».

Поистине не секрет, что существует прямая и значительная связь не только между строением черепа и мозга (где мозг, напомним, является главным формообра-

зующим агентом), но также мозга, черепа и лица. А в лице, таким образом, запечатлеваются основные психологические черты его носителя, свойства его ума и характера. На этом строит свои заключения такая наука как **физиогномика**, основанная швейцарским мыслителем И.-К. Лафатером.

И здесь мы вновь имеем дело с расовыми различиями. Профессор И. А. Сикорский в своей монографии «Всеобщая психология с физиогномикой» (Киев, 1904) утверждал в этой связи: «Черная раса принадлежит к наименее одаренным на земном шаре. В строении тела ее представителей заметно более точек соприкосновения с классом обезьян, чем в других расах. Вместимость черепа и вес мозга черных меньше, чем в других расах, и соответственно тому духовные способности развиты меньше. Негры никогда не составляли большого государства и не играли руководящей или выдающейся роли в истории, хотя были в отдаленные времена гораздо больше распространены численно и территориально, чем впоследствии. Наиболее слабую сторону черного индивидуума и черной расы составляет ум: на портретах всегда можно заметить **слабое сокращение верхней орбитальной мышцы**, и даже эта мышца у негров анатомически развита значительно слабее, чем у белых, между тем она является истинным отличием человека от животных, составляя специальную человеческую мышцу».

Современные исследования лица человека и его отдельных составляющих (глаза, уши, зубы и т.д.) много способствовали установлению достоверных расоводиагностических маркеров. Известный советский антрополог М. И. Урысон в работе «Взаимосвязи основных морфологических особенностей черепа человека в процессе антропогенеза» (М., 1964) писал: «Исходя из рассмотрения черепа как тотальной скелетной структуры, можно предполагать, что прогрессивное развитие мозга оказывало свое влияние не только на формирование мозговой коробки, но и через ее изменение на перестройку лицевого отдела. Речь идет, следовательно, о взаимном влиянии мозговой коробки и лицевого отдела черепа, а также обуславливающих их изменение факторах в процессе эволюции черепа».

Сегодня в арсенале современной науки имеется такой точный и беспристрастный метод расовой диагностики, как антропологическая фотография. Работа Н. Н. Цветковой «Антропологическая фотография как источник для исследования по этнической фотографии» (М., 1976) служит тому наглядной и убедительной иллюстрацией. В ней она пишет: «В результате анализа фотометрических признаков выявлено, что почти все угловые размеры лица обладают хорошими группоразграничительными свойствами. Они имеют межгрупповой размах более двух стандартов». Это означает, что величина объективных расовых различий в строении лица у представителей разных рас устойчиво превосходит ошибку при измерениях.

В целом расовая геометрия лица такова. Европеиды по данным фотометрии имеют наиболее прямой профиль по верхнелицевому углу, причем последний (83-87°) у них всегда больше среднелицевого (81°), относительно небольшой угол выступания носа к горизонтали (57-63°), весьма сильное выступание носа к линии профиля (21-27°) и прямую верхнюю губу (85-91°).

Монголоиды отличаются склонностью к мезогнатности по верхнелицевому углу и углу выступания верхней губы (72-82°). У них верхнелицевой угол (82-87°) всегда меньше среднелицевого (83-88°). Угол выступания носа к горизонтали – наибольший (65-72°) среди всех изученных групп.

Негроиды прогнатны (то есть имеют резко выступающую нижнюю челюсть) по верхне- (73-77°) и среднелицевому (76-80°) углам и углу выступания верхней губы.

Это вновь означает, что расовый и этнический тип – объективная реальность и поддаются точному измерению не только в общем, но и по отдельным частям портрета.

В современном сборнике работ «Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас» (М., 1986) обсуждаемая тема выводится уже на качественно новый уровень. Так в статье «Перспективы применения ближней стереофотограмметрии в антропологии», созданной коллективом авторов: Л. П. Винников, И. Г. Индиченко, И. М.

Золотарева, А. А. Зубов, Г. В. Лебединская – говорится о том, что качественная цветная фотография позволяет выявлять все нюансы пигментации глаз, кожи, волос, а также определять межзрачковые расстояния и выступание глазного яблока. В связи с чем авторы данной разработки считают, что предлагаемый ими метод: «...открывает широкие перспективы чрезвычайно детального исследования поверхности лица человека и с большим успехом может быть использован и в этнической антропологии».

Итак, совершенно очевидно, что расовые пропорции «черт лица» и всей головы в целом, воспринимаемые в процессе антропозстетической оценки, есть реальный факт.

Один из классиков немецкой антропологической школы барон Эгон фон Эйкштедт в своей базовой монографии «Расология и расовая история человечества» (1937-1943) увязал особенности морфологии лица различных рас с эволюцией их развития:

«В отношении сравнительной морфологии мягких частей следует упомянуть два основных явления, которые имеют эволюционное значение. Это, во-первых, наличие органа Якобсона, короткого рудиментарного прохода со слепым концом в передней нижней части носовой перегородки, выполняющего у низших видов особую функциональную задачу. Далее, интерес представляют боковые части заднего хряща, которые у прогрессивных европеоидов к концу разветвляются, а у примитивных рас, вроде меланезийцев, образуют сплошную широкую пластину. Это промежуточная форма, ведущая к человекообразным обезьянам.

Квадратный мускул у примитивных, особенно темнокожих рас тоже гораздо компактней, чем у европеоидов, у которых отдельные части волокон настолько развились, что французские анатомы вообще считают их отдельными мышцами. Небольшие поперечные ткани носовой мышцы при этом обычно сильно коррелируют с общим характером кожного покрытия мягких частей. Поэтому их толщине обычно соответствует также более сильное опускание и большая мясистость крыльев носа, иногда даже, что часто встречается у евреев и псевдоеврейского типа на Новой Гвинее, большая толщина складок век и нижней губы. У негров и палеомонголоидов немногие ткани могут совсем потеряться в губчатой соединительной ткани. Эта массивность порождает глубокие борозды у крыльев носа, которые на плоских лицах идут почти сплошной линией от угла глаза через крыло носа к нижней челюсти.

Если же мы нарисуем общую эволюционную картину того, что показывают мышцы носовой области, то здесь еще более явно выражено то же, что и в области орбит: чем выше формы, тем больше дифференциация мышц. Губы – характерный признак как индивидуального, так и расового лица, они многое говорят о психическом типе человека. Область рта – самая выразительная и показательная с точки зрения расовой физиогномики.

Если мы учтем также области орбит, носа и щек, то станет ясным общее направление эволюционного развития мускулатуры человеческого лица. Во всех случаях, чем выше эволюционная стадия, тем выше возможности дифференциации мускульной массы. Есть лишь разные формы выражения одной основной тенденции. Таким образом, мы можем увидеть и разгадать на конкретном примере тайны и взаимосвязи происхождения видов и его конструктивные пути.

О промежуточных стадиях эволюции человека мы можем судить по атавистическим современным формам примитивных рас. У них вся мускульная масса средней части лица толще и менее дифференцирована. Недифференцированность вообще следует считать признаком примитивности. Массивные и многократно переплетенные мускульные связи до сих пор характерны для монголоидов.

Хотя утолщение губ особенно характерно для негроидов, оно более или менее часто встречается и у других рас, например, у восточных веддоидов. Очень толстые губы у южных китайцев, сравнительно узкие – у примитивных австролоидов, очень узкие – у североамериканских индейцев. Непропорционально толстая нижняя губа может быть наследственным признаком целого народа, как, например, у евреев.

Детский рот с нечеткими контурами, как у европейских детей, встречается у инфантильных примитивных рас. Контур верхней губы и ротового отверстия в форме полумесяца типичен для западных веддоидов, особенно женщин.

На нордическом профиле губы не выступают, а у южных рас выступают. С последним явлением часто связано оседание контура профиля, типичное для негров «вогнутое рыло».

Непревзойденным кладезем информации по вопросам расовой физиогномики является также книга «Язык человеческого лица» (1938) крупного немецкого анатома и врача Ф. Ланге, не говоря уже об упомянутом Лафатере.

Мы не будем подробно останавливаться на наиболее очевидных различиях в расовом облике различных жителей Земли. **Части лица** – цвет кожи, волосы, форма и цвет глаз, носа, волос, губ, ушей, зубов, овал лица являются наиболее значимыми при этно-расовой характеристике воспринимаемой внешности. По этим показателям даже пятилетний ребенок с первого взгляда отличит негроида от монголоида и европеоида.

Процитируем только вкратце двух специалистов в отношении расового устройства глаз и волос.

Ж.-Ж. Вирей: «У некоторых животных имеется третье веко. У человека оно рудиментарно, но у европейцев гораздо менее выражено, чем у негров, которые в этом отношении сближаются с орангутангами. Расстояние между европейцем и негром невелико по сравнению с той пропастью, которая отделяет человека и человекообразных обезьян. Однако физические формы негров в какой-то степени являются промежуточными между европейскими и обезьяньими».

Н. А. Дубова: «Если среди представителей монголоидной расы эпикантус – один из самых характерных ее признаков – встречается в 20-100% случаев, то среди европеоидов этот показатель варьирует от 0 до 10% случаев. Прямые волосы распространены как среди монголоидов, американских индейцев, так и среди европеоидов, но у классических негроидов они не встречаются никогда. Для австралоидов, включая веддоидов, характерны широко- и узковолнистые волосы. Монголоидов и американских индейцев от европеоидов отличает значительная жесткость прямых волос (признак, который почти не встречается у европеоидов)».

И т.д.

Скелет человека, в особенности в области таза у женщин (поскольку именно женский таз формирует наследственную форму черепа каждой расы) тоже позволяет обнаружить неизменные расовые различия. Известные западные антропологи П. Брока, П. Топинар и С. Т. Зоммеринг сравнивали таз «низших» рас с тазом обезьян. Франц Прюнер-Бей, в силу наглядности и точности признака, вообще предложил отказаться от классификации рас по строению черепа и перейти на классификацию рас по форме таза. Раздел антропологии, занимающийся изучением расовых различий по тазу, называется **пельвиметрией**. Для количественного измерения расовых различий используется **входной указатель Тернера**.

Из русских классических работ на эту тему можно назвать сочинения М. И. Лутохина «Исторический обзор литературы о расовых различиях таза» (М., 1899) или В. А. Мошкова «Новая теория происхождения человека и его вырождения» (Варшава, 1907). Известный русский этнограф и антрополог О. В. Мильчевский в своем сочинении «Основания науки антропоэтнологии» (М., 1868) в этой же связи подчеркивал: «Формы таза относительно различных племен были довольно обстоятельно изучены Вебером. Более удлиненной формой, более вертикальными и высокими подвздошными костями, более узкой и высокой крестцовой костью приближается сильно таз готтентотки, или ботокудки к тазу животных... Профессор Вебер даже разделяет людей на 4 класса, смотря по различным формам их тазов, овальной (европейцы), круглой (индейцы), четырехугольной (монголы), клиновидной (у черных рас)».

Данный раздел физической антропологии позднее получил основательное научное развитие. Наивысшего своего расцвета расовая пельвиметрия достигла в работах Эгона фон Эйкштедта, так он указывал в частности: «Расовые различия величины таза значительны и не объясняются только размерами тела, а обусловлены расо-

выми вариациями наследственности. Так тазы у веддоидов, негритосов и палеомонголоидов (в Японии), как абсолютно, так и относительно меньше, чем у европейцев. Негритянские тазы отличаются небольшими размерами, узостью и высотой, тогда как у европейцев боковой и передний края подвздошной кости широко расходятся. Поперечно-овальная форма преобладает у европеоидов, круглая у негроидов. У китайцев формы разные, но у южных брахицефалов преобладает поперечно-овальная форма. К числу расовых различий относится и наклон таза. У японцев он небольшой».

Весьма многие иные фрагменты скелета (например, берцовые кости и др.) также имеют стойкие расовые различия как по форме, так и, как выяснила отечественная наука, по содержанию (биохимическому). Так, в сборнике под характерным названием «Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и метода» (М., 1989) мы найдем яркую и убедительную статью М. В. Козловской «Опыт изучения эпохальной динамики изменчивости некоторых физиологических признаков», в которой на основе биохимических процессов дается недвусмысленное подтверждение гипотезы об исходном существовании двух морфотипов и параллелизме рас. Автор статьи анализирует такой важный для антропологии человека биохимический фактор, как **минерализация костных тканей скелета**, каковая является также и расовым признаком, жестко генетически детерминированным. М. В. Козловская подтверждает: «Высокий уровень минерализации не необходим функционально, но воспроизводится генетически определенными механизмами. Концентрации микроэлементов в костной ткани – комплекс различных индикативных признаков».

Имеются и **другие признаки** расовых различий, не менее яркие и неизменные, хотя и не всегда заметные невооруженным глазом. Сегодня они, вопреки идейно-политическим рогаткам, признаются и учитываются не только фундаментальной наукой (расологией, антропологией), но и прикладными науками, непосредственно связанными с жизнью человеческих масс, например, медициной. Так, название доклада А. И. Козлова «Учет расовых особенностей в превентивной кардиологии» говорит само за себя, ибо свидетельствует о глубоком понимании практической повседневной значимости расовых различий. Больные разных рас устроены по-разному, они одной и той же болезнью болеют по-разному, их надо по-разному лечить: понять это – означает спасти множество жизней.

Можно было бы еще и еще раз углубиться во все тонкости и нюансы расовых различий, но думается, что сказанного более чем достаточно, чтобы вслед за современной российской исследовательницей Г. А. Аксяновой повторить: **«Полиморфизм тех физических особенностей современного человечества, которые именуются расовыми, существует независимо от позитивного или негативного отношения к самому термину «раса». Исторически возникшее переплетение этого научного термина из области биологической систематики с негативными социальными проявлениями не меняет его биологической сущности в применении к человеку. Расовая дифференциация в морфологии человека есть объективная реальность».**

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ: РАСЫ И ЯЗЫКИ

Каждый народ имеет тот язык,
которого он биологически достоин.

В. Б. Авдеев

В ВОПРОС о сущности рас однажды вмешались филологи-лингвисты и во многом запутали и без того не самый простой вопрос о расовых границах. Поскольку выяснилось, что представители разных рас могут вдруг относиться к одной языковой группе, а представители одной расы – говорить на языках разных групп.

Основы сравнительного языкознания были заложены В. Джонсом в 1796 г.; в 1835 г. немецкий санскритолог Ф. Бопп издал «Сравнительную грамматику». Оба они

указывали на генеалогическое единство индоевропейских языков. В 1861 году вышли «Лекции по науке о языке» М. Мюллера, где впервые на основании сравнения языков было заявлено о некоем прошлом времени, «когда первые предки индусов, персов, греков, римлян, славян, кельтов и германцев жили не только в одном селении, но и под одной кровлей».

Антропологи скептически встретили откровения лингвистов: «Этнологическая ценность сравнительного языковедения весьма мала, – писал Поль Брока в 1861 году. – И на самом деле она скорее всего может привести к заблуждению, чем к чему-либо другому».

Прошло немало времени, прежде чем лингвисты, изначально размещавшие прародину индоевропейцев в Азии, согласились переместить ее в Европу, примирившись с антропологами. (В те времена в одну группу объединялись языки: санскрит, зендский, авестийский, греческий, латинский, немецкий, кельтский и славянский.) Однако представители уже новой науки – лингвистической палеонтологии – со временем замахнулись на проблематику высшего порядка. Так, исследователь иранских языков В. Гейтер (1829-1870) выступил с сочинением, называвшимся – ни много ни мало! – «История происхождения человечества», предприняв попытку с явно негодными средствами.

Со временем лингвисты и антропологи научились сотрудничать, поверяя данные одной науки – данными другой. Так родилась концепция арийской расы (К. Пенка: «Происхождение ариев», 1883), прародина которой, как думали тогда, располагалась в Скандинавии. Арийцы, согласно Пенке, покоряли народы Востока, Юга и Запада, навязывая им свой язык. Последняя мысль нашла свое подтверждение в дальнейшем.

Вопросы прародины ариев, соотношение крови, почвы, языка, географии и т.п. занимали и продолжают занимать исследователей. Так, в 1925 г. на русском языке вышла книга выдающегося немецкого антрополога Ф. фон Лушана «Народы, расы и языки». В ней он поставил читателей перед многими странными фактами, приоткрывающими проблему миграции нордической расы на Юг – в Малую Азию, Северную Африку, Аравию, Кавказ. Его современники, такие как К. Е. Уйфальви, Г. Бушан, Э. Бельц, К. Штрац, И. Цольшан, Г. Швейнфурт, Л. Крживицкий и другие, распространяли эту увлекательную гипотезу на Переднюю Азию, Египет, Японию, Северный Китай, Центральную Африку, Яву, Индию, Индокитай, Малайский архипелаг, Океанию и Тибет. Попутно пришлось отказаться от понятия «арийская раса» в отношении североевропейской, «нордической» расы. Лушан обратил внимание не факт двойной идентичности евреев, говорящих на семитском языке, но соматически принадлежащих к переднеазиатскому типу и являющихся ближайшими родственниками армян, говорящих «на арийском языке в самом узком смысле этого слова». И таких народов, чья антропологическая идентичность явно противоречила идентичности языковой, оказалось весьма много. Что также, разумеется, объяснимо лишь через миграционные процессы и ассимиляцию.

Чересполосица лингвистических и расологических мнений то расходилась, то сходилась. Однако, применив биологизм как метод, мы теперь уже можем осознать, что простые и очевидные различия в расовом строении ротовой полости, челюстей, зубов, гортани, языка – одним словом, всего речевого аппарата неизбежно должны были привести и привели к принципиальным фонетическим отличиям языков¹⁰, а различное устройство мозга – к различному понятийному аппарату и различному способу

¹⁰ Не случайно сегодня фонетические особенности, которые считаются обязательной нормой языка для одних народов (шепелявость у англичан, картавость у французов и немцев), для других народов так же обязательно считаются дефектом речи (шепелявость и картавость у русских). Корифей расологии П. Топинар еще в XIX в. указывал: «Существуют языки, глубоко отличающиеся друг от друга и требующие особого устройства гортани для разговора на них и особого понимания для уразумения их (...) Следует обратить внимание также на различные способы ощущения музыкальной гаммы в пяти частях света. То, что гармонично для слухового аппарата мозга одних рас, неприятно для слуха других. Воспитание здесь не при чем, так как самый факт первичен и имеет анатомическое основание».

смысловой связи понятий, различной логике и синтаксису мышления уже на самой ранней стадии существования различных рас. Что в свою очередь образовывало различный грамматический строй речи. Не языки, неизвестно откуда взявшись, формировали расовые общности. Напротив, расы, а затем и этносы обзавелись языками, во всем и всецело соответствующими их биологической сущности¹¹!

Эту идею когда-то замечательно выразил в более обобщенном виде основоположник расовой теории граф [Ж. А. де Гобино](#): «Ни один народ не может иметь язык, стоящий на более высокой ступени, чем он сам. Иерархия языков находится в строгом соответствии с иерархией рас». А позднее немецкий этнолог О. Рехе (1879-1966) в статье «Раса и язык» сформулировал не менее великолепно, но более точно: «Результатом совместных усилий разных отраслей науки о человеке является решение проблемы «раса и язык»: человеческие расы возникают в состоянии изоляции как продукт наследственных задатков, отбора и эндогамных браков, и та же самая изоляция одновременно порождает однородный тип языка как продукт физических и духовных особенностей возникающей расы. Таким образом, **первоначально раса и тип языка всегда совпадают**. Язык был, так сказать, одним из духовных расовых признаков. В характерном для нее типе языка каждая раса создала удивительно гармоничный, приспособленный к ее тончайшим духовным движениям инструмент, который она не может безнаказанно отбросить. И если в позднейшие времена из-за распространения и смешения рас первоначально столь ясная картина замутилась, это не может ничего изменить в основном факте духовной взаимосвязи расы и языка: **язык – это часть расовой души**».

Добавить к этому нечего, но надо запомнить эту мысль, которая пригодится нам еще не раз. Вместе с тем, зная, как часто в истории победители навязывали свой язык побежденным, либо как низшие народы перенимали язык высших для социальной адаптации и подъема, мы должны признать: язык как явление вторичное по сравнению с биологией не годится на роль расоводиагностического маркера.

СКОЛЬКО В МИРЕ РАС

ИТАК, оставим в прошлом попытку классифицировать расы по языку и ответим на простой вопрос: сколько в мире рас.

Прежде всего, постулируем вновь: время возникновения рас – неизвестно. Разброс гипотез таков, что не позволяет ответить на этот вопрос однозначно.

Немного забегаю вперед, скажу: место возникновения рас – также неизвестно. С того времени, как появились первые люди, географическая карта мира менялась самым радикальным образом – и притом не один раз.

Никто сегодня также не знает ответа на вопрос, каковыми по численности были изначальные расы при своем зарождении. Понятно, что это не могла быть одна-единственная прародительская пара-семья, иначе кровнородственные браки неизбежно и скоро привели бы такую «расу» к вырождению. Между тем, как мы знаем, табу на близкородственные браки (инцест) существуют даже у стайных животных – собак, обе-

¹¹ Члену-корреспонденту АН СССР С. П. Толстову принадлежит гипотеза «первобытной языковой непрерывности»: якобы человечество на заре своей истории говорило на многочисленных языках, постепенно переходивших один в другой на смежных территориях и составлявших в целом как бы единую непрерывную сеть. Однако ясно, что этнос Б, граничащий с одного боку с этносом А (и имевший некоторую группу лексем АБ), а с другого – с этносом В (и имевший соответственно группу лексем ВВ), уже не мог вовсе общаться с этносами Г или Д, не граничащими с ним вообще. Так что ни о какой непрерывности речь идти не может. Кроме того, не периферия, все же, определяет характер языка; а в этническом центре как раз оставались цельные и живые языки А, Б, В и т.д., созданные именно данными этносами и недоступные даже соседним этносам в своей цельности и живости (к примеру, у индейцев Северной и Южной Америки насчитывается около 130 самостоятельных языков!). Так что очередную попытку выдать «человечество» за нечто целое следует в очередной раз отменить.

зьян. Тем более оно было у начальных человеческих общин¹². Но понятно также, что изначальная раса не могла быть слишком велика, иначе она, чтобы выжить, должна была сразу разбежаться во все стороны в поисках пропитания и таким образом просто не успела бы консолидироваться, сложиться в расу с устойчивыми биологическими наследственными признаками. Как верно заметил еще в начале XX века русский ученый В. Л. Комаров: «Для возникновения новой расы необходимо, чтобы характерные ее свойства появились сразу у всех ее неделимых, населяющих данную территорию».

То есть, изначальная раса не могла быть более того, сколько обычно насчитывает такая предельно компактная и вместе с тем самодостаточная этническая единица, как племя, которое затем росло как целое до критической массы. И в дальнейшем, прежде чем начать дробиться и мигрировать, раса не могла численно превысить размер небольшого – от нескольких десятков тысяч до двух-трех сот тысяч человек – народа, способного к элементарно координированным действиям, доступного хотя бы примитивному управлению.

Сколько же было на Земле изначально таких племен-рас? Сколько их сегодня? Когда закончился (если закончился) процесс расообразования? Посмотрим, что отвечает на это современная наука.

Ответы никогда не были простыми хотя бы потому, что научный консенсус по поводу термина «раса» возник не сразу. Мы до сих пор пользовались этим термином, определяя его лишь по признакам, не уточняя дефиницию – ведь все познается в сравнении. Но теперь, сравнив расы по многим параметрам, мы с тем большей легкостью примем тот подход, который в книге «Человеческие расы» (1900, на русском и французском языках) дал наш соотечественник, основоположник биологического детерминизма (биологизма) ученый И. Е. Деникер: **раса – есть соматическая единица, основанная исключительно на физических признаках** (цвет кожи, цвет глаз, качество волос, рост, форма головы, носа и т.д. – см. выше).

Не углубляясь в историю вопроса, отметим, что до Деникера в этом вопросе царил путаница, порожденная некорректным вмешательством лингвистов и этнографов, в результате чего термина «раса» (в переводе с санскрита – «чистая эссенция») удостоивались не только крупные микшированные этнообразования, но и отдельные народы и чуть ли не племена – вплоть до нескольких сотен «рас».

Концепция Деникера была принята научным сообществом и заложила прочную основу расологии на всю перспективу. В дальнейшем все определения расы, как классические, так и современные, строились по принципу биологизма и подчеркивали кровную, наследственную общность всех сочленов расы.

Вот как определяли расу классики, в основном немецкие:

Г. Ф. К. Гюнтер: «Раса – это единая группа людей, отличающаяся от других групп особым, присущим ей сочетанием физических признаков и психических свойств, и всегда воспроизводящая только себе подобных».

О. Рехе: «Раса является понятием естественнонаучной систематики. Раса – это группа живых существ, которая развилась в изоляции и благодаря естественному отбору из одного корня и без примеси чужеродных элементов, эта группа благодаря большинству физических и духовных наследственных признаков, образующих в своем соединении некоторое единство, а также благодаря форме своего проявления вовеки существенно отличается от других групп этого рода и всегда воспроизводит лишь себе подобных. Раса тем самым обозначает “гармонию”, “жизненный стиль” и “характер”».

О. Фишер: «Под расой в антропологии понимается значительная часть людей, связанных между собой общими, передающимися по наследству телесными и психическими особенностями, отличающимися от таковых же у других групп».

А вот что пишут их младшие современники, в основном американцы XX века:

¹² Интересно и весьма показательно, что единственный этнос (полностью исчезнувший уже в 1877 году), чей образ жизни сравним с образом жизни человека палеолита, – тасманийцы – знали и блюли табу на браки в пределах рода: между детьми и родителями, а также между внуками и бабками-дедами.

Т. Добжански: «Расы суть популяции, отличающиеся по частоте некоторых генов и обменивающиеся либо потенциально способные обмениваться генами через барьеры (обычно географические), их разделяющие» (1944). В работе 1962 г. этот же автор добавляет: «Расовые различия – объективно доказуемый факт, число рас, которые мы выделяем, – предмет для согласования».

Э. Хутон: «Раса есть группа, члены которой обладают сходными комбинациями специфических физических характеристик, которыми они обязаны своему общему происхождению» (1946).

У. Бойд: «Мы можем определить расу как популяцию, которая существенно отличается от других популяций по частоте одного или более генов. Выбор генных локусов и их число, которое можно считать достаточным для признания значимости всего набора, являются произвольными» (1950).

С. Гарн: «В настоящее время общепринято, что раса есть смешивающаяся популяция, в значительной мере, если не полностью, репродуктивно изолированная от других смешивающихся популяций. Мерой расы является, таким образом, репродуктивная изоляция, возникающая обычно, но не исключительно, по причине изоляции географической» (1960).

Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин: «Раса есть совокупность людей, обладающих общностью физического типа, происхождение которого связано с определенным ареалом» (1978).

Ф. Фогель, А. Мотульски: «Раса – это большая популяция индивидов, которые имеют значительную долю общих генов и отличаются от других рас общим генофондом» (1986).

С. Молнар: «Я буду, если нужно, употреблять термин "раса" для обозначения группы или комплекса смешивающихся популяций, обладающих некоторыми общими чертами» (1992).

Наконец, процитируем советских авторов **Н. Н. и И. А. Чебоксаровых**, чья книга «Народы, расы, культуры» под редакцией академика Ю. В. Бромлея не раз издавалась и служила своего рода официозом в СССР: «Расы – территориальные группы людей, выделяемые на основании их генетического родства, которое проявляется внешне в определенном физическом сходстве по многим признакам¹³» (1972).

Как видим, общность биологических признаков во всех определениях (некоторые авторы «заигрывают» с географией и способностью к метисации, но эти факторы не доминируют) выступает на первое место. И сегодня в слово раса, уже зная о всем многообразии разграничителей – расоводиагностических маркеров – ученые вкладывают тот же, сугубо биологический, смысл. Он отлично выражен, например, в фундаментальном труде отечественных ученых В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой «Палеоантропология Средней Азии» (М., 1972): **«Расы человека, как и подвиды животных, являются категориями, то есть сущностями биологическими»**. Мы рекомендуем на данном этапе читателю эту формулировку, в которой мы видим удовлетворяющую нас преемственность и единомыслие.

Однако, при таком единстве понимания главного – сущности расы – ученые далеко не всегда могли договориться о том, какие именно этнические общности соответствуют этой сущности и сколько их, соответствующих. Так, американский расолог О. Клинеберг в книге «Расовые различия» писал: «Никто еще не смог до Деникера создать такую расовую классификацию, в которой бы использовалась комбинация признаков, таких, как структура волос, цвет кожи, цвет глаз, форма носа и другие, что позволило сократить количество известных рас до семнадцати, и двадцати одной подрасы, в то время как предыдущие исследователи, основываясь на классификации по отдельным признакам, называли различное их число от трех до трехсот».

Препятствием, затруднявшим решение проблемы, были, во-первых, недостаточные познания палеоантропологов, а во-вторых, попытка определиться с наличествующими именно на текущий момент расами (не учитывая многих тысяч лет метиса-

¹³ Чебоксаровы Н. Н. и И. А. Народы, расы, культуры. – М., Наука, 1972. – С. 91.

ции и взаимного влияния рас), вместо того, чтобы сосредоточиться на проблеме исходных рас (проторас), лежащих в основе больших рас, имеющих не только расовое ядро, но и расовую периферию в виде смешанных в расовом отношении этносов. Очень верно заметил в этой связи светило отечественной антропологии В. П. Алексеев в книге «Историческая антропология и этногенез» (М., 1989): «Число народов колеблется, по разным подсчетам, вокруг тысячи, число расовых типов в разных классификациях не превышает нескольких десятков. Из этого простого сопоставления видно, что расы в подавляющем большинстве случаев соответствуют более высокому уровню объединения антропологических объектов, чем этнические группы».

Итак, если от расовых типов и подтипов, представляющих собой осколки больших рас или варианты их смешения, подняться к т.н. **«большим» расам**, о которых пишет современная нам наука, то их, по признанию многих ученых, оказывается **пять**. Их называют, в зависимости от стиля: белая (европеоиды), желтая (монголоиды), черная (негроиды), красная (американоиды) и аборигены (австралоиды). В связи с тем, что по весьма многим маркерам, в т.ч. дерматоглифическим и биохимическим, обнаруживается полное совпадение или большая близость между монголоидами и американскими индейцами, некоторые ученые (мы с ними солидарны) сокращают число больших рас до **четырёх**: европеоиды, монголоиды, негроиды, австралоиды.

Такое деление, помимо всяческих иных удобств, предоставляет возможность обратиться к эпохе палеолита и установить ясную и простую преемственность от трех достоверно известных науке **проторас**: кроманьонцев (европеоиды), неандертальцев (негроиды и австралоиды) и синантропов или иных, неуточненных предков (монголоиды). Подчеркнем при этом еще раз, что наука принципиально не может сегодня ответить на вопросы о времени, месте и обстоятельствах возникновения этих проторас, а порой берет под сомнение и преемственность второй и третьей из них.

НАШИ ПРЕДКИ КРОМАНЬОНЦЫ

КРОМАНЬОНЦА не случайно все единогласно именуют также «человеком современным»¹⁴. (Имея в виду, конечно же, современного европеоида.) Название «кроманьонец» – условно: оно от места Кро-Маньон во Франции, где был найден первый такой скелет. Нет никаких биологических оснований не называть кроманьонца ранним европеоидом – или нас с вами поздними кроманьонцами. Если вопрос о прямом происхождении негров от неандертальцев ставится пока не очень уверенно (более уверенно – о происхождении от них же австралоидов; мы лично уверены в том и другом), то здесь нет никаких сомнений. Каждый представитель европейских народов и даже некоторых иных (более поздних) может сказать: кроманьонец – мой пра-пра-пра...-прадедушка.

Это понимали уже на заре антропологии. Крупный немецкий антрополог Александр Эккер (1818-1887) в 60-х годах XIX века обнаружил черепа «северного типа» в могилах Южной Германии и установил их тождество с черепами современных немцев. Черепа чистого «северного типа» повсюду в Скандинавии и Северной Германии обнаружил и крупнейший шведский антрополог Андерс Ретциус (1796-1860). Именно на основе этих многочисленных краниологических серий и было высказано предположение, что современный «северный тип» по своей структуре восходит к кроманьонскому типу палеолитической Европы. Классик французской антропологической школы Арман де Катрфаж (1810-1892) даже назвал древнего кроманьонца блондином в современном смысле этого слова. Идеально прямоходящие, очень высокие (средний рост 187 см) и большеголовые (объем мозга от 1600 до 1900 см³), они, как и мы, имели прямой лоб, высокий черепной свод, резко выступающий подбородок. Со временем, обнаружив от-

¹⁴ Возраст этого «современного» человека разные ученые определяют по-разному: от 40-50 тыс. до 200 тыс. и даже миллионов лет тому назад. Убедительного ответа найти не удалось.

печатки пальцев древних скульпторов на глиняных фигурках эпохи палеолита, ученые установили их полную расовую идентичность с современным европеоидом.

Данные краниологии – серьезнейший аргумент, о чем немало уже было сказано выше. Поэтому заслуживают не только доверия, но и особого внимания и раздумий данные науки о распространении кроманьонского черепа по Земному шару.

Как писал еще Ойген Фишер в работе «Раса и возникновение рас у человека» (1927): «Одна из наиболее обоснованных гипотез такова: от **кроманьонской расы произошла нордическая раса**, строители мегалитов, дольменных погребений Скандинавии, Дании и т. д. Согласно названной гипотезе, нордическая раса возникла в результате модификации позднепалеолитической расы на Севере по мере освобождения ото льда обитаемых ныне мест. Здесь возникла нордическая раса, тогда же она приобрела и свои типичные качества. Это наилучшее объяснение происхождения нордической расы». Оставим в этом пассаже вопрос о месте этногенеза кроманьонца для дальнейшего обсуждения (как стоящий пока вне компетенции антропологов) и примем главное: европеоиды заселили Север именно как модификанты кроманьонца.

Были ли они уже тогда разделены на расовые подтипы? Началось ли у подтипов уже тогда языковое обособление? В том, что рано или поздно это произошло – сомневаться не приходится. Об этом вполне аргументированно заявляет учение Дарвина: следствием естественного отбора является **расхождение признаков**. Это значит, что один родоначальный вид может дать начало нескольким новым видам. Именно об этом же говорят и волны миграций с Севера на Юг, которые осуществлялись кроманьонцами периодически в течение всей обозримой исторической и доисторической ретроспективы. Образно говоря, кроманьонцы вплоть до XX века нашей эры «квантами» выпрыскивались на Юг, Восток и Запад из своей северной экологической ниши по мере ее переполнения.

Но кроманьонцами они себя, конечно, не называли. Какими же были имена экспансивных «квантов»? Их называют разные источники по-разному, и имена многих забытых мы сегодня опустим. В Средние века, Новое и Новейшее время это, к примеру, были немцы, испанцы, англичане, французы, голландцы, бельгийцы, русские. В более отдаленные времена – франки, викинги, готы, норманны, лангобарды. До них – германцы, кельты, гунны, скифы, славяне. До них – этруски, протоэллины, протоиталики. До них индоарии, до них – протоиранцы, до них – хетты... Все они говорили на языках индоевропейской группы, но за время, протекшее от «кванта» до «кванта», успевших видоизмениться до полной невозможности взаимопонимания.

Всегда «сверху вниз», всегда с Севера на Юг катились одна за одной волны массовых миграций («нашествий»), представленных все новыми потомками кроманьонца¹⁵. Поздняя волна при этом нередко накатывала на раннюю; вспыхивала братоубийственная война, тем более страшная, что воюющие уже не видели друг в друге братьев, ведь время и метисация с встречными расами и народами порой до неузнаваемости изменяли их облик и язык. Брат не узнавал и не понимал брата. Один «квант» говорил по-хеттеянски, другой – на санскрите, третий на зендском и авестийском языках, четвертый, пятый, шестой, седьмой – на греческом, латинском, финском, славянском... Языковые барьеры уже обрели жесткость, и расовые подтипы – результат метисации – уже сложились: как было восстановить родство? В те времена ведь никому еще не приходило в голову мерять черепа, чтобы решить эту задачу!

Черепки померяли в Новейшее время – и ахнули: потомки кроманьонца, оказывается (судя по протонордическим черепам в захоронениях), добрались до Центральной Африки, Индии, Океании и Полинезии, не говоря уж о Сибири, Урале, Алтае, Ка-

¹⁵ Другие расы, разумеется, тоже порой мигрировали, и далеко не всегда на Юг. Так, древнейшие монголоиды обнаружены под Красноярском. И в дальнейшем монголоиды нередко двигались с юга на Север, как это делали якуты, в XV веке сплавлявшиеся из байкальского региона на плотах по рекам Восточной Сибири к Ледовитому океану, или эскимосы, автохтоны Океании, прошедшие по всему побережью Ледовитого океана до самой Гренландии. Но вот следов массового откочевывания кроманьонца с Юга на Север археология не дает, да и мотивов, оснований для этого никаких не видно.

захстане, Китае, Средней Азии, Памире и всем Средиземноморье, включая Северную Африку и Переднюю Азию. И т.д.

Сегодня эти потомки носят самые разные имена, говорят на разных языках, не понимают друг друга и не считаются родством. Но все они вышли из Великой Северной Платформы, все имеют общего предка – кроманьонца.

КУДА ДЕВАЛИСЬ НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ

КАК ВСЕМ известно, неандертальцы некогда населяли всю Европу, кроме Скандинавии и северной России: их останки находят в Англии, Германии, Франции, Италии, Югославии, южной России (в скифских курганах) и т.д. Это автохтоны, старожилы Европы. Находили их и в Средней и Юго-Восточной Азии, и в Южной Сибири, в Китае, в Крыму, в Палестине, в Африке (вплоть до далекой Родезии) и на острове Ява. Не будем пока касаться вопроса о том, как они туда попали или откуда там взялись¹⁶. Возраст неандертальца разные специалисты датируют по-разному: по одним данным ему 50-100 тыс. лет, по другим, менее достоверным, – аж 200, 250 и даже 300 тыс. лет. Нам достаточно пока принять к сведению тезис: «Антропологи констатируют наличие в упомянутый период антропогенеза в Европе трех вариантов ископаемых людей: 1) неандертальцев; 2) людей современного типа; 3) промежуточных форм»¹⁷, уточнив, что под современным человеком мы понимаем кроманьонца, а под промежуточными формами – гибрид первых двух, а отнюдь не «переходное звено».

Первый неандерталец найден под Дюссельдорфом в 1856 г. В 1997 году исследователи из Мюнхенского университета проанализировали ДНК останков этого самого первого неандертальца. Возраст находки определили в 50 тыс. лет. Изучение 328 выявленных нуклеотидных цепочек привели палеонтолога С. Паабо к выводу: различия в генах между неандертальцами и современным человеком слишком велики, чтобы считать их родственниками. Эту мысль подтвердили исследования М. Понсе де Леон и К. Цолликофер (университет Цюриха), которые сравнили черепа двухлетнего неандертальца и соответствующего по возрасту маленького кроманьонца. Вывод был однозначен: эти черепа формировались совершенно по-разному.

В облике неандертальцев имелись черты, очень отличные от кроманьонских, но и сегодня свойственные негроидной и австралоидной расе: вдавленный назад подбородок, большие надбровные дуги, очень массивные челюсти. Неандерталец имел более крупный, нежели у кроманьонца, мозг, но иной конфигурации. Несовершенство и небольшая величина лобных долей мозга скрашивались наличием извилин, свидетельствующих об определенном развитии умственных способностей. В межвидовой борьбе такой мозг не стал преимуществом по сравнению с кроманьонским, но вряд ли есть основания противопоставлять неандертальцев виду *homo sapiens* в целом, поскольку разум у них, несомненно, был. И строение их неба, нижней челюсти, нижней левой лобной доли мозга (зона речи современного человека) таково, что позволяло неандертальцам владеть речью, хотя и не слишком богатой фонетически, из-за отсутствия подбородочного выступа¹⁸. Средний рост мужчин составлял 1,65 м, женщины были на 10 см ниже. При этом мужчины весили около 90 кг за счет очень сильно развитых мышц и тяжелых, прочных костей.

Целых трупов неандертальцев (подобно трупам мамонтов) не сохранилось, поскольку в грунтах вечной мерзлоты их не находили. Имеются только скелеты. Поэтому наверняка судить о цвете их кожи мы сегодня не можем. На популярных картинках и

¹⁶ Хотя известно, что неандертальцы вели кочевой образ жизни, но этим не объяснить географию таких миграций. Зато можно утверждать, что неандертальцы не найдены в Америке, Австралии, «верхней» части Сибири (т.е. на Севере), а также в большей части Восточной Европы.

¹⁷ Зубов А.А. Дискуссионные вопросы теории антропогенеза (Этнографическое обозрение № 6, 1994).

¹⁸ У шимпанзе лобные доли (префронтальная область мозга) составляет примерно 14% мозгового пространства, у неандертальца примерно 18%, у кроманьонца и современного европеоида – свыше 24%.

школьных пособиях неандертальцев обычно рисуют как покрытых редкой шерстью белокожих прямоходящих существ. Но эта раскраска ни на чем не основана. Ряд ученых сегодня выдвинул гораздо более правдоподобную гипотезу, что неандертальцы были чернокожими. Об этом говорит как географическая локализация наиболее близких к нам по времени неандертальцев, которые жили преимущественно в Центральной и Южной Африке и на Яве, так и цветность тех современных нам рас, которых обоснованно считают потомками неандертальца: негроидов, австралоидов, дравидов и др. Достаточно «перекрасить» неандертальца из школьной таблицы в черный цвет – и перед нами со всей убедительностью предстанет существо, чрезвычайно схожее внешне с названными расами¹⁹. Не только кожа и внешний облик, но и многое другое, к примеру, строение берцовых и голеностопных костей (чьи суставные плоскости свидетельствуют о привычке подолгу сидеть на корточках, что не свойственно европеоидам) роднит неандертальца с современными жителями Юга Земли. Весьма характерно, что среди останков кроманьонцев, найденных в гротах Гримальди (Италия), так называемых «гримальдийцев», есть два скелета, характеризующихся одними учеными как негроидные, другими – как неандертальские.

Неандертальцы, как и кроманьонцы, были людьми, они радикально отличались от мира животных. Хотя людьми биологически совсем другими, сильно уступавшими кроманьонскому человеку. Но все же неандертальцы создали собственную культуру, называемую мустьерской (шельской и ашельской): каменные и костяные рубила, скребла, остроконечники, хотя и не в столь широком ассортименте, как кроманьонцы, создавшие десятка два каменных и костяных «приборов». Неандертальцы тоже знали огонь, уже 40 тысяч лет назад с честью хоронили своих мертвых по примитивному обряду, чтити загробный мир, практиковали охотничью магию. В это же время у них появились примитивные украшения: подвески из зубов животных. Ученые считают, правда, что обычай украшать себя они могли перенять от кроманьонцев. В любом случае, никому в животном мире это более не свойственно. Но произведений искусства (наскальных картин, скульптур из кости и обожженной глины) неандертальцы, в отличие от кроманьонцев, не оставили.

Отношения между неандертальцами и кроманьонцами не были идиллическими. На стоянках неандертальцев находят тщательно раздробленные и обглоданные кости не только крупной дичи, но и точно так же обработанные кости кроманьонцев, то есть предков современных людей. И наоборот: на стоянках кроманьонцев находили раздробленные кости неандертальцев. Две проторасы вели между собой непримиримую войну, войну на уничтожение, «на съедение», как выразилась бы Библия. Каковая война сопровождалась, как неопровержимо свидетельствуют ископаемые скелеты, расовым смешением, скорее всего насильственным.

Примерно в течение десяти тысяч лет длилось жестокое противостояние двух проторас на одной территории; но к концу этого периода (около 40 тысяч лет назад)

¹⁹ Генное наследие неандертальца, например, низкие лбы, выступающие надбровья и губы, скошенные подбородки, усиленное оволосение тела, вне всякого сомнения проявляются сейчас порой и среди белых народов, особенно кавказского, переднеазиатского, средиземноморского или семитского типа, напоминающая о доисторических адюльтерах и мезальянсах. Среди представителей нордической расы эти «звероподобные» признаки тоже время от времени встречаются (например, чемпион по боксу Валуев или некоторые актеры: Владимир Толоконников, блестяще сыгравший Шарикова в «Собачем сердце» или обезьяноликий, необыкновенно поросший шерстью Виктор Сухоруков), чаще у простонародья, хотя порой отмечаются и у высших классов. Их относительная малочисленность у нордических народов по сравнению, например, с кавказскими и семитическими очень объяснима, ведь период расовой метисации у нордиков гораздо более отдален по времени. А как указывал еще Дарвин, природа избавляется в первую очередь от промежуточных форм как от ненужных ей, лишних, обделенных совершенством, в отличие от цельных рас, идеально приспособленных ею для выживания в своей нише. Итак, за тридцать тысяч лет нордические народы постепенно успели почти избавиться от метисов, чего не скажешь о других этносах – прямых потомках кроманьонцев, а тем более о представителях вторичных, кроманьонско-неандертальских рас.

кроманьонцы вытеснили неандертальцев из Европы практически совсем. Тридцать тысяч лет назад их остатки еще доживали в районе Гибралтара, в Пиренеях и горах Даламации. Но в целом «раса побежденных» откатилась дальше на юг, в Переднюю Азию и Средиземноморье, где противостояние продолжалось еще долгие тысячелетия.

Как уже вполне достоверно установлено, кроманьонцы не происходили и не могли происходить от неандертальцев. А вот смешиваться с ними (подчеркнем и подтвердим это лишним раз) могли, «улучшая породу». Причем как по своей инициативе, так и помимо нее, в зависимости от исхода той или иной конкретной межрасовой стычки. Если мужчинам, попавшим в плен, грозила участь быть съеденными, судьба женщин могла быть совершенно иной. Изучение тасманийцев, «застрявших» в каменном веке вплоть до своего исчезновения в XIX столетии, показало, что межплеменные отношения людей палеолита, помимо дипломатии, торговли и войны, непременно включают в себя и похищение женщин. Порода неандертальцев при метисации однозначно улучшалась, порода кроманьонцев столь же однозначно ухудшалась, но так или иначе, процесс имел настолько интенсивный, длительный и обоюдный характер, что привел, как уже говорилось, к образованию новых этносов и даже рас второго порядка.

Крупный отечественный ученый Ю. Д. Беневоленская в своей статье «Проблема выявления сапиентной и неандертальской линий на ранних стадиях эволюции» (Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 8-9, С.-Петербург, 1999) пишет: «Гипотеза эволюционной трансформации неандертальцев в неантропа все более уступает место представлению о вытеснении первых человеком современного типа, которое сопровождалось метисацией между ними».

Другой выдающийся отечественный антрополог А. А. Зубов в статье «Проблемы внутривидовой систематики рода *homo* в связи с современными представлениями о биологической дифференциации человечества (Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995) также указывает: «Мы можем говорить о «сетевидном» характере эволюции рода *homo* на всех этапах его эволюции. Важно отметить, что «сеть» могла включать разные эволюционные «этажи», взаимодействовавшие между собой и вносящие свой генетический вклад в общий, единый фонд многообразия эволюционирующего рода *homo*».

Иными словами, представители более «высоких» человеческих этажей вступали в половую связь с представителями «низших», неандертальских, этажей, в результате чего и произвели на свет метисов, затем численно обособившихся до уровня целых народов и рас, что и породило общее эволюционное многообразие рода *homo*.

А. А. Зубов пишет далее: «Процессы смешения неандертальцев с людьми современного физического типа происходили и в Передней Азии, что уже давно предполагали некоторые антропологи».

Известный американский биолог Энтони Барнетт в книге «Род человеческий» (М., 1968) также свидетельствует, что «люди современного типа появились примерно в то же время, если не раньше, что и неандертальский человек, и развивались параллельно. Промежуточные типы между современными людьми и неандертальцами могли быть результатом либо скрещивания, либо ранних фаз дивергенции неандертальцев от линии, которая привела к современному человеку».

По всей вероятности, зоной метисации следует считать все территории, включая Европу, где в то или иное время одновременно проживали обе проторасы – неандертальцы и кроманьонцы. Гибридные формы затем продолжали там же повсеместно существовать и давать потомство, скрещиваясь все более с господствующим типом – в Европе таковым уже 40 тысяч лет назад стал кроманьонец. При этом, согласно теории Дарвина, признаки смешанных форм как не предусмотренные естественным отбором (природой) в каждом поколении все более вытеснялись доминантными признаками европеоида, воспринимаясь со временем как атавизм. В результате неандертальские черты среди белых европеоидов хотя и встречаются до наших дней, но уже лишь изредка. Чем ближе к югу, тем они чаще, а в зоне Передней Азии и Средиземноморья либо становятся доминирующими, либо проявляются в виде этносов-гибридов, которыми можно считать, к примеру, семитов, эфиопов, египтян, магрибинцев и др. Ме-

тисация прихотливо избирательна: если эфиопы обладают черной кожей и европеоидными чертами лица, то у семитов, наоборот, нередко негроидные (неандерталоидные) черты лица при белой или оливковой («мулатистой») коже, и т.д.

Нет ничего удивительного в том, что целые народы-гибриды возникли в названной зоне, потому что именно здесь в течение минимум десяти тысяч лет разыгрывался финал Великой Неандертальской войны, и две проторасы, запертые между Средиземным морем и Атласскими горами, продолжали выяснять отношения до тех пор, пока полностью не растворились друг в друге и не распались на причудливо скомбинированные, но притом достаточно гомогенные вторичные расы и этносы. (Доминантный тип при этом исчез как таковой и возможность возврата к нему – реверсии – стала в целом исключена, хотя периодически оба изначальных типа обязательно проявляются, но лишь единично и фрагментарно.)

Об этом, в частности повествуют находки археологов Д. Гаррод и Т. Мак-Коуна, сделанные в начале XX века в Палестине на горе Кармел в пещерах Козья (Схул) и Печная (Табун). Там были обнаружены останки древних людей, разделенных во времени примерно десятками тысячами лет: древней золе в Печной пещере – 40 тысяч, а в Козьей – 30 тысяч лет. За эти десять тысяч лет с популяцией, населявшей данную местность, произошли огромные изменения: чисто неандертальский облик постепенно накапливал все большее количество характерных кроманьонских черт. Наиболее близкие к нам по времени насельники пещеры Схул имеют наибольшее количество кроманьонских признаков (включая средний рост 175 см), оставаясь притом, все же, гибридом²⁰.

Позднее выводы, сделанные при исследовании пещер Схул и Табун, были полностью подтверждены новыми находками в том же географическом ареале и в тех же временных слоях почвы. А именно: в 1930-е гг. на горе Кафех около Назарета найдены останки шести неандертальцев с такими характерными кроманьонскими отличиями, как высокий свод черепа, округлый затылок и др. Аналогичные находки были сделаны затем в пещерах Ябруд (Сирия), Хауа-Фтеах (Ливия), Джебел-Ирхунд (Марокко), Шанидар (Ирак). В 1963 году японская экспедиция нашла в Израиле скелет целого неандертальца, но... ростом с кроманьонца (170 см). И так далее.

Как мы уже твердо знаем, кроманьонец не произошел от неандертальца. Он бился с ним насмерть, полностью очистил от него Европу (частично смешавшись при этом с врагом, но десятки тысяч лет потом выдавливая из себя по капле его остаточные черты), однако не сумел повторить этот подвиг в Передней Азии и Средиземноморье. Здесь, именно в этом регионе, возник первый в истории «плавильный котел», в котором обрели свою смерть и новую жизнь как «югостремительные» эшелоны кроманьонцев²¹, так и бежавшие от них, но не сумевшие убежать неандертальцы.

Значит ли это, что от древних неандертальцев на сегодня остались лишь гибридные, промежуточные или вторичные формы, что все они полностью растворились в более сильной расе победителей или просто вымерли, уступив место другим расам?

Нет, для такого пессимизма нет оснований.

Атласские горы остановили утомленных преследователей, нашедших в благословенном климате Средиземноморья свой заветный, завещанный генами и племенными преданьями идеал: им некуда и незачем стало далее стремиться. Но спасавшие

²⁰ В высшей степени неслучайна та терминологическая и понятийная сумятица, с которой описывает найденных в пещере Схул гибридов такой вдумчивый читатель, как историк Н. Я. Эйдельман: «Одни признаки их как будто тяготеют к белой расе, но тут же рядом негроидные, монголоидные и совершенно неизвестные черты... Лицевые углы, размеры голов, формы носов у всех десяти находятся в самых причудливых сочетаниях». Выступая лишь как популяризатор и не будучи ни антропологом, ни расологом, Эйдельман, однако, метко заметил и интуитивно, но на самом деле вполне оправданно перевел в более современный пласт последствия смешения проторас!

²¹ Уцелевший, не поддавшийся переплавке осколок («изолят») тех кроманьонских эшелонов – берберы, отчасти также родственные им туареги, кабилы и рифы; они даже говорят на своем, не семитском и не кушитском, а берберо-ливийском языке в отличие от абсолютного большинства жителей североафриканского региона.

свою жизнь преследуемые просочились сквозь горную преграду и постепенно заселили всю Африку и не только ее. В результате каждая протораса закрепилась в своем ареале: кроманьонцы, ставшие европеоидами, – у себя, в основном в Европе; неандертальцы, ставшие негроидами и австралоидами, – у себя, в основном в Африке, затем на юге Индии (куда их вытеснили во II тысячелетии до нашей эры потомки кроманьонцев т.н. «андроновцы» – будущие «индоарии»), в Австралии, Тасмании и т.д.; а первая в мире смешанная раса – у себя, в Передней Азии и Средиземноморье. Это произошло примерно 30 тысяч лет назад.

На этом окончилась история проторас и началась история рас и этносов.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ: РАСЫ И ГЕОГРАФИЯ

НЕСКОЛЬКО раз по ходу изложения подчеркивалось: мы не знаем не только времени, но и места возникновения рас. Хотя в научной литературе имеется немало «окончательных» открытий центров или очагов антропогенеза, ведутся ожесточенные дискуссии на этот счет и даже есть научное направление «генеогеография». Настало время остановиться на этом парадоксе подробнее.

Два вопроса заставляют нас это сделать.

Во-первых, почему колоссальные людские миграционные потоки европеоидов почти всегда (до XX века) стекали только сверху вниз, с Севера на Юг, и почти никогда – наоборот?! Почему кроманьонец упрямо, «квант за квантом», стремился на юг вплоть до Центральной Африки, Индии и Океании, выбивая с южных широт всех ранее распложившихся там конкурентов – вначале неандертальцев, а затем и собственных модифицированных потомков?

Во-вторых, если кроманьонец появился в виде современного человека на Севере, чуть ли не у кромки ледника, где никогда не было и нет ни человекообразных обезьян, ни палеоантропов, ни гоминид, – откуда, спрашивается, он взялся там, в столь неблагоприятной для зарождения жизни (и вообще для жизни) зоне, да еще сразу в столь совершенном, не требующем дальнейшей эволюционной доработки виде?! Напомню вновь уже цитировавшиеся слова Ойгена Фишера: «Нордическая раса возникла в результате модификации позднепалеолитической расы на Севере по мере освобождения ото льда обитаемых ныне мест. Здесь возникла нордическая раса, тогда же она приобрела и свои типичные качества. Это **наилучшее** объяснение происхождения нордической расы».

Но ведь это «наилучшее» объяснение ничего не объясняет! Зная, что такая «модификация» не была эволюцией и что «позднепалеолитической расе» просто не из чего было возникнуть в условиях «освобождения ото льда» (а тем более до того!), на Севере, мы встаем в тупик перед этими вопросами.

Из тупика нас может вывести только одно: литосферная теория земных катастроф, созданная в 1920-х немецким метеорологом, аэронавтом и полярным исследователем Альфредом Вегенером. Основные соображения этой теории сегодня находят поддержку среди геологов, географов, археологов, историков, физиков, астрономов и богословов, ибо не противоречит всему колоссальному объему данных, накопленных названными науками²². Постараюсь изложить ее с максимальной доступностью.

²² На тот факт, что резкие разрывы, скачки в палеонтологической летописи невозможно объяснить помимо теории катастроф, указывали многие ученые, начиная с Ж. Кювье еще в XVIII веке. В XX веке сильными апологетами литосферной теории катастроф были, помимо А. Вегенера, – Ч. Хэпгуд, Альберт Эйнштейн (написавший предисловие к книге предыдущего автора) и О. Шиндевольф. Многими учеными выдвигались также частные теории катастроф: резкое охлаждение части планеты и схождение ледника, резкий перегрев части планеты, химическое изменение воздуха и воды, потоп и вакханалия извержений и проч.; но все эти поражающие воображение частности вполне обнимаются литосферной теорией, все как нельзя лучше вписываются в ее контекст: «следы тропических деревьев в мерзлотных недрах тундры и в животах мамонтов, запасы угля в Антарктиде (ее покрывали леса), следы ледников в Сахаре, Индии, Азии, Австралии (в разное время полюсы были там, а в последний раз ледниковый период приполз в Ев-

Представим себе, что мы взяли апельсин и между кожурой и круглым внутренним съедобным тельцем залили жидкую смазку, так, что она повсеместно разделила внутри оболочку и ядро. А потом мы с нездешней силой бросили этот апельсин бесконечно далеко, придав ему еще легкое вращательное движение. И вот летит наш апельсин вперед, слегка при этом вращаясь вокруг своей оси. И, поскольку он представляет собой с точки зрения физики инерционную систему, то все три его составные части – ядро, смазка и оболочка-кожура – остаются неизменно неподвижны одна относительно другой, вращаясь и двигаясь вперед совершенно синхронно, вместе, как единое целое. Полюсы кожуры незримой осью соединены при этом с полюсами ядра, а экватор неподвижен. Но вот мальчишка выстрелил из рогатки маленьким камешком и слегка задел в полете наш апельсин по касательной. Что произойдет с апельсином? Апельсин не прекратит движение вперед, разве что чуть отклонится от траектории. Он сохранит и вращательное движение, на время слегка ускорив или замедлив его в зависимости от того, в какой бок попадет ему камешек. Ничего страшного, никаких особых перемен в соотношении апельсина с окружающим миром. Но вот с самим апельсином произойдут большие перемены! Все его части мгновенно поменяют свое взаимное положение! Тяжелое ядро – внутреннее тельце – будет по инерции сохранять почти неизменным свое положение (ось и полюсы) в пространстве, скорость и направление вращения. А вот оболочка мгновенно провернется на смазке в сторону, определенную столкновением. И восстановив затем инерционное равновесие, продолжит движение как ни в чем не бывало. Только бывшие полюсы кожуры и ее экватор окажутся при этом уже совсем не там, где были до удара, и вообще вся кожура съедет относительно положения ядра. Это совершенно понятно и наглядно.

Наша Земля в своем вечном полете и движении – вокруг Солнца и вокруг своей оси – представляет собой **точно такую же инерционную систему**. Ее кожура толщиной от 50 до 70 (по другим данным от 20 до 40) км – это земная кора, на которой мы все живем. Ее смазка – это жидкая расплавленная магма, повсеместно находящаяся между корой и ядром. Есть и ядро достаточно немалого размера и массы, пропускающее электромагнитные сигналы, состоящее, скорее всего, из того же материала, что и Солнце, – из смеси раскаленных газов. Поэтому при столкновении с твердым небесным телом – а таких столкновений в ее истории было немало – Земля претерпевает все описанные выше пертурбации: радикально (притом мгновенно, рывком) изменяет расположение всей земной коры относительно оси вращения и полюсов. А поскольку на полюсах за время между ударами успевает нарасти огромная и тяжеленная шапка льда («ледяная гантеля»), то движение поэтому еще ускоряется и сопровождается трещинами, расколами и гигантскими разрывами земной коры, напознанием одних тектонических платформ на другие (мощные щиты и плиты сминаются, как фольга, ломаются, встают дыбом – именно так дно моря Юрского периода со всеми характерными отложениями оказалось на вершине Большого Кавказского хребта), стремительным таянием льдов и потопом, выхлестыванием магмы и низвержением Океана в разверстые раскаленные бездны и вообще чудовищными катаклизмами, после которых от

ропу не с севера, где была жара, а с юга – с полюса Сахары), скелеты морских животных в Гималаях (там было дно океана), записи Геродота об Атлантиде, открытия археологии (радиоуглеродная датировка замороженных от внезапного оледенения останков позволяет установить цикличность литосферных катастроф), совпадение легенд и мифов разных этносов о периодических потопах, великие переселения народов, положение горных цепей по линиям предыдущих экваторов: старого (Гималаи – Памир – Кавказ – Альпы – Атласские горы), древнего (Анды – Кордильеры – Мальдивские острова), древнейшего (Уральские горы) и т.д.» (Д. Радышевский. День, когда перевернется Земля. – Московские Новости № 40, 11-18 октября 1998). В современной России пропагандистами литосферной теории являются академик РАЕН, доктор геолого-минералогических наук В.П. Полеванов (Сумерки богов. Сайт Российской ассоциации мирового развития: <http://www.ramira.paideia.ru/missions/litosphera.htm>), отец и сын Вотяковы (Теоретическая география. – Москва, «София», 1997) и другие ученые.

биосферы Земли остаются жалкие крохи и дело Жизни приходится начинать едва ли не с начала²³.

Все зависит от величины «камешка», от силы и направления удара. В худшем случае погибает все живое, если оно тогда уже было, или гигантские пространства мощной флоры и фауны оказываются погребены под мгновенно «наползшими» на них платформами, чтобы потом за миллионы лет под чудовищным давлением и без доступа кислорода превратиться в уголь, нефть и газ²⁴. В случае средней тяжести погибают все динозавры, но какие-то животные формы выживают²⁵. В легком случае цветущие субтропики мгновенно «въезжают» под шапку льда («ледники»)²⁶, а бывшие ледяные горы и пустыни тают в районе экватора и превращаются в легенду о Потопе²⁷. (Кстати о льдах: бывают шапки и шапки. Если лед Антарктиды лежит на твердом материковом основании и при ударе едет вместе с ним, то лед Арктики плавает на воде и тоже представляет собой инерционную систему, при ударе он может остаться на месте и тогда земная кора сама уходит под него. А если затем, по той же инерции – ведь магма вязкая – последует эффект «отката», то вот вам и ледник в любом месте!)

В последний раз это было именно так: об этом ярко свидетельствуют находки палеонтологов. Впервые замороженные тела мамонтов были обнаружены в тундре в 1799 году. Их отлично сохранившимся мясом кормили ездовых собак. «Мясо волокнистое, с прожилками жира,.. выглядит свежим, как замороженная говядина». Но не только собаки лакомились мамонтиной; академик В. П. Полеванов пишет: «Летом 1972 года мне удалось отведать свежеезамороженное мясо мамонта из только что вытаявшей из берегового обрыва ноги». Это было в русле якутской реки Берелех, известной как «Долина мамонтов» из-за необычайного обилия останков последних в пойме этого истока Колымы. И Варлам Шаламов в жутких своей неприкрытой правдой «Ко-

²³ Возможно, так было при столкновении с Луной – гигантским астероидом, не сумевшим затем «выпрыгнуть» из ловушки земного притяжения и оставшимся на орбите, уравновешенным центробежной силой своего вращения вокруг Земли. По всей вероятности, жизни тогда на Земле еще не было вовсе, но если была – то, конечно, уцелеть не могла.

²⁴ Так было, по-видимому, в конце Пермского периода, 250 млн. лет назад.

²⁵ Так было в конце Мелового периода, 75 млн. лет назад, и, возможно, на рубеже Палеогенового и Неогенового периодов 50 млн. лет назад.

²⁶ Об этом ярко свидетельствует тот факт, что арктические шторма выносят со дна Ледовитого океана на берега северных островов... бивни мамонтов!

²⁷ Таких ударов и, соответственно, подвижек земной коры различной силы могло быть немало. На земной коре – сотни больших (диаметром до 100 км) и малых (типа Тунгусского) кратеров, следов столкновений. Самые крупные – залив св. Лаврентия в Канаде, а также Попигайский кратер в Сибири, Пучеж-Катунская впадина под Воронежом (оба по 100 км) и Карский кратер на хребте Пай-Хой (Сибирь, 50 км). Последний сильный удар, подвинувший земную кору, видимо, состоялся примерно 10 тыс. лет назад, когда, по уверению Платона, погибла Атлантида. Академик Полеванов, изучив на северо-востоке Якутии так называемый Ледовый Комплекс (25 разрезов, позволяющие радиоуглеродным методом уточнить даты литосферных катастроф за последние 50 тысяч лет), считает, что 10 тысяч лет назад Сибирь заняла современное положение, 17 тысяч лет назад – Сибирь была повернута в приэкваториальную зону, 27 тысяч лет назад – Сибирь находилась на севере, 32 тысячи лет назад – Сибирь была около экватора, 38 тысяч лет назад – Сибирь вновь обнаруживается на севере, 45 тысяч лет назад – вновь на экваторе и 50-53 тысяч лет назад – Сибирь вновь на севере. Этот «круговорот Сибири» между полюсом и экватором ярко иллюстрирует картину подвижек земной коры под ударами внешних сил за сравнительно недавний период. Одним из любопытных и неопровержимых свидетельств «проворота» земной коры на магме именно вследствие страшного удара извне служит факт нахождения самого большого кратера диаметром 240 км – не где-нибудь, а на Антарктиде. То есть там, куда никогда и никоим образом не мог бы залететь метеорит, всегда летящий строго по радиусу, без отклонений, с космической орбиты в направлении центра Солнца и даже по касательной не могущий залететь снизу, чтобы задеть южный полюс Земли, всегда (!) как бы прикрытый с этой стороны ее выпуклостью. А это значит, что в момент удара Антарктида находилась где-то совсем в другом месте, а не на Южном полюсе, куда она съехала именно вследствие удара.

лымских рассказах» повествовал о мамонте, съеденном эсками, пока научная экспедиция добиралась от Ленинграда до Колымы...

В желудках и даже во рту (!) некоторых мамонтов, сохранившихся в вечной мерзлоте, находят неперевавленную пищу; и эта пища – тропические растения: ветки и листья, произрастающие на расстоянии полутора тысяч километров к югу от находок! Самое свежее сообщение о находке «сытого» мамонта сделали в 2005 году участники экспедиции Музейно-выставочного центра имени Шемановского Ямало-Ненецкого АО и Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН. Они извлекли из-под земли останки мамонта, тридцатилетнего самца с заполненным пищей желудком, который погиб более 10 тысяч лет назад, причем не от травм, ранений или голода, а по «непонятной» причине, не дожив и до середины мамонтиного века. На деле причина очень понятна. Еще утром мамонт вкушал сочную тропическую зелень в районе экватора или, на худой конец, субтропиков. Удар! – и мамонт в считанные минуты переносится, вместе с землей, на которой он вырос, за Полярный круг, где немедленно подвергается «быстрой заморозке», не успев переварить свой утренний завтрак, но при этом сохранив собственную съедобность²⁸!

Вот где разгадка «Северной прародины» кроманьонца!

Кроманьонец никоим образом не мог зародиться на Севере, не мог там ни от кого произойти. Он мог там только оказаться! Против своей воли, но по воле могущественных космических обстоятельств... Мамонты и шерстистые носороги не выжили, не пережили столь стремительной и разительной смены декораций. Они пытались уцелеть в новых условиях, но в итоге так и не приспособились к ним и вымерли. Человек же, кроманьонец, наш прямой предок, приспособился и выжил, потому что был гораздо умнее, знал огонь, а возможно и многое, многое другое. Но выжив и размножившись – немедленно двинулся на Юг, на свою действительную историческую прародину, сметая всех на своем пути, изгоняя бедных примитивных неандертальцев (а после и иных), загоняя их все дальше, пока хватало сил. И там, на благоприятном Юге, «кванты» кроманьонца, осев, тут же расцветали пышным цветом, порождая великие цивилизации – в Индии, Египте и вообще Северной Африке, Ассирии, Персиде, Элладде, Италии и т.д. И расцветая, с пренебрежением смотрели на Север, где жили странные «гипербореи», диковинные «гоги и магоги», дикие «варвары» и где ушла под воду (надо полагать, Ледовитого океана) великая, загадочная, вечно интригующая и сакральная Атлантида.

Никакая «эволюция» кроманьонца (он же «человек современный»), не говоря уж о гоминидах, за Полярным кругом была бы невозможна. Выжить там мог только уже

28 Академик Полеванов комментирует: «Есть только один способ сохранения костных и животных останков: быстрое, катастрофическое замерзание и сохранение в замороженном виде в течение нескольких тысячелетий. Только в этом случае погибают микробы, а органические остатки консервируются. О том, что процесс замерзания происходит чрезвычайно быстро, свидетельствуют кристаллики льда, обнаруживаемые в легких погибших животных. Знаменитый мамонтенок “Дима”, найденный на реке Берелех, мгновенно погиб в июле: об этом рассказали цветущие только в июле цветы, найденные у него в желудке». И он же приводит данные, позволяющие представить себе мгновенно воцарившийся на Земле чудовищный апофеоз смерти: «Свыше семидесяти видов крупных млекопитающих вымерли по всей Земле практически мгновенно около 10000 лет назад. Останки более 40 миллионов крупных животных создали гигантские кладбища животных по всему миру. Ляховы острова из-за обилия костей мамонтов, носорогов, быков когда-то назывались Костяными островами. В окрестностях Монреаля, Нью-Гемпшира и Мичигана многочисленные кости китов (!) погребены совместно с костями наземных животных. Гигантские костяные залежи существуют в Германии, Дании, Южной Англии, Испании и во многих других местах. Профессор Хиббен из Университета в Нью-Мексико так описал кладбище животных на Аляске: “Лежат скрученные части животных и деревьев, перемежаясь с прослойками льда и слоями торфа и мха... Бизоны, лошади, волки, медведи, львы... Целые стада животных, по-видимому, погибли вместе, сраженные какой-то общей злой силой... Такие нагромождения тел животных и людей в обычных условиях не образуются”». Палеонтологи находят на территории нынешней Франции останки и бегемотов, и носорогов, и тропического (!) слона. Доисторический слон найден и в Германии, и в Приазовье: полный его скелет (величайшая редкость) можно видеть в краеведческом музее Азова, отдельно череп – в Ростове-на-Дону. Россия, не смейтесь, действительно – родина слонов!

высокоразвитый, совершенный, умный человек. Это ясно. Понятно, что в цивилизационном смысле он сразу же был отброшен катастрофой далеко назад. Можно предполагать, что бывшие центры его цивилизации пребывают сегодня под льдами Арктики. Но понятно и то, что оставшейся после катастрофы памяти, умения и традиций хватило ему и на мегалитические постройки, и на высокого класса наскальную живопись, и на военные победы над неандертальцем, и на быстрое культурное строительство при благоприятных условиях...

Понятно и то, что сохранить былое культурное, цивилизационное, этническое единство (если оно было у кроманьонца до катастрофы) в новых условиях, когда главным лозунгом дня стало «спасайся кто может!», – стало невозможно. Дробление белой расы на этносы берет свое начало из «эпохи выживания», когда кроманьонец оказался у кромки льда и на краю гибели. Уходя из Полярного круга, из зоны вечной мерзлоты куда глаза глядят, в опасную неизвестность, кроманьонская раса дробилась: кто-то оказался в Сибири, кто-то на Алтае, кто-то на севере современного Китая, кто-то в Скандинавии, кто-то – на Русской платформе, кто-то в Западной Европе. Начался этногенез белых европейских народов, отделившихся от единого кроманьонского ствола. Не все они, увы, остались белыми и европейскими: ассимиляция в той или иной мере настигла, по-видимому, и айнов, и динлинов и многих нынешних насельников Памира, Средней Азии и Казахстана, не говоря уж о народах Средиземноморья, Передней Азии и Африки. Однако тот факт, что отдельные «кванты» могучей и обильной кроманьонской расы исчезли, перегорели во тьме веков, вымерли в неблагоприятных условиях, были истреблены врагами или растворились в иных первичных и вторичных расах, ни в коем случае не означает, разумеется, что сама по себе раса переродилась или исчезла. Но подробнее об этом – ниже.

Все сказанное коснулось, разумеется, не только белой расы: не по своей воле поменять место жительства пришлось многим. Надо ясно понимать, что в эпоху реального антропогенеза, к какой бы расе это ни относилось, вся географическая карта Земли выглядела совершенно по-другому. Европа не была Европой, а вполне могла находиться ниже экватора, Африка могла быть частично на месте Антарктиды, нынешняя Америка могла прилегать либо к Африке и Европе, либо к Азии и т.д.

С точкой зрения, будто физические свойства рас (цвет кожи, волос, глаз и т.д.) определены ландшафтом или поясом Земли, в котором они сегодня проживают, литосферная теория позволяет покончить решительно. Колыбель белого европеоида – субтропики, куда он недаром всегда стремился вернуться. Вопрос о колыбели желтой и черной рас вообще не решен. Так или иначе, нет никаких оснований считать, что одни потомки единых Адама и Евы почернели, а другие пожелтели и окосели под влиянием природных условий.

Вся современная теория геногеографии должна быть пересмотрена в свете самоочевидной теории литосферных катастроф. Все истины здесь еще только предстоит открыть.

ОДНОРОДНОСТЬ РАС: ЯДРО И ПЕРИФЕРИЯ

ВОПРОС об однородности рас (так же, как и вопрос об однородности этносов) требует разъяснения проблемы расового ядра и расовой периферии.

Изменчивость живой природы и разнообразие пород всех видов живого поражает воображение. Особенно в тех случаях, когда к этой изменчивости сознательно и целенаправленно приложил руку человек. Разве не странно нам, что пекинес, такса и карликовый пинчер по своей собачьей сути есть то же самое, что кавказская овчарка, дог, колли или мастиф²⁹? Или что вуалехвост, телескоп и золотая рыбка есть потомки простого карася?!

²⁹ Чарльз Дарвин был когда-то настолько озадачен таким разнообразием, что взялся очень всерьез за этот феномен: «Рассмотрев домашних собак всего земного шара и тщательно собрав все, что о них известно, я

Вместе с тем, разве мы можем сказать, что наличие периферии в виде, допустим, вуалехвоста, отрицает наличие ядра, каковым является карась? Ни в коем случае. Карась (*carassius carassius*) был и навсегда пребудет не только генетической основой и предком вуалехвоста и ему подобных, но и основным представителем семейства карасевых на планете – как в количественном отношении, так и в отношении набора классических карасевых качеств (маркеров).

Выведение новых пород от старых, уже зарекомендовавших себя с той или иной стороны, – занятие древнее и почтенное (взять, например, создание графом Орловым породы «орловских рысаков» от выводного арабского жеребца Сметанки и датской матки или создание рыбьей породы «бестер» скрещиванием белуги и стерляди). Оно нисколько не порочит исходные породы и не роняет на них тень «неполноценности». Но и не снимает проблему ядра и периферии породы (вида, рода, расы и т.д.), которая давно осознана всеми биологами как нечто само собой разумеющееся.

Эти понятия могут иметь, а могут и не иметь географических соответствий, поскольку тысячелетние миграции и метисации есть общепризнанный факт. Представители ядра и периферии могут жить вперемежку, находиться среди нас дисперсно или компактно. Понятно, что особи, сохранившие в наличии наибольшее количество расово-диагностических маркеров одной расы (этноса), будут относиться к ядру этой расы (этноса), а наименьшее – к периферии. Если у последних численно, даже незримо, возобладали маркеры другой расы – то, соответственно, к периферии этой другой расы они и должны быть отнесены. Периферия человеческих рас и этносов по определению не может всецело принадлежать одной расе или одному этносу. Она неустойчива и, непрерывно расщепляясь, подпитывает в большей или меньшей степени несколько рас (этносов). Так, например, полукровки Крайнего Севера, еще недавно гордившиеся русской составляющей своей крови и идентифицировавшиеся как анкетные русские, в условиях наметившейся с 1991 года этнократизации во множестве переидентифицировались в якутов, чукчей, нанайцев и проч.

Наличие ядра европеоидной расы не подлежит никакому сомнению. Как резюмируют в своей «Расовой дифференциации человечества» Г. Л. Хить и Н. А. Долинова: «Из всех европеоидов европейцы наиболее своеобразны». Как уже откомментировал эти слова В. Б. Авдеев: «Это подразумевает, что чистокровный европеец всегда будет идентифицирован на фоне сходных в расовом отношении европеоидов. Именно этот же тезис вновь отлично подтверждает концепцию “расового ядра”, у представителей которого неповторимые расовые признаки выражены со всей очевидностью»³⁰.

ОДНОРОДНОСТЬ БОЛЬШИХ ИЗНАЧАЛЬНЫХ РАС

Виды пришли в соприкосновение только после того, как они приобрели свои экологические различия.

А. Кейн

ПОНЯТНО: если расы утратят однородность и перестанут отличаться друг от друга, исчезнет самый предмет обсуждения. Раса существует до тех пор, пока сохраняет однородность. Само собой разумеется, что степень однородности у расовой периферии по отдельным признакам ниже, чем у расового ядра, где она близка к абсолютной. А в силу того, что с доисторических времен расы уже не действуют как нечто целое, а проявляются в истории через этносы, то и получается, что именно этносам, по мере их взаимодействия и смешения (или несмешения) приходится играть роль то ядра, то периферии расы. В ряде случаев расовая периферия, обособившись, сама

пришел к заключению, что приручено было несколько диких видов *Canidae* и что их кровь, в некоторых случаях смешанная, течет в жилах наших домашних пород» (Дарвин Ч. Происхождение видов. – М.-Л., 1937. – С. 49).

³⁰ Авдеев В. Б. Указ. Соч., с. 287.

стала выступать в роли новой расы второго, так сказать, порядка (евреи³¹, эфиопы, латиносы-метисы и т.п.).

Однако наличие периферии не изменяет главного факта: глубокие биометрические различия остаются и **однородность больших изначальных рас остается таковой**. Как указывает В. П. Алексеев в программной статье «Проблема расы в современной антропологии» (в сб.: Современные проблемы и методы в антропологии. – Л., 1980): «Некоторые признаки повторяются практически у всех без исключения представителей больших рас». Об этом говорит, например, как затылочно-теменной указатель сам по себе, так и его корреляция с высотно-продольным указателем³². А также папиллярные узоры на руках³³, размер мозга³⁴ и многое другое. А. П. Пестряков, например, пришел к выводу, что из всех больших рас наиболее однородной является европеоидная, наименее – монголоидная, вплоть до возможной неоднородности (к подобным же выводам приходят и другие специалисты по расово-диагностической маркировке). К выводу о «наибольшей по сравнению с другими расами консолидированности европеоидов» пришла также краниолог Беневоленская³⁵. В статье «Расовые вариации признаков черепного свода» она же указывает: «Поскольку расы не сходны, разнокачественны по типу и масштабу внутривидовых расообразовательных процессов, расовая диагностика по ЛСИ выглядит в каждом случае своеобразно. Так, европеоиды – наиболее консолидированная раса, и вероятно поэтому лобно-сагиттальный индекс (ЛСИ) не дает отчетливых расовых разграничений внутри европеоидов. Наибольшие различия ЛСИ вскрывает в пределах монголоидной расы»³⁶. Другой краниолог, Ю. К. Чистов в статье «Расовые различия в строении медианно-сагиттального контура черепа человека»³⁷ указывает: «Меньше всего различаются между собой по сумме линейных характеристик контура черепа европеоидные серии, больше всего – экваториальные группы» (что лишний раз подтверждает тезис о тропическом поясе как зоне многотысячелетней активной расовой оппозиции и вместе с тем – метисации). Можно сослаться также на книгу А. Г. Козинцева «Этническая краниология. Расовая изменчивость швов черепа современного человека» (Л., 1988), где автор, увлеченный разработкой расоворазграничительных индексов, указывает пять признаков, чья совокупность «чрезвычайно эффективно» разделяет европеоидов и монголоидов. О том, что строение черепа негроидов, с их гипертрофией надбровных дуг, низким лбом и другими отличиями явно восходит к неандертальцу и резко дифференцирует с черепом европеоидов, написаны тома еще с XIX века. Выше мы уже приводили данные и о других признаках, объединяющих ту или иную расу, придающих ей однородность и отграничи-

³¹ О том, что евреи представляют собой, с расовой точки зрения, результат древнейшей метисации европеоидов и негроидов, писали в том числе и еврейские расовые теоретики Г. Герц (1832-1894), И. Цольшан (1877-1948) и С. Рейнах (1858-1933).

³² Беневоленская Ю. Д. Мировое распределение затылочно-теменного указателя. В сб.: Современные проблемы и методы в антропологии. – Л., 1980.

³³ Хить Г. Л. К таксонометрической оценке уровней дифференциации по признакам дерматоглифики. – Там же. В статье Г. Л. Хить и Б. Кейта «Дерматоглифическая дивергенция основных расовых ветвей человечества» (расы и народы. Вып. 11. 1981) указано: «Индивидуальные профили кожного рисунка трех расовых групп свидетельствуют о неповторимости каждой из них. Возможность выделения сходных вариантов совершенно исключается. Европеоиды и монголоиды имеют противоположные сочетания признаков, являя собой некое подобие “двойной спирали”. Негроиды же по всем, без исключения, признакам занимают крайнее положение. Монголоиды являются менее стабильной расой, чем европеоиды. Что же касается негроидов и европеоидов, то их объединение в единый западный ствол по данным кожного рельефа невозможно».

³⁴ Пестряков А. П. Дифференциация большой монголоидной расы по данным генерализованных тотальных размеров черепной коробки. – В сб.: Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. – М., 1987.

³⁵ Беневоленская Ю. Д. Расовая дифференциация на территории Азии (по строению лобного отдела черепа). – Там же.

³⁶ См. в сб.: Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. – М., 1986.

³⁷ Там же.

вающих от других рас: строение волос, топографическое положение глазного яблока и другие характеристики глаза, минерализация костных тканей и многое другое.

Феномен очевидного воспроизводства и восстановления рас с каждым новым поколением приводит современную антропологию к однозначному выводу: «Все без исключения популяции оказываются вовлеченными в единый расово-генетический процесс, основным результатом которого является становление расовых систем»³⁸. Иными словами, большие расы, пережив весьма длительный период фрагментации, дегенерации и метисации, в настоящее время активно реконструируются (как то и следует по законам Менделя), «перемалывая» периферию, возвращая ее из пограничного состояния вновь в материнское лоно больших рас.

Чешский ученый Ф. Чижек в специальном сборнике «Проблема целостности в современной биологии» (М., 1968) дал философское обобщение биологическим данным: «Это ошибочное мнение, что чем популяция в генетическом смысле сложнее, тем она менее целостна. В действительности дифференциация вида является оборотной стороной его целостности. Чем сложнее явление, тем оно целостнее».

Согласимся с этим.

Следствием этнической однородности является этническая солидарность, этническая консолидация как важнейший природный защитный механизм. Чем однороднее этнос, тем он солидарнее. Профессор Д. Ф. Раштон в книге «Эволюция и поведения рас» приводит в пример животный мир: «Пчелы и муравьи дают доказательства необыкновенного альтруизма, они умирают, спасая свою колонию, потому что их система воспроизводства приводит к тому, что рабочие особи имеют 75% общих генов. Обезьяны и белки могут обнаруживать генетические различия внутри своей группы, но более склонны к сотрудничеству с наиболее генетически близкими им особями». Он приходит к выводу, что инстинкт самосохранения не только индивида, но и вида, заложенный в нас природой, проявляется на уровне расового сознания человека: «Даже маленькие дети осознают расовые различия и имеют соответствующие предпочтения. Этноцентризм и “расизм” – это естественные механизмы, заключенные в геноме человека». Благодаря им мы не только живы, но и вообще являемся самими собой.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ РАСЫ

ИТАК, раса есть объективная реальность, познаваемая в сравнении и могущая быть описана с помощью множества признаков (расово-диагностических маркеров), имеющих качественное и количественное выражение.

Использование политиками-расистами данного факта в своих политических целях никоим образом не может опорочить самый факт. Как великолепно выразилась российский антрополог Г. А. Аксянова: «Полиморфизм тех физических особенностей современного человечества, которые именуются расовыми, существует независимо от позитивного или негативного отношения к самому термину “раса”. Исторически возникшее переплетение этого научного термина из области биологической систематики с негативными социальными проявлениями не меняет его биологической сущности в применении к человеку. Расовая дифференциация в морфологии человека есть объективная реальность»³⁹.

Она же в докладе «Категоризация как универсальное явление осознания мира (на примере расовой дифференциации человека)» на 1-й международной конференции «Раса: миф или реальность?» (Москва, 1998) заявила: «Отказ от концептуального понятия “раса” как объекта исследования в физической антропологии следует, на мой взгляд, отнести к разряду иллюзий, ошибок восприятия, т. к. накопленный материал позволяет говорить, что это является неадекватным отражением изучаемой нами действительности. А простой отказ от термина “раса” вообще не меняет объективной

³⁸ Халдеева Н.И. Указ. Соч. В сб.: Единство и многообразие человеческого рода (М., 1997).

³⁹ Там же.

морфологической реальности в биологии человеческих популяций. Отказ признавать реальность существования рас у человека работает на разрушение группового согласия физических антропологов, понимаемое как ценностно-ориентационное единство. Это отказ от эффективного инструмента изучения истории человеческих популяций».

Проанализировав весь огромный спектр современных воззрений отечественных генетиков и антропологов, резюмируем: мы убедились в том, что искусство, спорт, политика, все виды хозяйственной деятельности, а также брачный отбор супругов на основе эстетических предпочтений, содействуют не «стиранию» и «снятию» расовых признаков в процессе эволюции, но наоборот их выявлению, закреплению и обособлению, что опровергает беспочвенные доводы А. И. Ярхо и иных «алхимиков» от теории «плавильного котла».

НОРДИЧЕСКАЯ РАСА

НОРДИЧЕСКАЯ раса – видовое понятие, обнимающее собой на сегодня все этносы, выделившиеся из большой изначальной расы европеоидов-кроманьонцев, но мигрировавшие из Полярного круга на юг не далее, впрочем, северной Евразии.

Когда произошло это выделение, никто точно не скажет. Мы никогда не узнаем наверняка, началось оно до или после того, как кроманьонцы, вместе с породившей их гигантской евразийской платформой в считанные минуты оказались у кромки ледника (а кто-то и под кромкой), ибо все основные доказательства на сей счет лежат на дне Ледовитого океана. Однако в данной связи мы обязаны упомянуть, что В. В. Бунак в статье «К вопросу о происхождении северной расы» (Антропологический журнал, N 1, 1934) приходит к следующему заключению: «Мы должны признать весьма вероятным существование в палеолите Европы двух типов, именно: кроманьонского и ориньякского, и в них видеть главнейшие элементы, сложившие тип северной расы. Итак, и культурно, и схематически устанавливается преемственная связь рас палеолита с неолитическими, в которых мы находим уже краниологический прототип северной расы». Сегодня есть основания считать, что прежде, чем дать жизнь этносам нордической расы, кроманьонский тип выделил из своей среды общий наиболее ранний культурный подтип – ориньякский, хотя биологически доминантным типом оставался все тот же кроманьонец. Результатом дальнейшего фрагментирования кроманьонской доминанты явились также такие подтипы кроманьонца, как «человек из Шанселада» (на территории современной Франции, рост 155, а не 180 см., руки и ноги небольшие, широкие скулы, высокая мозговая коробка), «брюннские люди» (в Чехии, узкое лицо, длинная мозговая коробка), гримальдийцы (в Италии; некоторые исследователи находят у них заметными негроидные черты – след метисации с неандертальцем) и др. Все они вполне могли стать родоначальниками разных европейских этносов.

Так или иначе, антропологами установлен факт прямого происхождения от кроманьонцев – нордической расы, которую наш российский ученый И. Е. Деникер в работе «Человеческие расы» (1900, на французском) охарактеризовал так: **«Длинноголовую, очень рослую, светловолосую расу можно назвать нордической, так как ее представители сгруппированы преимущественно на севере Европы. Главные ее признаки: рост очень высокий: 1,73 метра в среднем; волосы белокурые, волнистые; глаза светлые, обыкновенно голубые; голова продолговатая (головной указатель 76-79); кожа розовато-белая; лицо – удлиненное, нос – выдающийся прямой».** Деникер никогда и никем уже не был оспорен по существу, его классификация прижилась в науке и перечеркнула популярную прежде теорию «арийства», развиваемую главным образом лингвистами. Под этим противостоянием подвел черту ведущий расолог Германии Г. Ф. К. Гюнтер в своей книге «Расовые элементы в истории Европы»: «В филологии раньше словом “арийский” обозначали индоевропейские языки; сегодня этот термин обычно используется лишь применительно к индоиранской ветви этой языковой семьи. В начале расовых исследований иногда называли (не су-

ществующую) белую или кавказскую расу арийской; позже арийцами стали называть народы, говорящие на индоевропейских языках, и, наконец, нордическую расу. Сегодня термин “арийский” вышел из научного употребления и использовать его не рекомендуется, особенно с тех пор, как он стал ходовым среди профанов в порядке противопоставления “семитам”. Но от термина “семиты” антропология тоже отказалась, так как на семитских языках говорят народы самого различного расового происхождения».

Как следует из всего предыдущего изложения, нордическая раса есть современная инкарнация кроманьонской (большой изначальной европеоидной) расы. Она однородна, и эта однородность в наше время только возрастает. Она резко отграничена от других больших изначальных рас – монголоидной и негроидной, хотя в былое время создала с ними немало гибридов. Впрочем, не везде и не со всеми расовыми подтипами; так, например, науке неизвестны гибридные формы от смешения европеоидов с австралоидами. Но гибриды – вторичные расы – не входят сейчас в наше рассмотрение.

Кто из современных этносов относится к нордической расе? Это зависит от того, насколько строго мы будем придерживаться критерия долихокефалы/брахикефалы. Поскольку наиболее влиятельная группа антропологов считает, что древнейшие представители нордической расы были все поголовно долихокефалами (длинноголовыми), а проявление среди них брахикефалов (короткоголовых, круглоголовых) в нарастающем темпе есть явление относительно позднее, объясняемое метисацией – вначале с кельтами, затем с другими этносами. Что не совсем понятно, поскольку кельтов все однозначно также относят к прямым потомкам кроманьонца.

Итак, каков наличный состав нордической расы?

Немецкий расолог К. Штрац полагал: «С тех пор, как Монтелиус доказал, что шведы по меньшей мере 4000 лет тому назад уже были туземцами на севере и уже тогда обладали сравнительно высокой культурой; я считаю себя вправе вместо германской принимать северную расу; даже все древнейшие сказания о Богах и героях не германского, а северного происхождения. Эта светловолосая и голубоглазая расовая ветвь большой белой расы, вероятно, уже с древнейших времен укоренилась в Скандинавии, ибо если мы сравним статистические данные и графические изображения голубых глаз и светлых волос, то получится теряющееся к югу, северу и востоку излучение, в центре коего находится Скандинавия. К этому северному племени, помимо Скандинавов, относятся северные немцы, фризы и голландцы, часть англичан и северных россиян».

В дальнейшем точки зрения на прародину нордической расы расходились, но все же не очень далеко, в пределах более-менее одного географического ареала.

Так, книга «Нордический человек» (1929) норвежского ученого Х. Брюна выделяет, с точки зрения эволюции, представителей светлых расовых типов в особый биологический вид – *homo caesius*, дословно «человек серо-голубоглазый». Брюн указывал, что в Норвегии сохранились области, где 100% взрослого мужского населения имеют белую кожу, 98,5% – голубые глаза и 99% светлые или рыжие волосы, что позволило сделать закономерный вывод: «В последнее время много говорят о прародине нордической расы. Тот факт, что она в наши дни представлена в почти чистом виде на Скандинавском полуострове, наводит на мысль, что он и был ее прародиной».

Д. Рис в 1836 предположил, что арийцы могли происходить откуда-то из пределов арктического круга, в частности, с севера Финляндии, а Д. Х. Рендалл в 1889 году дал арийцам следующее определение: «Долихокефалическая раса блондинов, происходит с Балтийского побережья».

Недавние открытия профессора В. Демина на Кольском полуострове (1990-е), информация о которых прошла по каналам ИТАР-ТАСС и по страницам многих печатных изданий, дали пищу для новых дискуссий о древней Гиперборее как ушедшей под лед прародине белого человека.

Антрополог Л. Крживицкий, будучи до большевистской революции подданным Российской империи, имел возможность участвовать в многочисленных археологических и палеоантропологических экспедициях на пространствах русского государства.

Раскапывая могильники неолитической эпохи на берегах Ладожского озера, он обнаружил, что их черепной указатель составляет 72,1, что означает: племена, вошедшие много позднее в состав западных и восточных славян, были гипердолихоцефалами – носителями чистого «северного типа». Вывод Л. Крживицкого прост и вместе с тем убедителен: «В эпоху курганов, от Олонца до Киева и Курска, от Москвы до Польши жил сильно длинноголовый и чистый в расовом отношении народ, по всей вероятности, светло-русый».

Основоположник Немецкого антропологического общества Р. Вирхов (1821-1902), систематизировав данные раскопок, проводившихся им по всей Европе, пришел к совершенно однозначному выводу: **«И германцы, и славяне были первоначально блондины, но от смешения с кельтами они воспринимали большее или меньшее число элементов смуглого типа»**. Другой корифей немецкой антропологической школы И. Ранке (1836-1916) в большом двухтомном сочинении «Человек» (1901) развивал его идеи, подчеркивая: **«Древняя типическая форма как германского, так и славянского черепа была длинноголовая, долихоцефалическая**. Поэтому, желая объяснить короткоголовость в определенной местности Германии, мы не должны думать исключительно о славянах, которые, по всей вероятности, как и германцы, имели первоначально длинную форму черепа и изменили ее вследствие смешения с другими короткоголовыми народами. Подобно тому, как мы встретили на севере Средней Европы главную область распространения блондинов, мы видим **на севере славянского и германского мира довольно компактное ядро длинноголовых черепов**. Это группа населения с преобладанием длинноголовости **окружена резко короткоголовыми племенами со всех сторон**. Таким образом, распределение обоих главных физических свойств взаимно совмещается: блондины и длинноголовые, брюнеты и короткоголовые. Отсюда мы должны заключить, что в Средней Европе господствовали общие причины образования местных различий в окраске и в форме черепа. Светлая окраска кожи и волос вместе с голубыми глазами отнюдь не составляет отличительной особенности германской народности, но распространяется на обширную область, которая обнимает совершенно различные и притом антропологически различные слои населения. Вся современная Финляндия заселена, главным образом, блондинами и даже сильными блондинами. Только в Лапландии начинается темная окраска. Славяне на севере и востоке остались до сих пор блондинами и, быть может, все были таковыми. Затем следуют германцы, которые были блондинами, и так называемые белокурые кельты, и, наконец, каледонцы в Шотландии».

А. Эккер (1818-1887) и Ю. Колльман (1834-1918) консолидированно пришли к заключению на основе данных раскопок, что еще во времена Римского владычества в Германии длинные черепа составляли преимущественное количество.

Советский ученый А. Л. Монгайт в монографии «Археология Западной Европы. Каменный век» (М., 1973), основываясь на современном материале, подчеркивал: «В неолите Европу населяют племена, среди которых известны уже все антропологические типы, которые сохраняются среди современных европейцев. Ко времени развитого неолита количество долихо- и брахикефалов становится одинаковым. В конце неолита количество брахикефалов снова несколько уменьшается. К неолитическому брахикефальному типу относится *homo sapiens alpinus* (в Средней и частично Западной Европе), рождающий две группы долихоцефалов: северную и средиземноморскую. Неолитические долихоцефалы Западной Европы разделялись на: **1) кроманьонский тип; 2) средиземноморцев; 3) нордический тип**. Последний населял скандинавские страны, и частично территории Швейцарии и Германии. Эти люди были высокими и стройными. Современные скандинавы являются прямыми потомками местного неолитического населения».

Эти наблюдения Монгайта особенно важны для нас, поскольку отражают три момента: 1) наличие в неолите по-прежнему неизменного кроманьонского типа; 2) отделение от него «нордической» ветви с наиболее чисто и ярко выраженными тремя признаками: светлые волосы, светлые глаза, долихоцефалия; 3) выделение микширо-

ванного средиземноморского типа как все еще преимущественно долихоцефалического, но уже теряющего изначальный «кроманьонский» цвет волос и глаз.

Есть многие данные – и о них не следует забывать, позволяющие, как говорилось выше, утверждать, что нордическая раса не просто «окопалась» на Севере, но мигрировала с Севера – и не только на Юг, но и на Восток и Юго-Восток, дойдя до будущего Пекина и всюду оставляя следы своих стоянок и культурного влияния. Время превратило эти народы в существа полумифические, вроде динлинов, хакасов и усуней Северного Китая, но данные антропологии подтверждают былую действительность исчезнувших к нашим дням этносов.

Так, русский ученый Г. Е. Грумм-Гржимайло одно время был увлечен именно динлинами. Он приходил к выводу, что по всем внешним описательным признакам, совокупному психологическому портрету, а также по деталям бытового жизнеустройства и специфическим чертам поведения это могла быть только европеоидная раса с очевидным доминированием в ее биомассе субстрата северного происхождения. А в работе [«Белокурая раса в Средней Азии»](#) (СПб, 1909) он пишет: «Раскопки могил в пределах Алтайско-Саянского нагорья указывают нам на эту горную область как на продолжительную стоянку длинноголовых. Сюда, надо думать, и должны были, главным образом, передвинуться если не автохтоны Забайкалья, то последующее длинноголовое население этой области, принадлежавшее, подобно длинноголовым алтайцам, к высшей расе, скорее всего, даже европейской, что доказывается как формой их черепов, так и гипсовыми масками, из коих многие отличаются замечательной красотой и чертами лица совершенно европейскими».

Крупнейший отечественный антрополог Г. Ф. Дебец в статье «Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии» (Советская Азия, № 5-6, 1931) фактически поддержал гипотезу Грумм-Гржимайло: «В конце первого тысячелетия до нашей эры и в начале первого тысячелетия нашей эры китайские источники говорят о высокорослых, голубоглазых, рыжеволосых племенах, населявших территорию, охватывавшую Алтае-Саянское нагорье. В ту же эпоху и несколько раньше на территории Минусинского края жил народ, антропологически, безусловно, европеоидный. Преобладающая часть черепов краниологически весьма близка к северной расе».

Раскопки курганов и могил в долине реки Селенги также вскрыли существование в доисторическое время в этом районе двух расовых антиподов: это короткоголовый тип с цефалическим указателем 93,6 и длинноголовый тип с цефалическим указателем 68,4.

Смещая глубже в Азию зону расового анализа, которую историки и этнографы почему-то до сих пор связывают с зоной распространения лишь монголоидной расы, Гинзбург и Трофимова опровергают это: «Население Памира в эпоху бронзы также было очень однородным и без монголоидной примеси. Основу антропологического типа усуней Семиречья, как и Тянь-Шаня, составляет европеоидная раса с небольшой монголоидной примесью. Монголоидная примесь в целом небольшая». Примесь монголоидных черт у населения Среднеазиатского междуречья в I и начале II тысячелетия н. э. также была очень незначительной. Сильное увеличение монголоидного компонента в расовом типе узбеков произошло, по-видимому, только в XIII веке в связи с монгольским завоеванием. «В середине I тысячелетия н. э. в связи с продвижением с Востока новой волны тюрк-кочевников нарастает монголоидная примесь в составе различных групп Средней Азии как кочевников, так и оседлого населения. В XIII-XIV веках монголоидные черты у населения Казахстана, как и на всей территории равнин Средней Азии, еще более усиливаются, что является непосредственным следствием монгольского нашествия».

Кстати, древние гунны также были расово неоднородны, среди них выделялась большая общность – эфталиты, или белые гунны, у которых темные волосы вообще считались ненормальным явлением. В IV-V веках нашей эры влиянию эфталитов подверглись и тохары («тохар» означает «белые волосы» или «белая голова»). Аналогичным образом состав сарматов тоже отличался расовой неоднородностью: 60% их ископаемых черепов – европеоидного типа (из них 23% – северного), 21% – монголоид-

ного и 10% – смешанного типа. Сарматы, кстати, бинтовали своим младенцам головы таким образом, чтобы они, зажатые между дощечками, деформировались при развитии, имитируя в дальнейшем долихоцефалию. Что ярко говорит об их расовом идеале, хотя постепенно теряемом, но по-прежнему престижном.

Исследуемой нами проблеме посвящен и сборник фундаментальных работ «Бронзовый и железный век Сибири» (Новосибирск, 1974). Классик советской антропологии В. П. Алексеев в статье «Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии» подчеркивал: «Изученный нами материал расширяет круг фактических данных, по которым можно судить о широком распространении европеоидной расы в Центральной Азии вплоть до Западной Монголии в эпоху раннего железа; аналогии же этому материалу и его сравнительное исследование показывают, что эпоха проникновения европеоидов в Центральную Азию может быть предположительно отодвинута до энеолита, а их ареал раздвинут до Внутренней Монголии».

Все это снова напоминает нам об эпохе, когда вновь и вновь отчаянные «кванты» нордических потомков кроманьонца, пытаясь вырваться из неблагоприятной для жизни суровой зоны Приполярья, направлялись в поисках лучшей доли на Юг и Юго-Восток, но находили там, в зоне доминирования иной расы, если не физическую, то этническую смерть, настигавшую их рано или поздно. Нет сегодня на этнической карте мира ни динлинов, ни усуней, ни многих других, да и о европеоидном происхождении таджиков или узбеков сегодня даже говорить не хочется: настолько внешне они не соответствуют нордическому типу.

Но что было, то было. Необходимо только еще раз отметить, что в отличие от нордических предков динлинов и современных узбеков, отправившихся в сторону Алтая, Саян, Сибири, пустыни Гоби, Тянь-Шаня и других не слишком пригодных для жизни мест, этносы, двинувшиеся на юг Европы и далее в Средиземноморье, оказались куда более счастливыми в своей исторической судьбе.

Вернемся же к тем этносам, которые сохранили свою расовую идентичность, и обратимся теперь от формы черепов к другим двум основным характеристикам нордической расы: **цвету волос и глаз**.

Особого рассмотрения заслуживает здесь небольшая по объему, но богатая важным фактическим материалом книга В. Зиглина «Светлые волосы нордических народов в древности» (1935). Как известно, волосы редко сохраняются в могильниках многотысячелетней давности: как же удалось раскрыть избранную автором тему? Зиглин пошел необычным путем в своих исследованиях: «Я собрал свидетельства античных авторов о цвете волос их народов и их соседей, но не ограничился данными об отдельных народах, а собрал также сведения о личностях, о которых нам известно из литературных источников или по произведениям искусства. Я учел также богов, героев и литературных персонажей. Это красноречивое свидетельство того, каковы были представления говорившей о них эпохи, об их внешнем виде».

Что же выяснилось?

Во-первых, что древние эллины, италики, галлы, германцы, скифы, армяне, персы, алеманы, батавы, франки, готы, лангобарды, руги, саксы, свевы, тевтоны, вандалы, кельты, аланы, албанцы, анты, аримаспы, геты, сарматы, ливийцы и еще множество других народов были не только описаны древними авторами, но и запечатлены в изобразительных произведениях искусства как **народы, состоящие почти полностью из светловолосых индивидов. Правящий слой индийцев, после завоевания их ариями, также какое-то время состоял из блондинов.**

Во-вторых, анализируя внешний облик древнегреческих Богов, Зиглин приходит к выводу, что более шестидесяти из них, в том числе такие **главнейшие**, как Зевс, Гера, Афродита, Эрот, Аполлон, Арес, Афина, Гелиос, Гермес, Дионис, – все были чистыми блондинами. А из главных мифических и легендарных персонажей таковыми же были: Геракл, Персей, Ясон, Тезей, Кадм, Адонис, Мелеагр, Эдип, Орест, Амфион, Ахиллес, Патрокл, Агамемнон, Менелай, Одиссей, Андромеда, Елена, Медея, Ариадна, Электра, Медуза, Пандора, Пенелопа, Навсикая, Федра и многие другие. В то же время Богов с темными волосами существовало всего двадцать девять, а среди ми-

фических персонажей обнаружилось всего девятнадцать брюнетов. (Зиглин считал нужным заострить внимание читателей своей книги также на том, что и древнейшее ведическое божество – Индра был блондином.)

В-третьих, из числа крупнейших исторических личностей античной Греции светлые волосы имели Александр Македонский, Анакреон, Аполлоний Тианский, Аристотель, Дионисий Сиракузский, Сафо, Пифагор и еще десятки философов, полководцев, деятелей науки и культуры, общим числом до двух сотен из числа исторически зафиксированных. Но лишь двадцать среди исторических личностей Эллады имели черные волосы.

Таким образом, не составляет никакого труда придти к простейшему умозаключению, что **героями и творцами античной греческой культуры были люди нордической расы**, имевшие по преимуществу белокурые волосы, олицетворявшие собой ведущий и излюбленный тип своего этноса.

Казалось бы, римский пантеон зеркально отражает, перенимает греческий, хотя и под оригинальными именами. Но вот что поразительно: за те века, что отделяют зарождение и расцвет греческой культуры от римской, **в генотипе средиземноморских потомков кроманьонца произошли очень заметные перемены**. И вот мы видим, что в древнеримском пантеоне насчитывается уже всего лишь двадцать семь богов-блондинов (в два раза меньше по сравнению с греческим!), и только десять мифических персонажей имеют светлые волосы. Потомки нордической расы с течением веков потемнели, а с ними потемнел и их этнический идеал! Таков был печальный биологический результат завоеваний Александра Македонского, а затем Римской республики и империи.

Тем не менее, особо отметим: сама архетипическая символика древних цивилизаций с точки зрения канонов красоты связана определенно с биологическим типом нордической расы. Образ всего божественного, героического и сверхъестественного всегда облакался в легко усвояемые черты светлокожей плоти, олицетворявшей собой концентрацию высшей солнечной субстанции и благодати.

Чем ближе к нашему времени стоят народы, подвергшиеся антропологическому анализу, тем больше в них просматриваются следы метисации. Но все-таки не везде. И если сегодня говорить о расовом ядре нордической расы, то к этому ядру следует отнести, в первую очередь, три этнические группы: это – германцы (в широком смысле слова, включая скандинавов, голландцев, бельгийцев, датчан, частично даже англичан и французов), финны и славяне, прежде всего – русские и белорусы⁴⁰.

Итак, кроманьонская раса, распадаясь на семьи, роды, племена, от которых берут свое начало народы Европы, породила и такие племена, судьба которых была не столь успешна. Все они стремились вырваться из ледяного капкана, в котором их предки оказались внезапно и против воли. Одни осели в относительно теплой, омываемой Гольфстримом Скандинавии, другим приходилось в боях с неандертальцами очищать для себя территории Германии, Руси, Франции, Италии. Третьи двинулись на Юг и Юго-Восток, прошли через Алтай, Сибирь, дошли до Северного Китая, Внутренней Монголии и Тибета. Четвертые перевалили через Гималаи и ступили на Индостан...

Их расовая судьба оказалась различной. Одни вообще исчезли, растворились, полностью сменили идентичность (динлины). Другие образовали химеру с местными жителями и в более-менее цельном виде сохранились в качестве верхнего общественного слоя (брамины и кшатрии Северной Индии) посреди инорасового или сильно смешанного населения. Третьи в таком же окружении сохранились в чистом виде как обособленные реликты, вкрапления, «изоляты» (берберы). Четвертые влились как основа в новые, вторичные расы.

⁴⁰ О чем, как не о тесной, нераздельной по сути близости с незапамятных, доисторических времен свидетельствует русско-финский союз племен, призвавший некогда Рюрика с братьями «володеть» их соседним государством. Ничем другим такой симбиоз, закончившийся полной ассимиляцией многих финских племен, объяснить нельзя.

Но те, кто на самом раннем этапе завоевал для себя и своих потомков Европу, в особенности Северную, сохранились без особых изменений, очистившись постепенно от неандертальской примеси. И сегодня народы, населяющие Северную Европу, составляют нордическую расу.

Отметим про себя, что именно русский тип по многим показателям, в первую очередь по цвету глаз и волос, суммарно отклоняется от среднеевропейского типа в сторону общего прототипа – кроманьонского или нордического, кому как угодно.

ДАРВИНИЗМ И РАСОЛОГИЯ

ДЛЯ ТОГО, чтобы до конца понять, как и почему из всего только трех установленных наукой изначальных больших рас образовались в течение десятков тысяч лет все нынешние народы мира (а их около тысячи), вполне достаточно внимательно изучить основополагающий труд Чарльза Дарвина «Происхождение видов»⁴¹. Гениальный естествоиспытатель со всей осмотрительностью и деликатностью, присущими истинному ученому, открыл весьма жесткие и регулярные закономерности развития живой природы, полностью применимые к человеку как виду *homo sapiens*.

Наряду с такими фундаментальными понятиями как **борьба за существование**, **приспособление**, **выживание** и **естественный отбор**, он ввел и особенно важные для нашей темы: **изменчивость** и **расхождение признаков (дивергенция)**. Все эти основные понятия взаимосвязаны между собою. Поскольку максимальной выживаемостью в процессе борьбы за существование обладают обычно формы, более уклоняющиеся от среднего типа, а особи с промежуточными свойствами вымирают, – в природе внутри одного вида постоянно осуществляется расхождение признаков, усиливаемое перенаселенностью, жестокой внутривидовой борьбой и половым отбором.

Схематически это выглядит так: природа постоянно выбрасывает в мир разные варианты одного вида с изменениями, иногда совершенно незначительными. Это происходит отнюдь не в ответ на «требования среды», но, так сказать, автоматически, «на всякий случай», «про запас», поскольку среди вариантов есть изменения как более, так и менее пригодные для условий среды (и даже уродства). Дарвин указывает: «Мы должны допустить... так называемые самопроизвольные вариации, в которых природа условий играет, по-видимому, совершенно подчиненную роль. Почковые вариации, как, например, появление махровой розы на обыкновенной розе или нектаринов [гладких персиков] на персиковом дереве, представляют хорошие примеры самопроизвольных вариаций»⁴². В другом месте он вполне однозначно затверждает этот принципиально важный момент: **«Изменения, явно полезные или приятные для человека, возникают только случайно»**⁴³.

Однако на следующем этапе среда берет свое, отбраковывая (т.е. предоставляя меньше шансов для выживания) те варианты, изменения в которых меньше соответствуют внешним условиям, меньше способствуют приспособлению и выживанию. Такие особи поражаются и в своем потомстве. В то же время особи, наделенные позитивными изменениями, получают шанс на выживание. «Сохранение благоприятных индивидуальных различий и изменений и уничтожение вредных я назвал Естественным отбором, или Переживанием наиболее приспособленных»⁴⁴.

Таким образом происходит постепенное совершенствование вида в направлении соответствия той экологической, а у человека еще и социальной, нише, в которой ему суждено пребывать. И хотя «с первого взгляда кажется почти невозможным представить себе, что самые сложные органы и инстинкты могли усовершенствоваться...

⁴¹ Все дальнейшее цитирование производится по изданию: Дарвин Ч. Происхождение видов. – М.-Л., 1937.

⁴² Дарвин Ч. Указ. Соч., с. 306.

⁴³ Там же, с. 75.

⁴⁴ Там же, с. 128.

путем накопления бесчисленных незначительных изменений, каждое из которых было полезно для его обладателей»⁴⁵, тем не менее это действительно так.

Если расу человека мы определим как **род**, а этносы, от нее произошедшие, как **виды**, то дарвинистская картина их появления и расхождения представляется нам следующей.

1. Разделение рода на виды первоначально предстает перед нами как разделение вида на разновидности по принципу расхождения признаков (дивергенции). Что это значит? Сам Дарвин объясняет так:

«Принцип, который я обозначаю этим термином, крайне важен и, как мне кажется, объясняет некоторые существенные факты... Разновидности, даже резко выраженные и имеющие до некоторой степени характер видов, – о чем свидетельствует то безнадежное сомнение, которое во многих случаях возникает при вопросе, куда их отнести, – несомненно, различаются между собой гораздо менее, чем хорошие, резко ограниченные виды. И тем не менее, согласно моему воззрению, разновидности – только виды в процессе образования, или, как я их назвал, зарождающиеся виды»⁴⁶.

В качестве одного из примеров Дарвин приводит образование двух пород лошадей – скаковой и ломовой – от предков, использовавшихся некогда то так, то эдак и не имевших четкой специализации: «Первоначальные различия могли быть очень малы, но с течением времени, вследствие непрерывного отбора, с одной стороны, наиболее быстрых, а с другой – наиболее сильных лошадей, различия могли возрасти и дать начало двум подпородам. Наконец, по истечении столетий эти подпороды превратились в две хорошо установившиеся и совершенно отличные одна от другой породы»⁴⁷.

Если учесть, что терминология той поры допускала весьма вольные подмены (виды – подвиды, разновидности; породы – подпороды и т.д.), то смысл сказанного предельно ясен. От минимальных различий, через их культивирование, – к максимальным, видообразующим: вот путь образования новых видов, независимо от того, ведется ли отбор искусственный или естественный. Дарвин делает важное разъяснение и уточнение: «Если бы разновидность достигла такой степени процветания, что превысила бы численность родоначального вида, то она сделалась бы видом, а вид превратился бы в разновидность; либо она могла бы совершенно заменить и вытеснить родоначальный вид; либо, наконец, обе могли бы существовать одновременно и считаться за самостоятельные виды»⁴⁸.

При этом Дарвин настаивает на двух важных тезисах:

А. «Не следует забывать, что под словом “изменения” разумеются простые индивидуальные различия»⁴⁹; «в природном состоянии малейшие различия в строении или общем складе могут резко изменить тонко уравновешенные отношения в борьбе за жизнь и в силу этого сохраниться»⁵⁰; «индивидуальные различия... представляют собой первые шаги к образованию разновидностей»⁵¹.

Таким образом, род или даже одна-единственная семья, однажды отделившиеся от расового ядра и унесшие с собой на периферию в новую экологическую нишу свои пусть минимальные, но неповторимые биологические особенности, в ничтожной степени отличавшие их от соплеменников, со временем могут вырасти в народ, вполне своеобразный по экстерьеру и поведению.

Б. «Человек отбирает ради своей пользы, Природа – только ради пользы охраняемого организма»⁵². Человечество умышленно создало немало полезных пород жи-

⁴⁵ Там же, с. 685.

⁴⁶ Там же, 167-168.

⁴⁷ Там же, с. 169.

⁴⁸ Там же, с. 95.

⁴⁹ Там же, с. 131.

⁵⁰ Там же, с. 133.

⁵¹ Там же, с. 94.

⁵² Там же, с. 132.

вотных, рыб, растений и пр., но «человеководством» как таковым всерьез пока еще не занималось. Процесс этнообразования – процесс во многом стихийный, особенно на начальном этапе. Однако он, все же, несет в себе черты как естественного, так и искусственного отбора, поскольку брачный подбор носит зачастую не случайный, а осознанный и волевой характер, выражающий эстетические и прагматические предпочтения брачующихся, чего не знают ни растения, ни низшие формы животных. Вместе с тем мы знаем, что длительное расхождение критериев человеческого выбора с законами природы (например, узаконение кровнородственных браков на протяжении нескольких поколений) приводит к вырождению – естественному концу популяции. Таким образом, ошибка племени (рода, семьи) в своей брачной политике – например, переход от экзогамного к эндогамному браку или наоборот – может стоить ему жизни. Естественный отбор действует в человеческом социуме так же, как и в животном мире, хотя проявляется в особом своеобразии.

2. Действие естественного отбора. Что пишет Дарвин о том, как оно происходит?

Во-первых: «Естественный отбор непременно предполагает вымирание, а какую громадную роль играло вымирание в истории мира, – о том непосредственно свидетельствует геология. Естественный отбор ведет также к расхождению признаков, потому что чем более органические существа различаются по строению, привычкам и конституции, тем большее их число может просуществовать на данной площади, – доказательство чему мы можем найти, обратив внимание на обитателей любого маленького клочка земли и на организмы, натурализованные в чужой стране. Следовательно, в процессе изменения потомства одного какого-нибудь вида, при непрерывной борьбе между всеми видами, стремящимися увеличить свою численность, чем разнообразнее будут эти потомки, тем более они будут иметь шансов на успех в борьбе за жизнь. Таким образом, малые различия, отличающие разновидности одного вида, постоянно стремятся разрастись до размеров больших различий между видами одного рода и даже до различий родового характера»⁵³.

Понятно: раса, чтобы выжить, просто-напросто обязана была раздробиться на этносы, чем больше и разнообразнее, тем лучше. При этом сама она восходила от роли вида к роли рода, а этносы от роли разновидностей – к роли видов. Так – через образование и существование новых видов – увековечивалось родовое бытие расы.

Означает ли это некую «порчу» расы с точки зрения чистоты крови? Ни в коем случае! В этом убеждает дарвиновский пример: «Два стада лейстерских овец, которых содержали м-р Бекли и м-р Бергесс, оба, – по словам Юатта, – происходившие от первоначальной породы м-ра Бекуэлла, сохранялись в течение пятидесяти лет вполне чистокровными. Не может существовать ни малейшего подозрения в том, чтобы оба владельца хоть на сколько-нибудь изменили чистую кровь стада м-ра Бекуэлла, и тем не менее различие между овцами, принадлежащими этим двум джентльменам так велико, что их можно признать двумя совершенно различными разновидностями»⁵⁴.

Иными словами, как бы ни отличались, скажем, русские от англичан, это не ставит под сомнение ни их принадлежность к одной расе, ни существование самой расы.

Во-вторых: «Широко расселенные, очень распространенные и обыкновенные виды наиболее изменчивы»⁵⁵. Значит, «именно виды, наиболее процветающие, или, как их можно назвать, господствующие, – те, которые широко расселены, наиболее широко рассеяны по своей области и наиболее богаты особями, – чаще всего дают начало хорошо выраженным разновидностям, или, с моей точки зрения, зарождающимся видам»⁵⁶.

Здесь мы видим объяснение факта активного рассеяния рас посредством все новых этногенезов и миграции. «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и

⁵³ Там же, с. 195.

⁵⁴ Там же, с. 69-70.

⁵⁵ Там же, с. 96.

⁵⁶ Там же, с. 97.

обладайте ею»: эта самая первая и самая главная заповедь, данная библейским Богом человеку (причем дважды: Адаму с семьей и повторно – Ною с семьей) полностью соответствует атеистической по сути теории Дарвина, словно списана с его «Происхождения видов»! Поистине, редкий случай абсолютного совпадения научной истины с религиозным императивом...

3. Разобравшись с вопросом о происхождении «чистых этносов» от «чистых рас» путем изменчивости и расхождения признаков, обратимся теперь к **вопросу о расовом смешении**, о гибридах, о происхождении «вторичных рас» и «полиморфных этносов».

Тут однозначных ответов, похоже, нет.

С одной стороны, Дарвин, изучавший вопрос как ботаник и зоолог, выдвигает тезис: «Промежуточные разновидности не могут существовать особенно долго,.. как общее правило, они должны подвергаться истреблению и исчезать скорее, чем формы, которые они первоначально связывали»⁵⁷.

Кроме того, природа, как правило, блокирует функцию воспроизводства у гибридных форм: гибриды, по идее, вообще не должны размножаться. Это естественно, ведь природа (естественный отбор) занята выведением лишь максимально совершенных видов в соответствии с диалектикой необходимости и возможности! И она нисколько не нуждается в смешанных формах, заведомо менее совершенных, возникших случайно и произвольно, помимо ее закона.

Как реагирует природа на появление таких случайных ненужностей? Она (подобно философской «бритве Оккама», сбрывающей «лишние сущности») попросту лишает их потомства в первом же поколении, чтобы не закреплять на Земле чуждый ее закону гибрид.

Дарвин настойчиво пишет по этому поводу:

– «Факт, что виды при скрещивании оказываются бесплодными или производят бесплодное потомство, между тем как при скрещивании разновидностей плодовитость их не страдает»⁵⁸;

– «Едва ли найдется хоть один точно установленный случай полной плодовитости помесей, происшедших от скрещивания двух резко различающихся видов животных»⁵⁹;

– «У чистых видов воспроизводительные органы, конечно, находятся в совершенном состоянии, и, однако, при скрещивании эти виды производят или мало потомства или совсем не производят его. У гибридов, с другой стороны, воспроизводительные органы неспособны выполнять свою функцию, как это можно ясно видеть по состоянию мужского элемента как у растений, так и у животных, хотя самые органы вполне совершенны по строению, насколько об этом позволяет судить микроскоп»⁶⁰.

Если исходить из этой биологической данности, смешанные этносы и вторичные расы вообще не должны были бы существовать, неуклонно вымирая в ближайших поколениях. А гибридные вкрапления в гомогенном («чистом») этносе, возникшие путем смешанных браков, либо должны быть бесплодными, либо, ассимилируясь путем дальнейших браков с представителями чистого этноса, должны в конечном итоге растворяться в нем до полной утраты инородных признаков. Надо полагать, что во многих случаях именно так дело и происходило, и происходит. К примеру, науке вообще неизвестны выжившие представители смешанных браков европейцев с австралоидами-аборигенами. Зато известны настолько многочисленные случаи бесплодности метисов и мулатов, что это представляет признанную научную проблему. Потомство от европеоидов (мужчин) и азиаток или американоидок (женщин) зачастую нельзя получить иначе как кесаревым сечением, такое потомство нередко отягощено сложными болезнями, генетическими повреждениями, в том числе психическими. В этногенезе древ-

⁵⁷ Там же, с. 248.

⁵⁸ Там же, с. 244.

⁵⁹ Там же, с. 58

⁶⁰ Там же, с. 411.

нейших китайцев принимали некоторое участие не только монголоиды, но и европеоиды (племя «ди», «динлины»), на сегодня растворившиеся без следа. И так далее.

С другой стороны, Дарвин, все же, осторожно оговаривается:

«Принимая во внимание все установленные факты по скрещиванию растений и животных, можно заключить, что некоторая степень бесплодия, как при первом скрещивании, так и у гибридов, является весьма распространенной, но при теперешнем состоянии наших знаний ее нельзя считать абсолютно всеобщей»⁶¹.

И в другом месте он также делает важную оговорку: «Что касается того, почти общего, правила, что виды при их первом скрещивании оказываются бесплодными, чем и отличаются столь замечательно от разновидностей, которые почти всегда плодородны при скрещивании»⁶². Некоторая степень, которую нельзя считать абсолютно всеобщей... Почти общего; почти всегда... Но мы-то ведь уже знаем, к чему могут с течением лет и поколений привести мельчайшие исключения, тончайшие изменения, отклонения от всеобщей нормы! Особенно, если в дело вступает человеческая воля.

Дарвин приводит замечательный пример, когда упомянутая воля ведет к появлению «прекрасных уродов», которые не могли бы выжить в естественных условиях. Обратившись к своим излюбленным голубям, он предъясвляет нам искусственно выведенного тупоклювого турмана, птенец которого своим крохотным, почти без выступа клювиком не способен пробить скорлупу собственного яйца, и каждое (!) яйцо поэтому специально разбивается вручную голубятниками-селекционерами. Понятно, что без вмешательства человека такая порода вся без исключения погибла бы в первом же поколении.

Есть, надо полагать, такие породы и среди народов мира, способные жить-выживать только в антропогенной обстановке. Размножившись до некоей критической массы, они образуют не только отдельные более или менее цельные этносы (хотя и смешанного происхождения), как эфиопы или евреи, но и численно весьма значительные вторичные расы, к каковым относят, например, латиноамериканцев, латиносов (самоназвание: метисы).

Можно ли считать такое смешение по своим результатам – порчей расы, этноса? Ухудшением, так сказать, породы? С точки зрения Дарвина – да, несомненно.

Хорошо знакомый с практическим животноводством Англии, Дарвин отмечал: «Результаты, достигнутые английскими животноводцами, всего лучше доказываются громадными ценами, уплачиваемыми за животных с хорошей родословной, которые вывозятся во все концы света». И при этом он подчеркивал как главный вывод, объясняющий невероятный успех английских селекционеров: **«Улучшение ни в каком случае не достигается скрещиванием различных пород**: все лучшие животноводы высказываются решительно против этого приема, практикуя его разве только в применении к близким между собой подпородам»⁶³.

Таким образом, все разглагольствования адептов политкорректности, толерантности и демократии без границ о том, что расовое и этническое смешение ведет, якобы, к возникновению необычайно красивого и талантливого потомства, есть, с точки зрения дарвинизма, безответственная и глупая болтовня невежд.

В подобных спорах частенько всплывает «хрестоматийный пример»: мол, у эфиопа по имени Абрам взял да и вырос правнук – гениальный русский поэт. Отсюда делаются далеко идущие выводы, в том числе о пользе цветной миграции и смешанных браков. Что ж, ответим подобным спекулянтам раз и навсегда.

Пушкина, в жилах которого текло 65% русской крови (пятеро из восьми предков в четвертом колене – чисто русские люди, еще двое – представители европейских народов), разумеется, следует считать русским хотя бы уже по этому факту. Но дело не в этом.

⁶¹ Там же, с. 420.

⁶² Там же, с. 686.

⁶³ Там же, с. 64.

Пушкин – исключение такой невыносимой редкости, такой, извините за тавтологию, исключительности, которая только подтверждает правило. Если бы от смешения кровей происходила генетическая польза, а не вред, если бы цветная примесь к белым народам сопровождалась, как правило, подобным благотворным эффектом, то сегодня в Америке на каждом углу должны были бы стоять гениальные в той или иной области люди. Толпы гениев должны были бы бродить также по предместьям Парижа, радуя мир великими стихами и иными творческими достижениями. Но они, вместо этого, почему-то громят витрины и жгут автомобили «коктейлем Молотова».

В том-то все и дело: абрамов в мире миллионы, чернокожих и мулатов – миллиарды, а Пушкин как был, так и остается одним-единственным бесподобным исключением. Вне всяких сравнений...

Встает, однако, вопрос: если изначальные расы давным-давно все раздробилась на чистые этносы посредством изменчивости и расхождения признаков, а чистые этносы впоследствии перемешались, образовав гибридные этносы и вторичные расы, то можно ли вообще говорить о присутствии на Земле чистых рас? Не исчезли ли они уже вовсе?

4. Исчезает ли раса? Возможно ли самоочищение расы и этноса?

На эти вопросы также во многом отвечает увлекательная работа Дарвина. Взятый эмпирик, истинный естествоиспытатель, он обращается прежде всего к опыту. А страстный голубятник, он берет близкий ему пример. И вот что получается.

Прежде всего, Дарвин обращает наше внимание на необычайное разнообразие пород (разновидностей) голубей, выведенных за ни много ни мало три тысячи лет искусными голубятниками. Вот что он пишет.

«Я разводил все породы, какие только мог купить или достать, и получал шкурки, которые мне любезно посылали с различных концов света, в особенности из Индии достопочтенный У. Эллиот и из Персии достопочтенный Ч. Мэррей... Разнообразие пород поистине изумительно. Сравните английского карьера с короткоклювым турманом и обратите внимание на удивительное различие их клювов, определяющее и соответствующее различие в форме черепов. Карьеры, в особенности самцы, отличаются также особым развитием мясистых наростов на голове; и это сопровождается сильно удлиненными веками, очень большими наружными отверстиями ноздрей и широким расщепом рта. Короткоклювый турман имеет клюв, напоминающий своим очертанием клюв снегиря, а обыкновенный турман отличается своеобразной унаследованной привычкой летать очень высоко, тесной стаей и падать с высоты, кувыркаясь через голову. Испанский или римский голубь (Runt) – очень крупная птица с длинным, массивным клювом и большими ногами; некоторые из подпород этой птицы имеют очень длинные шеи, другие – очень длинные крылья и хвосты, а третьи – своеобразно короткие хвосты. Индейский или польский голубь (Barb) сходен с карьером, но вместо длинного клюва имеет очень короткий и широкий клюв. У дутьша (Pouter) очень удлиненное тело, крылья и ноги; его сильно развитый зоб, который он с гордостью надувает, вызывает изумление и даже смех. Голубь-чайка (Turbit) имеет короткий конический клюв и ряд взъерошенных перьев, тянущийся вдоль груди: у него привычка постоянно слегка раздувать верхнюю часть пищевода. У яковинского (Jacobin) – перья сзади вдоль шеи настолько взъерошены, что образуют род капюшона; сверх того, у него, соответственно с его размерами, – удлиненные перья крыльев и хвоста. Трубач (Trumpeter) и пересмешник (Laugher), как указывают самые названия, воркуют совершенно иначе, чем другие породы. У опухальчатохвостого или трубастого (Fantail) в хвосте тридцать или даже сорок перьев вместо двенадцати или четырнадцати – числа, нормального для всех представителей обширного семейства голубей; перья эти всегда распущены и стоят так прямо, что у хороших представителей голова и хвост соприкасаются; копчиковая железа совершенно атрофирована. Можно было бы перечислить и еще несколько менее резко выраженных пород...

В итоге можно было бы набрать около двадцати различных голубей, которых любой орнитолог, если бы ему сказали, что эти птицы найдены в диком состоянии, признал бы за хорошо выраженные виды. Мало того, я не думаю, чтобы какой-либо

орнитолог отнес бы английского карьера, короткоклювого турмана, испанского голубя, индийского голубя, дутыша и трубастого к одному и тому же роду, тем более, что в каждой из этих пород он усмотрел бы несколько подпород с вполне наследственными признаками, или видов, как он назвал бы их»⁶⁴.

Итак, три тысячи лет искусственного отбора (ускоренного, форсированного, по сравнению с естественным) – селекции – дали весьма внушительный результат в виде пары десятков разновидностей, которых зачастую даже специалистам трудно отнести к единому виду. Это ли, казалось бы, не разрушение, не распыление, если так можно выразиться, «голубиной расы»!

Дарвин подчеркивает, что никакие изменения в этой самой расе не были бы возможно только по человеческому хотению, если бы природа не предоставила такой возможности. Ибо «человек... может действовать посредством отбора только на слабые отклонения, доставляемые ему природой. Никогда, конечно, не пришло бы ему в голову получить трубастого голубя, пока он не увидел голубя с необычно, хотя и в слабой степени развитым хвостом, или дутыша, если бы ему не попался голубь с несколько ненормально развитым зобом; и чем необычайнее и ненормальнее были эти особенности, тем скорее они могли остановить на себе его внимание»⁶⁵. То есть, человек действовал в предоставленном природой направлении, но достиг при этом разительных по своим отличиям результатов!

Казалось бы, эти результаты, коль скоро они обусловлены самой природой, должны быть необратимы. Ан, нет!

Дарвин ставит **исключительной важности эксперимент**, полностью отвечающий на поставленные мною вопросы:

«Я произвел скрещивание белых трубастых, передающих свои признаки с замечательным постоянством, с черными польскими (Barb), – а оказывается, что сизые разновидности этой птицы так редки, что мне неизвестно ни одного примера такой окраски в Англии, – и гибриды получились черные, бурые и пятнистые. Я произвел также скрещивание польского (Barb) с пегим (Spot); эта последняя птица – белая с рыжим хвостом и рыжим пятном на лбу и также передающая свои признаки с замечательным постоянством: гибриды были темно-серые и пятнистые. Я произвел тогда скрещивание между помесями трубасто-польскими и помесями польско-пятнистыми, и получилась птица превосходной сизой окраски с белым надхвостьем, двойной черной полосой на крыльях и полосатыми с белой оторочкой хвостовыми перьями, совсем как у дикого скалистого голубя! Мы можем объяснить себе эти факты, исходя из известного принципа возврата к прародительским признакам, только допустив, что все домашние породы произошли от скалистого голубя»⁶⁶.

Таким образом, все разнообразие потомства одной расы, полученное в результате тысячелетней изменчивости и расхождения признаков, нивелировалось и привело к восстановлению исходного типа всего лишь в два этапа смешения разновидностей! Голубиная «изначальная большая раса» восстановилась за каких-то два поколения!

Применительно к нашей теме это означает примерно следующее: если в брак вступят особи, допустим, русско-немецкого и украинско-финского происхождения, их потомки просто-напросто восстановят кроманьонский тип во всей его чистоте и красоте. В этом, кстати говоря, и состоит секрет отмечаемой всеми учеными гомогенности русского народа и его максимальной (по сравнению со всеми другими народами Европы) приближенности к исходному нордическому, кроманьонскому типу. Вместе с тем, значительный антропологический разброс, вариативность русской типажности есть хороший признак, ибо, по Дарвину, «потомки какого-нибудь вида будут иметь тем более успеха, чем разнообразнее будет их строение»⁶⁷.

⁶⁴ Там же, с. 52-54.

⁶⁵ Там же, с. 72-73.

⁶⁶ Там же, с. 57.

⁶⁷ Там же, с. 174.

Итак, не говоря уже о том, что прямое потомство кроманьонца сохранилось как в вообще неизменном виде (по данным краниологии, это корсиканцы, баски и берберы), так и в виде ядра чистых этносов, получившихся путем изменчивости и расхождения признаков (скандинавы, представители угро-финской этнической группы, русские, германцы и мн. др. этносы нордической расы, многообразные потомки кельтов и т.д.), но при этом кроманьонская раса еще и непрерывно восстанавливается путем смешанных браков между потомками народов «кроманьонского извода».

То же самое происходит и на уровне отдельных этносов, имеющих изначально «чистое» происхождение. Так, в результате смешения потомства от, допустим, русско-татарского, русско-мордовского, русско-украинского, русско-немецкого браков в итоге получаются в чистом виде русаки с полностью восстановленной биологической этничностью. Таким образом, подмес инородческой крови, происходивший столетия тому назад, к XX веку нивелировался и привел к **«реверсии»** – восстановлению изначальной чистоты популяции.

«Чистая раса», «чистый этнос» – не миф, а реальность на все времена.

Дарвин – величайший ученый всех времен, его творческое наследие нетленно. Отрадно сознавать, что оно помогает искать и находить истину на нашем непростом пути.

РАСА И ЭТНОС

ИТАК, повторим для затверждения.

Первое. Центров антропогенеза на Земле было несколько. По меньшей мере два из них произвели на свет, каждый сам по себе: 1) кроманьонца, прямого предка современных европеоидов, сохранившегося, в частности, в виде нордической расы; 2) неандертальца, от которого берут свое начало негроидная и австралоидная расы. Третья большая изначальная раса – монголоиды; но в силу их значительной неоднородности вопрос о количестве центров расообразования в данном случае открыт. Зато наличие множества сближающих факторов позволяет ставить вопрос о том, что американские индейцы находятся в настолько близком расовом соседстве с монголоидами, что гипотеза о единых корнях для этих рас кажется вполне правдоподобной⁶⁸. Различия же между ними (как и вообще огромное разнообразие этносов) вполне могли появиться за счет смешения с племенами Америки и Азии, зародившимися так же самостоятельно, но так и не успевшими развиться до уровня больших рас.

Второе. Воздействие геологических, климатических и иных природных факторов, необходимость мигрировать, а также межрасовые отношения (главным образом – война) привели к тому, что единые некогда расы раздробились на этносы. При этом биологические особенности, которые в пределах одной расы представляли как допустимые варианты одной и той же для всех нормы (как братья в одной семье могут быть физически непохожи, неся при этом отпечатки семейной общности), будучи положены в основание этногенезов, стали играть роль этнодиагностирующих маркеров, этноразграничителей. Постепенно эти разграничители, биологические по своей природе, обусловили все усиливающееся расхождение языков и культов, всей ментальности. Языки же и культы, обладая обратным влиянием на развитие мозга представителей данного этноса, этнически специализировали всю духовную деятельность народов и племен мира: будь то культура, цивилизация (технологии) или религия. Сохраняя принадлежность к единой большой изначальной расе (например – европеоидов кроманьонского извода), этносы обретали все большую взаимную дистанцию, чему изрядно споспешествовали межэтнические внутривидовые войны. Можно утверждать, что последний раз, когда большие расы действовали консолидированно и целенаправленно, выступая как

⁶⁸ В некоторых научных кругах укрепилось твердое убеждение в том, что первоначальное население проникло в Америку именно из Северо-Восточной Азии в конце палеолита за 30-25 тыс. лет до нашего времени (см. Чебоксаровы Н. Н. и И. А. Цит. соч. С. 59-60).

субъект истории, – была великая тысячелетняя война кроманьонцев с неандертальцами. Она закончилась, во-первых, полным изгнанием последних из Европы; во-вторых, образованием обширной зоны метисации, охватывающей всю Европу, кроме Скандинавии и северной России, а также Переднюю Азию, все Средиземноморье, Индию и Африку вплоть до Экватора – зоны, отмеченной возникновением множества гибридных этносов и даже вторичных рас; а в-третьих, превращением Африки к югу от Атласских гор – в зону активного этногенеза почти исключительно негроидных этносов.

Третье. С того самого момента, как та давняя волна кроманьонской лавины, низвергнувшись с Севера, разбилась об Атласские горы, раздробившись по пути на брызги-этносы, все расы в дальнейшем проявлялись в истории уже не непосредственно, а только через этносы и их выдающихся представителей. Войны, переселения, строительство и разрушение империй и утопий, глобальные проекты – это уже все дела отдельных этносов, а не рас.

Четвертое. Этносы всех рас действовали и действуют в истории самостоятельно, так сказать, без оглядки на общее расовое прошлое, настоящее и будущее. Они руководствуются групповым интересом, который, однако, осознается не более чем интерес этнический и не выходит за эти пределы. (За тем исключением, когда тот или иной этнос становится локомотивом очередного глобального проекта.)

Пятое. Действуя самостоятельно, этносы всех рас вступали и вступают во взаимодействие, началом которого как правило является конфликт с непредрежденным исходом. Один этнос может другой: а) истребить, б) поработить, в) ассимилировать, г) образовать с ним химеру (когда власть осуществляет один этнос, а все тяготы – от продовольственной и фискальной до военной – несет другой; по сути это то же порабощение, но в мягкой форме, без постоянного силового принуждения). Именно такой и была судьба множества этносов в истории. Одни исчезли с лица Земли вообще («погибоша аки обре»), от некоторых из них не осталось даже памяти и имени. К примеру, археологические находки на Алтае, Памире, Дальнем Востоке, в Сибири и даже Китае свидетельствуют, что этносы кроманьонского происхождения здесь были, жили, а потом... исчезли. Пошли дальше неизвестно куда? Вымерли? Были истреблены под корень? В ряде случаев мы этого уже не узнаем никогда. Другие этносы столетиями переходили из рук одних завоевателей в руки других, как, например, эстонцы, латыши, азербайджанцы (точнее, народы, известные сегодня под этим обобщающим геоэтнонимом). Третьи – ассимилировались до полной неузнаваемости: к примеру, персы или курды, которых в их настоящем столь же трудно признать за европеоидов, потомков кроманьонца, как невозможно не признать таковыми в их прошлом, если верить науке.

Интересно, что глубокие ментальные изменения могут произойти у оторвавшихся от своих предков и братьев этнических групп даже в том случае, если биологически они сохранились совершенно неизменными, не вступая в межэтнические браки. Пример – «советские немцы», вернувшиеся в массовом количестве в Германию в конце XX века и обнаружившие, что за двести лет они стали совсем другим народом, чуждым «немецким немцам», с которыми отношения складываются конфликтно.

Шестое. Этносы-ассимилянты, возникшие в результате слияния двух племен или народов («локальные» римляне с сабинянами, к примеру, образовавшие латинян), в дальнейшем могли проходить все новые этапы ассимиляции (латиняне – с италиками, образовавшие «глобальных» римлян), сталкиваясь на своем историческом пути со все новыми этносами («глобальные» римляне – с покоренными народами). При этом исконные этнические языки могли претерпевать самые разнообразные метаморфозы. Например, в результате многоступенчатой ассимиляции разных этносов, в Азербайджане к 5 веку н.э. сложился единый язык на основе талышского и даже возник свой алфавит из 52 букв. Однако к нашему времени, в результате неоднократных завоеваний, этот язык сменился на тюркский с элементами фарси. Сегодня та или иная языковая группа, использующая как родной тот или иной язык, может рассказать все или ничего о своем происхождении. Но только чисто биометрический анализ позволяет установить всю истину даже в том случае, когда речь идет об этносе-метисе, принявшем язык поработителей.

Седьмое. В ряде случаев, когда в процесс этнической ассимиляции со всех сторон вовлекались большие человеческие массы, стали возникать т.н. вторичные расы (изучая их, сегодня ученые предпочитают термины «локальные расы», «полиморфные расы», «переходные расы»; но это не меняет сути дела). Так, сегодня Латинскую Америку населяет вторичная раса латиносов (сами себя они называют именно «метисами»), образовавшаяся в результате 500-летнего смешения европеоидов (этнических испанцев и португальцев, в свою очередь обладавших сложным этническим составом) с негроидами и индейцами (редуцированными монголоидами?). Как и большие расы, вторичные расы со временем также могут разделиться на этносы, отличающиеся набором и комбинацией биологических свойств-маркеров.

Итак, суммируем. Раса, развиваясь какое-то время как единый ствол дерева, с определенного момента становится подобной кроне яблони, в которой ствол как таковой исчезает, превращаясь в букет ветвей, от него исходящих, – этносов. Расу можно также уподобить колосу, который до поры до времени составляет одно целое с зародышами семян-этносов; но семена созревают и развеиваются по миру, чтобы дать жизнь новым колосьям, которые, храня генетическую память о колосе-прародителе, живут, все же, своей собственной жизнью. Потенциально любая семья, оторвавшаяся от своей расы и ушедшая в автономное существование, есть зародыш этноса, имеющий потенциал как становления, так и исчезновения⁶⁹. Но на стадии рода, племени – и далее народности, народа – этнос проявляется уже статусно и ипостасно. **От рода – к народу и далее** (в случае обретения суверенитета и государственности) **к нации: вот путь эволюции этноса**, пройти который дано в истории далеко не всем.

Мы, таким образом, признаем, что **этнос – такое же биологическое явление, как и раса**, осколком (а то и сколком) которой он в чистом или смешанном виде является. **Раса и этнос соотносятся как вид и разновидность (порода) в зоологии и ботанике.** Вместе с тем, поскольку «род человеческий» есть не более чем метафора (ввиду отсутствия у рас общего биологического начала), то не будет ошибкой сказать, что раса является родом, а этнос – видом, делящимся, в свою очередь, на подвиды (разновидности, породы).

Это важно отметить, поскольку очень и очень многие ученые по совершенно непонятной причине и вопреки всему вышеизложенному отходят от биодетерминизма и полагают этнос в лучшем случае биосоциальным (этносоциальным, по академику Ю. В. Бромлею), а в худшем – социокультурным явлением. Эту необъяснимую ошибку мы встречаем даже у некоторых блистательных и проникновенных знатоков и популяризаторов нашей темы (не будем указывать на личности).

Что тут возразить? Любой биологический фактор, регулярно проявляясь в социуме, рано или поздно становится фактором биосоциальным и приобретает хотя отраженное, но самостоятельное значение в общественном сознании. Это первая и главная причина вышеназванной аберрации. Вторая, на мой взгляд, состоит в большом изобилии, разнообразии и непохожести этносов. Согласитесь: взирая в музеи им. Ч. Дарвина на витрины, посвященные изменчивости видов, любясь, к примеру, чернобуркой, песцом, рыжей огневкой или корсаком, трудно порой представить себе в них не только предков современных собак (тем более таких антропогенных пород, как борзая, такса или бассет), но и вообще нечто единое. Но ведь никто не станет утверждать, что эти разные лисички – биосоциальный феномен...

Надо твердо помнить, что биология человека – первична; она и только она задает все основные, изначальные параметры для его социализации. **Нет ничего в социальной природе этносов, что не было бы обусловлено и обеспечено их биологической природой.** Забывая об этом и рассуждая об этносе, мы неизбежно попадаем в порочный круг, пытаюсь объяснить социальное через социализацию: разнообразие этносов через разнообразие культур – минуя биологические различия, детерминирующие это разнообразие. Как если бы над историей человечества стоял некий де-

⁶⁹ Именно так, если верить Торе, от одной супружеской пары Авраама и Сарры произошли со временем евреи.

миург, чье целеполагание обеспечивало бы социальные трансформации этноса подобно тому, как человек своей волей и замыслом обеспечил превращение рыжей огневки, допустим, в бассета. Но в том-то и дело, что этносы получились такими, какими получились, исключительно путем саморазвития как биологические единицы...

Заслуживает внимания новейшая попытка дефиниции: «Этнос (этническая группа) – это группа людей, отличающаяся от других людей совокупностью антропологических и биогенетических параметров и присущих только этой группе архетипов, члены которой разделяют инстинктивное чувство родства и сходства». И – еще короче: «Этнос – сущностно биологическая группа социальных существ» (Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. – М., АИРО, 2005. – С. 52. Книга представляет собой докторскую диссертацию автора на соискание ученой степени доктора исторических наук). Такую попытку можно только приветствовать. Во-первых, поскольку акцент на биологичности этноса тут очевиден. Во-вторых, поскольку книга – настоящий прорыв в академических кругах историков (автор – научный сотрудник РАН и эксперт Горбачев-фонда), традиционно чурающихся биологизма.

Вместе с тем, на мой взгляд, в такой трактовке проглядывает компромиссность, вызванная модным ныне заигрыванием с идеализмом и отходом от материализма и позитивизма. Тезис «нет этноса без архетипа» вряд ли выдержит критику. Ведь вполне очевидно, что этносы уже давным-давно существовали и действовали в истории, когда никаких архетипов у них еще не сложилось. Ибо архетипы складываются и закрепляются долгими столетиями если не тысячелетиями относительно стабильного и однотипного существования, которого нет и не может быть в принципе на стадии этногенеза. Да и наличие «генной памяти», благодаря которой архетипы, якобы, наследуются, а не благоприобретаются, – не доказано. И напротив того: переселение душ есть полностью доказанный медицинский факт, многократно зафиксированный в психиатрии. А этот факт грубо и однозначно ставит под сомнение обязательную биологическую наследуемость (от родителей – детям) каких-либо духовных констант вообще.

Итак, не будем вступать на скользкий путь компромиссов и еще раз постулируем: ***этнос – есть биологическое сообщество, связанное общим происхождением, обладающее общей биогенетикой, и соотносящееся с расой как вид с родом либо как разновидность (порода) с видом. Его ипостасями и стадиями развития являются род, фратрия, племя, народность и народ (нация).***

БАНДА БОАСА, ЕЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ И ИХ «ВКЛАД» В НАУКУ

РАСОВАЯ теория, развивавшаяся до середины XX века не менее плодотворно, чем генетика, не была осуждена Нюрнбергским трибуналом. Как бы того ни хотелось весьма многим, но авторитет истинной науки сохранил германскую школу расологии от инквизиции победителей, жестоко расправившихся лишь с ее интерпретацией и интерпретаторами в политике. Охота на ведьм, развернувшаяся по всему миру, первоначально не коснулась ученых адептов истины. «Ни один крупный расовый теоретик Третьего Рейха не проходил ни по одному политическому процессу о преступлениях нацизма. Мало того, все они сохранили свои кафедры в университетах, где и преподавали до конца жизни»⁷⁰.

Такое положение вещей не могло устроить самых непримиримых среди победителей – евреев. Покончить с наиболее сильной и убедительной интеллектуальной составляющей враждебной идеологии стало для них делом национальной чести и идей фикс.

Атака на расологию и антропологию повелась евреями одновременно с нескольких направлений. Наибольшего успеха она, естественно, достигла в цитадели послевоенного еврейства, быстро превратившейся в главный плацдарм мирового сионизма – в США. Этот успех связан с именем Франца Боаса и его споспешников и союз-

⁷⁰ Авдеев В. Б. Указ. Соч., с. 150.

ников. Наилучшее представление о них дает знакомство с книгой Дэвида Дюка «Мое пробуждение» («My awakening on the Jewish Question»). В русском переводе наиболее существенная часть книги вышла под названием «Еврейский вопрос глазами американца». – М., 2001), в которой он пишет:

«Франц Боас является признанным отцом современной школы эгалитаризма в антропологии. Он был еврейским иммигрантом из Германии с весьма незначительным формальным опытом в области антропологии <...>. Он начал продвигать **шарлатанскую идею, что в действительности не существует таких вещей, как отдельные человеческие расы** (здесь и далее выделено мной. – А. С.). Он утверждал, что группы, называемые расами, хотя и имели различия в цвете кожи и чертах, но обладали весьма незначительными различиями в генетическом отношении, и что каковы бы ни были их поверхностные различия, исключительно среда создала их <...>.

Он собрал многих еврейских учеников вокруг себя, включая Джини Вэлфиша, Айседора Чейна, Мелвилла Гершковица, Отто Клайнберга и Эшли Монтэгю (настоящее имя – Израэль Эренберг. – А. С.) <...>. Боас неоднократно провозглашал, что “находится в состоянии святой войны против расизма” <...>. Боас и его товарищи получили идеологический контроль над антропологическими факультетами большинства университетов благодаря поддержке своих товарищей по борьбе за расовое равенство, чтобы затем всегда использовать своё положение для продвижения своих сторонников при академических назначениях. В то время, как традиционные антропологи не имели никаких рычагов для защиты своих взглядов, Боас и его последователи пустились в «святую миссию» по искоренению из академической среды знаний о расовых различиях.

Они преуспели в этом. Как только сторонники эгалитаризма достигали влияния или власти, они помогали своим товарищам подняться по служебной лестнице на учебных кафедрах колледжей и академических факультетов, которыми они руководят. Они также могли полагаться на своих собратьев-евреев, которые занимали влиятельное положение в университетах, в плане содействия своим братьям по вере (равно как и неевреям, но сторонникам данной идеи) при получении профессорских званий и научных назначений и продвижений по службе. Аналогичный сговор имел место в рядах и в правлениях антропологических ассоциаций и журналов.

Однако завершающим ударом была массированная поддержка, оказанная догме эгалитаризма средствами массовой информации, которые в подавляющем большинстве – в руках евреев. Расовое равенство было представлено (и до сих пор представляется) публике как “научный факт”, которому противостоят только “фанатики” и “невежественные люди”. Авторы, сторонники эгалитаризма, такие, как Эшли Монтэгю и другие, удостоились великих похвал в журналах, газетах и, позднее, на телевидении. Независимо от того, еврей ты или нееврей, исповедование идеи расового равенства становилось базовой догмой для любого, кто хотел продвинуться в антропологии или любой другой части академического мира. Приверженность к “политически корректной” линии приводила к престижу и овациям, к деньгам и успеху. Когда же кто-то говорит правду по расовым вопросам, то это влечет за собой для него личные атаки и даже часто экономические невзгоды <...>.

Уже к концу 1990-х годов еврейские авторы начали бесстыдно писать о своем доминировании в американской антропологии. В 1997 г. в издании “Американский Антрополог”, которое публикуется Американской антропологической ассоциацией, еврейский ученый Гелуа Франк писал, что **эгалитарная американская антропология была настолько полностью еврейской, что она должна относиться к «части еврейской истории»** <...>.

Что касается белых и черных, то теория эгалитаризма все еще доминирует. Ричард Левонтин, Леон Камин и Стефен Джей Гольд являются тремя признанными среди евреев марксистами-евреями и ведущими академическими выразителями идей эгалитаризма. Несмотря на лавину свежих научных данных, доказывающих жизненно важную роль генов в создании индивидуальных и групповых различий, теория расового эгалитаризма все еще является “священным писанием” антропологии и челове-

ской психологии, как это представляется популярными СМИ. Писания Левонтина, Камина, Гольда, Роуз и других сторонников теории эгалитаризма часто появляются на страницах таких журналов, как «Смитсоnian», «Нейчурал Хистори», «Нейча», «Дискавэ», «Тайм», «Ньюсвик» и других широко распространенных изданиях. Телевизионные программы часто предлагают интервью с ними как с «авторитетами» по расовому вопросу, и очень редко их оппонентам позволяется оспаривать их мнения»⁷¹.

Деятельность Боаса и его банды научных фальсификаторов не прошла, к сожалению, даром, породив неустойчивость в мнениях, слабодушие и релятивизм даже в России, несмотря на коммунистическую прививку против «буржуазной науки». И вот интеллектуальная мода на изощенное отрицание очевидного, на игру в «черное – это белое», на тонкие высокопрофессиональные провокации и подлоги захватила определенную часть научного сообщества. Нелепые попытки привести биологию в соответствие с «политкорректностью», непрекращающаяся охота на ведьм со стороны т.н. «правозащитников», сопровождающаяся реальными тюремными сроками для смельчаков, продолжающих служение истине, кощунственные попытки опутать самое Истину липкой паутиной наскоро сконструированной «моралью Холокоста» и т.д. возымели серьезные последствия, опасные для человечества. Поскольку страх перед жизнью заставил целую генерацию деятелей науки не только самим себе завязать глаза и вставить в рот заглушку, но и попытаться проделать то же с наукой вообще.

В итоге в 1980-1990-е гг. сложилось целое направление под название **«конструктивизм»**, которое вообще отрицает реальность таких феноменов, как раса или этнос, а полагает их некими «воображаемыми сообществами» (Андерсон), своего рода виртуальной реальностью, существующей лишь в нашем сознании в качестве сотворенных «конструктов», но не в реальной жизни. Адепты этого направления, в разной мере его разделяющие и развивающие, – западные мыслители Ф. Барт, Б. Андерсен, Э. Геллнер, Э. Смит, К. Дойч, Т. Рейнджер, П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдье, Э. Гидденс, в какой-то степени Э. Хобсбаум и др. Типичным для этой группы и их эпигонов является абсолютно ненаучное, как мы уже можем понять, утверждение норвежца Барта: «Этничность – это форма социальной организации культурных различий».

С философской точки зрения все они открыто представляют собой течение глубоко идеалистическое, причем с уклоном в субъективный идеализм. Биологизм как метод и как принцип ими не берется в рассмотрение вообще, представляя собой фигуру умолчания, как будто нет на свете тысяч добросовестнейших исследований серьезных ученых биологического профиля.

Интересно, что и в СССР была некогда попытка объявить, что расы не существуют и что «первой главной» задачей советского расоведения является «разоблачение всякого рода попыток перенесения биологических закономерностей на общество и вскрытие лживости антропосоциологических и прочих империалистических расовых теорий». Эта попытка относится к началу 1930-х годов; надо ли говорить, что она исходит от представителей того же этноса (В. Ф. Асмус, А. И. Ярхо и др.), который после войны занялся тем же самым в США. Удивительного в этом ничего нет: ведь и вся коммунистическая утопия, устремленная на построение общества без классов и национальностей, порождена евреями (создавшими притом для себя самое этнократическое государство в мире – Израиль).

Но к чести отечественной биологической науки надо заявить, что она не только не пошла в 1930-е годы и позднее на поводу у глашатаев и инквизиторов страшной антинаучной идеологии, но и сегодня несокрушимо противостоит бредомствованиям конструктивистов. Об этом ярко и многократно свидетельствовали ранее приведенные высказывания наших ученых. Они дали настоящий бой шарлатанам от науки – конструктивистам, проведя в Москве в 1998 году 1-ю международную конференцию «Раса: миф или реальность?», под эгидой Российского отделения Европейской антропологической ассоциации и при поддержке многочисленных всемирных и отечественных профильных научных учреждений. Выше уже многократно цитировались некоторые

⁷¹ Дэвид Дюк. Еврейский вопрос глазами американца. – М., 2001. – Сс. 123-128.

важнейшие доклады, прозвучавшие на этой конференции. Здесь важно отметить, что выдающийся антрополог А. А. Зубов в докладе «Сущность "кризиса" расоведения» открыто поднял тему указанного противостояния в науке и назвал все вещи своими именами. Проанализировав весь пустопорожний арсенал аргументов противника, он вынес им предельно уничижительный, но справедливый приговор: **«Все перечисленные положения, на которых базируются отрицания реальности рас, ошибочны, недостаточно обоснованы, либо тенденциозны и полностью игнорируют ценный положительный вклад расоведения в науку о человеке».**

В более мягкой форме, но столь же принципиально Г. А. Аксянова в докладе «Категоризация как универсальное явление осознания мира (на примере расовой дифференциации человека)» заявила: «Отказ от концептуального понятия "раса" как объекта исследования в физической антропологии следует, на мой взгляд, отнести к разряду иллюзий, ошибок восприятия, т. к. накопленный материал позволяет говорить, что это является неадекватным отражением изучаемой нами действительности. А простой отказ от термина "раса" вообще не меняет объективной морфологической реальности в биологии человеческих популяций». В том же духе высказывались и другие участники конференции.

Эта бескомпромиссная оценка тем более важна, что Перестройка, увы, все же изменила некоторые общественно-политические приоритеты, объявив «немодным», «устаревшим» добросовестный научный позитивизм и попытавшись привить нашему обществу комплекс неполноценности перед западной наукой. К большому сожалению, мы можем видеть, что метастазы идеологической опухоли, возвращенной марксистами-интернационалистами, боасовцами-эгалитаристами и их наследниками – конструктивистами, проникают и в российскую околонуучную и даже научную общественность. Не в последнюю очередь это связано с тем, что руководителем головного НИИ этнологии и антропологии РАН был в 1989 году назначен убежденный конструктивист и либерал-демократ первой волны, исполнявший в правительстве Гайдара должность министра по делам национальностей – В. А. Тишков. Он сам и его сотрудники, такие как С. Абашин, С. Соколовский, Е. Филиппова, В. Шнирельман, или бывшие сотрудники, или ученики делают все возможное, чтобы привить российскому научному сообществу – псевдонаучную идеалистическую конструктивистскую ересь. Работая на гранты и при поддержке западных фондов – Фонда Д. и К. Макартуров, Фонда Сороса, Фонда Форда и др. – они проводят форумы, готовят и издадут доклады, брошюры и книги, «доказывая» нам, что расы и этносы – фикция⁷². В этом им изо всех сил помогают и весьма далекие от естественных наук специалисты – философы и правозащитники.

Памятником такой совместной деятельности явился сборник докладов и обсуждений под названием «Расизм на языке социальных наук» (СПб., 2002), выпущенный по материалам конференции «Социальные науки, расистский дискурс и дискриминационные практики» (СПб., 2001). Она проводилась на деньги Фонда Форда под эгидой Центра независимых социологических исследований, Правозащитного центра «Мемориал» и Центра развития демократии и прав человека. Остановимся на этом памятнике, чтобы наглядно проиллюстрировать опасность.

Как открыто обнаружится в предисловии, «большинство участников конференции являются сторонниками конструктивистской парадигмы и рассматривают "этнические различия" как результат процесса приписывания "этнического" смысла наблюдаемым различиям в поведении, внешности и т. п. Тот факт, что этнические различия воспринимаются большинством людей как "очевидные" и "естественные", объясняется устойчивостью "этнического" языка и практик социализации, в основание которых за-

⁷² Началом подобной провокационной квазиакадемической дискуссии о современном расизме в России можно считать Международную конференцию «Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ» (1999), результатом которой стал одноименный сборник статей (Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. Малахова, В. Тишкова. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002).

ложено убеждение о существовании эссенциальной связи человека с его “этносом”, его “этнической культурой”»⁷³.

С главным докладом «Преодолимо ли этноцентрическое мышление?», выполненным по заказу Фонда Макаруров, выступил философ В. Малахов (Институт философии РАН)⁷⁴. Он пытается уверить заказчиков и публику: «Об отказе от сделанного нет и речи. Так что тезис о “конструируемости” этнических и национальных сообществ постепенно становится в международном обществоведении общим местом»⁷⁵. Однако его крайне тревожит, что в отличие от Запада «наш общественно-политический дискурс буквально пронизан этноцентристскими представлениями. Они воспроизводятся с поразительным постоянством как на уровне элит, так и на уровне массового сознания». Ибо «производимое наукой знание транслируется через масс-медиа в самые широкие слои населения. Телекомментаторы и журналисты, работающие в массовой печати, может быть, высоколбых текстов в руки не берут, но они просматривают словари и энциклопедии, они читают популярные брошюры, которые учеными мужами и учеными женами пишутся. Должен признаться, что я был в некотором шоке, когда проделал путешествие по словарям и энциклопедиям. Оказалось, что 99% того, что пишется у нас на темы “нации” и “национальных отношений”, написано с этноцентристских позиций. Даже самые продвинутые ученые, причем не этнологи (этнологам это почти простительно), а политологи, социологи – я мог бы назвать имена очень уважаемых людей – стихийно воспроизводят эти интеллектуальные навыки и соответственно навязывают своему читателю»⁷⁶.

Как характерна эта «оговорка по Фрейдю», выдающая панический страх политически ангажированной философии перед производимым наукой знанием! Заметим, «философ» даже не ставит вопрос, единственно приличный для ученого мужа: о соответствии истине выводов «продвинутых ученых», о справедливости и адекватности «интеллектуальных навыков»! Нет, он лишь жалуется: «Этим индоктринациям очень трудно противостоять». А зачем же это делать? Надо ли? Впрочем, этим вопросом надо было задаваться до получения гранта от Макаруров...

Наряду с этими общими тревогами, нашего философа тревожат и некоторые частности, а именно: «Этническое понятие нации, тоже с поразительной настойчивостью воспроизводимое подавляющим большинством русскоязычных работ на эту тему. Очень мало кто у нас понимает нацию в политическом смысле – как гражданское сообщество. Для русскоязычных авторов нация – явно или неявно – есть этническая общность»⁷⁷. Здесь Малахов во весь рост встает плечом к плечу с Тишковым, чьи хлопоты по внедрению в России концепции политической нации столь же настойчивы и велики, сколь и пустопорожни. А заодно и с В. И. Лениным, который прямо утверждал: «Нации – выдумка буржуазии».

Отвечая на вопросы, Малахов дал в высшей степени показательное признание: «Как с этим бороться? Если вы видите в девяноста случаях из ста, что под нацией понимают этнос, или под этносом понимают кровнородственное сообщество, или считают этнос автономным агентом социального действия, самостоятельный, либо коллективной персоной – чисто теоретически это опровергнуть невозможно». Поэтому он предлагает делать это по-партизански, «перформативно», т.е. массивно используя ключевые слова в превратном контексте («агент национальной безопасности», «национальный интерес»), размывая смысл слов, прививая им двусмысленность в массовом сознании. И выражает надежду, что ориентированные подобным образом

⁷³ Расизм на языке социальных наук. – СПб., 2002. – С. 7.

⁷⁴ Автор книги с конъюнктурным названием «“Скромное обаяние расизма” и другие статьи». – М.: Мост Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001).

⁷⁵ Расизм на языке социальных наук. – СПб., 2002. – С. 11.

⁷⁶ Там же, с. 11-12.

⁷⁷ Там же.

ангажированные журналисты смогут сделать то, чего «ни ученые, ни педагоги прямым образом достичь не могут»⁷⁸.

Можно смело предсказать, что такой успех не будет ни тотальным, ни прочным: истина – одна, она всегда конкретна, и она – не у журналистов.

Другие авторы сборника, не стесняясь, идут и на прямые подлоги, обман. Так, С. Соколовский в докладе «Расизм, расиализм и социальные науки в России», указывая на объективные сложности научной классификации рас и этносов, торопится уверить нас, что «все это заставило сегодня многих антропологов пересмотреть основания всех перечисленных дисциплин и заявить, что расы являются типологическим конструктом, то есть артефактом исторически наслаивавшихся классификаций и классификационных процедур, а не группировками, обладающими относительно четкими границами и реальностью за пределами классификационных упражнений и вырастающих на их основе расиалистских доктрин. Критический пересмотр имеющихся в распоряжении антропологов данных о глобальном распределении всех известных физических характеристик человеческих существ заставил отказаться от постулата объективного существования рас и отнести его к числу расиалистских»⁷⁹.

Выше мы видели, что в среде серьезных антропологов, в частности российских, дело обстоит прямо противоположным образом. Больше того, парой страниц ниже Соколовский сам признает, что *и в современной Америке попытка замолчать расовую проблематику, изобразить ее как фантомную, сорвалась*: «Практически одновременно несколько видных американских юристов и социологов констатировали тот факт, что вопреки усилиям американского общества проблема расизма остается не только одной из главных проблем XX века, но и будет оставаться в числе ведущих проблем века XXI»⁸⁰. Но тишковского питомца это не смущает. Лгать так лгать! И как не использовать при этом терминологическую путаницу, специально созданную «политкорректными» провокаторами от науки с целью избавиться от одиозного термина «раса». Соколовский завершает свой доклад холодной и мнимо объективной констатацией⁸¹, призванной подтвердить якобы высокую сложность темы: «Проблема существования рас у человека остается весьма острой, о чем свидетельствует и разделенность мирового сообщества биоантропологов на два непримиримых “лагеря”. В одном из них существование рас у человека признается неоспоримым фактом (к этой группе принадлежит и большинство российских антропологов), в другом расы рассматриваются как устаревшие классификационные (типологические) конструкты, от которых необходимо избавиться»⁸². Честнее было бы сказать, что научный и околонучный мир раскололся на два лагеря: истинных ученых, изучающих объективную реальность, – и жуликов от науки, фикционеров, пытающихся уверить нас, что отражение объекта в зеркале – есть, а самого объекта при этом – нет.

Нелепость всей ситуации неожиданно остро восчувствовал участник дискуссии В. Воронов: «Вспомните один из известнейших анекдотов про Вовочку, – уподобил он все происходящее, взывая к соучастникам, – Учительница предлагает детям назвать слова на букву “ж”. Вовочка называет известное слово. Учительница говорит: – Нет такого слова! – А Вовочка отвечает: – Как же это, Марьяванна, ж... есть, а слова “ж...” нет?!»⁸³.

В самую точку попал петербургский социолог! Но – остался не услышанным.

⁷⁸ Там же, с. 21.

⁷⁹ Там же, с. 33.

⁸⁰ Там же, с. 34-35.

⁸¹ Отвечая на вопросы, он заявит с надмирностью небожителя: «Для меня “на самом деле” нет, а есть конкуренция двух видов описаний» (там же, с. 115). Как характерно для идеалиста! Просто хоть в хрестоматию! И далее: «Мне кажется, чистого знания нет, не было и не будет. И быть не может. Пора расстаться с идеей этого противопоставления идеологии научному знанию». Что ж, если этим господам и впрямь удастся приравнять идеологию к науке, конец света будет не за горами...

⁸² Там же, с. 40.

⁸³ Там же, с. 167.

Еще один питомец Тишкова, В. Шнирельман, открыто ставящий всем в пример Боаса и его учеников, весьма обеспокоен продвижением в общественном сознании (в т.ч. через учебную литературу) т.н. цивилизационной концепции, как в классическом изложении С. Хантингтона, так и в его доморощенных российских интерпретациях. Его, впрочем, беспокоит не столько сама теория, сколько ее практическое применение в России, которое «фактически игнорирует нерусские культуры России и их специфику; они попросту поглощаются “российской цивилизацией”. Между тем это по сути имперское использование понятия “культура” уже выявило свое нутро в нацистской Германии. Как говорил Теодор Адорно, “идеальное состояние культуры в виде полной интеграции находит свое логическое выражение в геноциде”»⁸⁴.

Ай-ай-ай! Кодовое слово произнесено. Снова к сложнейшему сейфу, хранящему знания и научные традиции, некто подбирается с примитивной отмычкой мифа о Холокосте. Сейчас всем участникам дискуссии полагается в священном ужасе умолкнуть и, как под гипнозом, послушно выполнять все, что велит гипнотизер...

Заметим: Шнирельман, как и Соколовский, подцепленный острым вопросом, признал: «Об объективной версии истории я не только не говорил, я ее даже и не понимал! Но ведь лейтмотив моего выступления сводился вовсе не к этому. Речь-то шла о том, что сегодня появились учебники, которые провоцируют расистские чувства»⁸⁵. К черту истину, к черту и самый поиск истины, если они провоцируют «не те» чувства! Достойная ученого позиция, нечего сказать!

Беда в том, что упомянутые авторы рядятся в тогу небожителей, на деле оставаясь вполне земными функционерами. Отрабатывая гранты, они пойдут в СМИ, в научно-популярные издания, в школы, в вузы. Будут оболванивать, умственно растлевать малосведущую молодежь и читателей. Ибо есть глобальный политический заказ на опустошение, обесмысливание терминов «раса», «этнос», «нация». Этим занимаются не только отдельные деятели, вроде вышеозначенных, но и целые коллективы и группы. Особенно на Западе, особенно в Америке, Англии и Франции (где этнополитическая ситуация наиболее кризисна); но сегодня они разворачиваются и у нас. Сумеет ли мы дать им отпор? Неглупые и хорошо образованные, нередко высокопоставленные, но редко связанные кровными узами с государствообразующим русским народом, они вряд ли сами по наивности не видят, не понимают реальности. Вряд ли они сами занимают ту позу страуса, в которую стремятся поставить всех остальных...

Здесь самое время обратиться к российскому столпу конструктивизма, питомцы и единомышленники которого цитировались выше: к д.и.н. **В. А. Тишкову**, директору Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ИЭА РАН), бывшему гайдаровскому министру по делам национальностей, ныне возглавляющему в Общественной палате при президенте Комиссию по вопросам толерантности и свободы совести. Как видим, фигура немалая и неслабая в раскладе политических сил, заметно влиявшая на всю национальную политику начиная с 1989 года, когда в журнале «Коммунист» вышла его программная статья «Народы и государство», после которой восходящие к власти юдократы отметили автора и возвели высоко. С того же года возглавляет он и ИЭА.

Его карьера как ученого была всецело внеположна России с ее проблемами: и кандидатская (Исторические предпосылки канадской революции. – МГПИ им. Ленина, 1969), и докторская (Освободительное движение в колониальной Канаде. – М., Наука, 1978) диссертации посвящены «стране кленового листа», как и монография «История Канады» (М., 1982, совместно с Л. В. Кошелевым), и др.

С Канады он переключается на Америку: «История и историки в США» (М., 1985), «Коренное население Северной Америки в современном мире» (М., 1990), «Америка после Колумба: взаимодействие двух миров» (М., 1992), «Американские индейцы: новые факты и интерпретации» (М., 1996), «Экология американских индейцев и эскимосов» (М., 1988, ред.) и т.д.

⁸⁴ Там же, с. 143.

⁸⁵ Там же, с. 150.

С таким-то багажом, насквозь пропитавшись западными, в особенности американскими, стандартами, установками, критериями, нравственностью и методиками, он принялся судить и рядить о нормах и идеалах межнациональных отношений в России, принялся по этим стандартам и установкам кроить концепцию российской национальной политики. Подобная стажировка «демократа первой волны» как нельзя более устраивала антирусскую либерально-демократическую власть, пытавшуюся во всем переделать Россию на западный манер. Что и отразилось на карьере автора. И теперь, уже с высот положения министра по национальным делам и директора ответственного для нашей страны НИИ, он как автор, соавтор или редактор участвует в создании книг и брошюр, названия которых говорят за себя: «Вынужденные мигранты и государство» (М., 1998), «Политическая антропология» (Lewiston, 2000), «Концептуальная эволюция национальной политики в России» (М., 1996), «Межнациональные отношения в Российской Федерации» (М., 1993), «Этнология и политика» (М., 2001), «Национальная политика в Российской Федерации» (М., 1993, ред.), «Этничность и власть в полиэтничных государствах» (М., 1994, ред.), «Толерантность и согласие» (М., 1997, ред.) и т.д. Снисходя даже к таким и вовсе непрофильным для него, но престижным, «звучным» темам, как «Женщина и свобода» (М., 1994, ред.), «Этнологические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам» (М., 1997, ред.) и др.

Последний труд его называется очень характерно и вызывающе, то есть – если учитывать должность автора – программно: «Реквием по этносу» (М., 2003).

Среди многочисленных публикаций Тишкова есть смысл остановиться на наиболее показательном сборнике работ «Очерки теории и политики этничности в России» (М., 1997), в котором заявлены все основные, принципиальные идеи автора.

Вот его некоторые постулаты, весьма туманные по смыслу, но зато ярко иллюстрирующие позицию **конструктивиста**:

– «Мы рассматриваем групповую этническую идентичность как операцию социального конституирования “воображаемых общностей”, основанных на вере, что они связаны естественными, и даже природными связями»⁸⁶;

– «Этническая идентичность или принадлежность к этносу есть произвольно (но не обязательно свободно!) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом/народом/национальностью/нацией (в этническом смысле)»⁸⁷;

– «Будучи вопросом сознания (идентификации), членство в этнической группе зависит от предписания и самопредписания»⁸⁸;

– «Этническая идентификация (в советской терминологии «национальная принадлежность») есть не биологическая категория и врожденная характеристика человека, а прежде всего сознательный или навязанный выбор»⁸⁹;

– «Считаю возможным дать общее определение этнической группы как общности на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях»⁹⁰;

– «Думаю, было бы разумным отказаться от определения этноса как некоей эпохальной социальной формы... Этнос как естественный феномен скорее есть интегративная социальная функция для определенной категории людей в глобальной политико-экономической системе и культурном космосе»⁹¹;

– «По моему убеждению, нация – это политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория. Состоя почти из одних исключений, оговорок и

⁸⁶ Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997. – С. 63.

⁸⁷ Там же, с. 68.

⁸⁸ Там же, с. 52.

⁸⁹ Там же, с. 81.

⁹⁰ Там же, с. 61.

⁹¹ Там же, с. 44.

противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки»⁹²;

– «Национальность – не врожденное человеческое свойство, хотя оно чаще всего воспринимается таковым. Также и нации создаются человеком, усилиями интеллектуалов и государственной политической волей. Нация – это внутригрупповая дефиниция, и ей невозможно придать строго научную или конституционную формулу. Это же касается еще более мистической категории “этнос”. К сожалению, оба понятия присутствуют в политическом языке и нормативно-правовых текстах»⁹³;

– «Государства создаются людьми, решившими составить гражданское сообщество, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия своего социального существования»⁹⁴ (Жан-Жак Руссо с его общественным договором просто младенец!);

– «Еще в начале XX в. половина опрошенных сельских школьников не могли назвать свои фамилии, а более половины московских учеников не знали, что они живут в Москве. Могло ли в такой ситуации существовать на массовом уровне осознание принадлежности к какой-либо нации? Определенно нет, а значит, и не было такой общности, кроме как в воображении интеллектуалов и, возможно, в текстах официальных документов, ибо национальная общность – это прежде всего общность самосознания ее членов, а не сама по себе групповая культурная отличительность, существовавшая с самого начала человеческой истории»⁹⁵ (то есть, опять же, важно не то, чем люди являются в реальности, а лишь то, что они об этом думают!);

– «Интеллектуальные дебаты о русской/российской нации остались элитным проектом и нет достаточных свидетельств, что эта форма самосознания обрела доминирующий характер на уровне той или иной этнокультурной общности, чтобы позволяло определять эту общность как нацию, а не как реально существующий, но все же “молчаливый” культурный комплекс»⁹⁶;

– «Ключевую роль в конструировании этничности играет политика этнического предпринимательства, т. е. мобилизация членов этнической группы на коллективные действия со стороны лидеров, которые преследуют политические цели, а не выражают культурную идеологию группы или “волю народа”»⁹⁷;

– «Никакая идентичность, ни этническая (по группе), ни национальная (по стране или государственности) не являются естественно заданными»⁹⁸.

И так далее в том же духе. Тишков со всей доступной активностью не только пропагандирует саму концепцию конструктивизма, но и критикует сторонников естественно-научного подхода к теме. Он пишет:

«Среди основных подходов, которые оказывают влияние на интерпретацию этнического феномена, можно выделить два: **примордиалистский**⁹⁹ и **конструктивистский** (здесь и далее выделено мной. – А.С.). Первая из научных традиций восходит к идеям немецкого романтизма XIX в. и к позитивистской традиции обществознания. Ее сторонники рассматривают этничность как объективную данность, своего рода изначальную (примордиалистскую) характеристику человечества. Для примордиалистов существуют и как бы совершают свой независимый от субъективного восприятия

⁹² Там же, с. 84.

⁹³ Там же, с. 94.

⁹⁴ Там же, с. 252.

⁹⁵ Там же, с. 116-117.

⁹⁶ Там же, с. 117.

⁹⁷ Там же, с. 52-53.

⁹⁸ Тишков В. А. Политическая антропология. – Lewiston, 2000. – С. 15-16.

⁹⁹ Уверен, что неблагозвучное для русского уха слово «примордиализм» (как нечто состоящее «при морде») излюблено нашим противником не случайно, хотя замену ему отыскать так легко! Подобным образом Ленин в полемике использовал, например, изысканное греческое слово «сикофант» (лазутчик), явно учитывая русские фонетические ассоциации (например: «сикофант буржуазии»). Дешевый, но действенный приемчик обращения к подсознанию! Мы вместо слова «примордиализм» будем использовать «естественно-научный подход», «биологизм» и др.

путь некие объективные общности с присущими им чертами в виде территории, языка, осознаваемого членства и даже общего психического склада. В своей крайней форме этот подход рассматривает этничность в категориях социобиологии как “расширенную форму родственного отбора и связи”, как изначальный инстинктивный импульс. Некоторые формулируют точку зрения, что осознание групповой принадлежности как бы заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания...

В чем суть этого [конструктивистского] подхода, который мы пытаемся ввести в наш академический дискурс в течение ряда последних лет?

Мы рассматриваем порождаемое на основе историко-генетической дифференциации культур этническое чувство и формулируемые в его контексте мифы, представления и доктрины как интеллектуальный конструкт. Это есть результат целенаправленных усилий верхушечного слоя “профессиональных производителей объективированных представлений о социальном мире и методов этой объективизации” (П. Бурдьё). “Профессионалы представлений” – это прежде всего писатели, ученые, политики, умственную продукцию которых оказалось впервые возможным транслировать на массовый уровень с распространением печатного слова и образования. Именно по этой причине сама идея нации и так называемое национальное сознание (или самосознание), **будучи интеллектуальным продуктом западной элиты**, распространялись по миру почти синхронно с процессами модернизации»¹⁰⁰.

Возведя столь откровенно чистейший субъективный идеализм – в принцип, Тишков походя раздает уничижительные характеристики противнику: «Важным моментом в нашем подходе к проблемам этничности является неприятие надменности объективистско-позитивистской парадигмы, которая является глубинной причиной современного кризиса отечественного обществознания. Наш подход не столь обременен установкой акцентировать субстанцию, т.е. реальные группы, в том числе этнические, по их членству, границам, правам и т.п. в ущерб отношениям в социальном пространстве. Он позволяет избавиться от иллюзии рассматривать теоретически сконструированные классификации как реально действующие группы людей или как законы общественной жизни. Он не позволяет бесчувственную спешку с переводом мифических конструкций и символической борьбы на язык государственных законов, президентских декретов или военных приказов»¹⁰¹.

Резко. Определенно. Эмоционально. **Но убедительно ли?** Самое поразительное, что открывается при чтении работ Тишкова, это его принципиальное нежелание хоть как-то подкреплять аргументами свои основные тезисы. И выход из этого тупика он находит самый примитивный. Не в силах ничего доказать на деле сам, он взывает к авторитетам: Барт, Дойч, Геллнер, Хобсбаум и др. – но делает это совершенно напрасно. Ибо мы тоже их читали и давно убедились в малой заслуженности высокой репутации названных лиц. Их мнение – не аргумент для нас, не говоря уж о том, что порочен сам метод аргументации *ad hominem*.

Посудите сами. Перед вами – несколько цитат, избранных Тишковым единственного для подкрепления своей позиции. Но на мой взгляд, они скорее разрушают ее, сами нуждаясь в подкреплении, которого не в силах дать никто. Я привожу цитаты именно в тишковском контексте, демонстрируя их порочное, но органическое единство:

– «Понятие нации требует коренного пересмотра в нашем обществознании, а вместе с этим – в общественно-политической и конституционно-правовой практике. Распутать этот клубок чрезвычайно сложно. В этой связи Э. Геллнер, на мой взгляд, справедливо замечает: “У человека должна быть национальность, как у него должны быть нос и два уха... Все это кажется самоочевидным, хотя, увы, это не так. Но то, что это поневоле внедрилось в сознание как самоочевидная истина, представляет собой

¹⁰⁰ Там же, с. 91-92.

¹⁰¹ Там же, с. 97-98.

важнейший аспект или даже суть проблемы национализма. Национальная принадлежность – не врожденное человеческое свойство, но теперь оно воспринимается именно таковым”. Причем добавим, что воспринимается не просто в бытовом, массовом сознании, но и даже профессиональными философами, пишущими, что “национальность дана человеку от рождения и останется неизменной всю его жизнь. Она так же прочна в нем, как, например, пол” (Ю. Бромлей)¹⁰²;

– «Не среди наций рождаются национальные движения, а, наоборот, на почве национальных движений, достигших определенного развития народов, оформляется идея нации. Нельзя не согласиться с Э. Геллнером, что “нации создает человек, нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей. Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории, носителей определенного языка) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого товарищества и превращает их в нацию, а не другие общие качества, какими бы они ни были, которые отделяют эту группу от всех стоящих вне ее”. У этого же автора есть еще более лаконичное определение нации, заимствованное у Карла Ренана, – это своего рода “постоянный, неформальный, извечно подтверждаемый плебисцит”»¹⁰³.

В другом месте Тишков вновь приводит эту же полюбившуюся ему мысль об этносе как «постоянном внутреннем референдуме», существующем якобы в сознании индивида. На наш взгляд это верх абсурда, и в действительности существование этноса это вовсе не субъективно-идеалистический «постоянный внутренний референдум», достойный лишь жалкого рефлектирующего ничтожества, а скорее постоянный экзамен общности на силу, жизнестойкость и конкурентность, где «неуд» равнозначен смерти.

Тишков, однако, продолжает ссылаться на авторитеты.

Явно преждевременно настаивая, что «нищета примордиализма и демистификация этнических привязанностей» (Эллер, Коуглан) стали общепризнанными в науке, Тишков вслед за Ричардом Дженкинсом считает, что важность этих дебатов сохраняется, поскольку “грубый примордиализм – это в основном обыденный взгляд, но обладающий огромной силой в современном мире”¹⁰⁴.

Досада горе-теоретиков на факт явного массового человеческого здравомыслия вполне понятна. И что же им остается еще в таком случае, как ни ссылаться друг на друга до бесконечности? Например, так: «В этой ситуации вполне справедливым представляется замечание одного из специалистов по проблемам этничности и национализма Томаса Эриксона: “На уровне самосознания национальная принадлежность – это вопрос веры. Нация, то есть представляемая националистами как «народ» (volk), является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое городской элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне”»¹⁰⁵.

Тишков не брезгует опираться и на давно развенчанные, невежественные и пустые бредомствования соросовского любимчика Карла Поппера (любовь понятна, ибо своими псевдонаучными теориями об «открытом обществе» Поппер торил Соросу путь к национальным сокровищам национальных государств). Поппер – предшественник Боаса и такой же еврей-эмигрант с теми же комплексами, да еще и с христианско-гуманистической претензией – оказывается, «еще в 1945 г. писал в своей работе “Открытое общество и его враги”: “Попытка отыскать некоторые «естественные» границы государств и, соответственно, рассматривать государство как «естественный» эле-

¹⁰² Там же, с. 36.

¹⁰³ Там же, с. 38-39.

¹⁰⁴ Там же, с. 52.

¹⁰⁵ Там же, с. 85.

мент, приводит к принципу национального государства и к романтическим фикциям национализма, расизма и трайбализма. Однако этот принцип не является «естественным», и мысль о том, что существуют такие естественные элементы, как нации, лингвистические или расовые группы, – чистый вымысел»¹⁰⁶.

Легко видеть, что и авторитеты, к которым апеллирует Тишков, вовсе не блещут аргументацией и логикой. И тогда почтенный членкор РАН опускается до антинаучного приема: он манипулирует недоказанным как доказанным, стремясь убедить свою аудиторию, что лоббируемые им идеи якобы давно и безраздельно торжествуют в «цивилизованном» обществе и в современном «подлинно научном» мире. С легкостью необыкновенной он утверждает, например:

– «Под понятием народ в смысле этнической общности в современной науке чаще всего понимается группа людей, члены которой разделяют общее название и элементы культуры, обладают мифом об общем происхождении и общей исторической памяти, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности»¹⁰⁷;

– «Понятие “мы”, как в прошлом, так и тем более в современных условиях, гораздо чаще ассоциируется с внеэтническими и даже глобальными категориями (граждане, люди, человечество)»¹⁰⁸;

– «По моим собственным убеждениям, “национальная политика” – это политика осуществления национальных интересов государства. Именно так это принято понимать во всем мире»¹⁰⁹;

– «Может быть, выход из теоретического тупика – в отказе от термина “нация” в его этническом значении и сохранении того его значения, которое принято в мировой научной литературе и международной политической практике, то есть нация – это совокупность граждан одного государства?.. Для большинства населения мира такое понимание является нормой»¹¹⁰;

– «Гражданский национализм, основанный на понятии “народа” как территориального сообщества и понятии “нации” как многокультурной политической общности, считается как бы нормой человеческого общежития... Из этой посылки исходят как большинство государственных доктрин, так и международно-правовая практика»¹¹¹.

– «Академический, интеллектуальный этнонационализм обрел причудливые формы как изощренных схоластических конструкций, так и паранаучных построений о “подразделениях этноса”, “субэтносах”, “суперэтносах”, “мета-этносах” и т.д., которыми питается многообразный и процветающий постсоветский этнонационализм. Весь его язык фактически заимствован из этнографических и исторических текстов, включая такие основополагающие понятия, как “жизнь или вымирание этносов (наций)”, “этническая территория”, “коренная нация”, “своя государственность”, “национальное движение (возрождение) народов”, “национальная политика”, “национальный вопрос”, “межнациональные отношения (конфликты)”, “национальность”, “родной язык” и т.п. Ни одно из этих понятий в мировой науке не используется в качестве категорий, а если используется, то исключительно в гражданско-политическом контексте: “национальность” как гражданство, “национальная политика” как политика государственных интересов, “межнациональные отношения” как межгосударственные отношения, “родной язык” как материнский или первый выученный язык и т.п.»¹¹².

Вот так, ничтоже сумняшеся, вся отечественная этнологическая традиция, по сути дела, противопоставляется западному образцу и объявляется неполноценной на его фоне. Тишков прекрасно осведомлен о том, что в России давно сложилась ориги-

¹⁰⁶ Там же, с. 102.

¹⁰⁷ Там же, с. 93.

¹⁰⁸ Там же, с. 56.

¹⁰⁹ Там же, с. 149.

¹¹⁰ Там же, с. 10.

¹¹¹ Там же, с. 79.

¹¹² Там же, с. 82-83.

нальная научная школа именно в этнологии и антропологии (которыми он, к несчастью, призван руководить) и что постулаты этой школы идут полностью вразрез с его теориями. Описывая сложившуюся в России научную традицию, он констатирует:

«В советском общественном знании понятие нации как некоего архетипа, как “этносоциального организма” утвердилось и остается пока господствующим и противопоставляется этатистскому значению слова “нация” (как согражданство), которое якобы всего лишь утвердилось во французском, а затем и в английском языке»¹¹³;

«За внешней ругательно-осуждающей дефиницией национализма на самом деле присутствовал безоговорочно господствующий этнонационализм как в науке, так и в политике. Таковой ситуация остается и поныне... Биологический принцип крови оказывается для сторонников таких взглядов важнее культурной включенности – например, знания языка или факта проживания на территории государственного образования»¹¹⁴;

«При критическом отношении к биологизаторским моментам, на глубоко примордиалистских позициях стоял и Ю. В. Бромлей, а вместе с ним и все советские обществоведы, для которых базовой категорией и архетипом был “этнос” как “этносоциальный организм”, а его высшим типом – нация. В целом, в мировой этнологии и социально-культурной антропологии этот подход остается маргинальным и подвергается серьезной критике»¹¹⁵.

Вновь и вновь Тишков пытается утвердить на голом месте конструктивистский подход, разрушив для этого фронтально противостоящий ему солидарный взгляд отечественной науки: «Мы бы хотели отметить особое значение конструктивистского подхода по двум причинам: во-первых, он все еще остается абсолютно чужд отечественному обществоведению и, во-вторых, именно общественная практика посткоммунистического пространства демонстрирует изобилие примеров в пользу конструктивистских интерпретаций этничности и этнического конфликта»¹¹⁶. Однако никакого «изобилия примеров» Тишков именно что **не приводит**, а те единственные два примера, что он привел, оба свидетельствуют **против него**:

1) «Мой сват, Борис Бабаян, моя невестка Осана Бабаян, приятель моего сына Феликс Хачатурян, прожившие всю жизнь в Москве, не знающие ни одного слова по-армянски и не бывавшие в Армении, числятся по паспорту армянами, хотя не только по культуре, но по самосознанию являются русскими. Но как объяснил ситуацию один из них: «Если я подойду к зеркалу и скажу самому себе: Ну, здравствуй, Феликс Фердинандович Хачатурян – русский, то я просто упаду со смеху». Для успешного молодого человека это представляется смешным вопросом, но для скольких людей это – вопрос недоумения, растерянности и серьезной коллизии, а для некоторых – и жизненной трагедии? Звучание фамилии и фенотипический стереотип не могут быть маркерами, а тем более детерминантами этнической идентичности (это почему же? разве есть более яркие, наглядные и убедительные маркеры и детерминанты? – **А.С.**)»¹¹⁷.

Итак, мы видим, что даже близкое и родственное Тишкову инородческое окружение (не говоря уж об ученом мире) высмеивает его «деэтнизирующий» подход к проблеме этничности;

2) «Меценат Борис Березовский, объявлявший 7 января 1997 г. о вручении премии «Триумф» выдающимся представителям «русской интеллигенции», в более строгом смысле, конечно, имел в виду российскую культуру. Тем более, что среди пяти лауреатов этой премии были грузин Габриадзе, русский/серб Воинович, еврей Кисин, русский Филатов, узбек/татарин Хамдамов. Но в равной мере они могут считаться и русскими, если следовать известному определению Петра Струве, “все, кто участвует в культуре”»¹¹⁸.

¹¹³ Там же, с. 37.

¹¹⁴ Там же, с. 81.

¹¹⁵ Там же, с. 91.

¹¹⁶ Там же, с. 74.

¹¹⁷ Там же, с. 57-58.

¹¹⁸ Там же, с. 56.

Вновь вместо доводов нам подсовывают ссылку на весьма сомнительные и мягко говоря непризнанные авторитеты...

Итак, мы видим, что Тишков, не имея, видимо, настоящих аргументов, пытается подтвердить свою позицию то якобы международно признанными научными стандартами, то якобы международно признанными научными авторитетами. Забывая, что, во-первых, наука не любит однажды навсегда установленных стандартов, а во-вторых, что в собственной стране сложилась цельная, непротиворечивая и устойчивая традиция в социальных науках, рассматривающая те же проблемы с диаметральной противоположной позиции. Твердокаменный «демократ первой волны», Тишков пытается убеждать нас в неполноценности этой традиции по сравнению с западным образцом. Он свято убежден в непогрешимости американской этнополитической модели и, быть может, именно поэтому так явно пренебрегает аргументацией. Ведь для него США – пример и идеал.

Именно как величайший позитив, достойный не просто подражания, а повсеместного утверждения, приводит он данные американской статистики: «В США, по переписи 1980 г., 12 млн. граждан не смогли определить свое этническое происхождение по народу-предку и назвали таковым «американское», а более 80 млн. указали смешанное происхождение»¹¹⁹. Как хорошо было бы, с точки зрения Тишкова, чтобы и в России население определилось бы подобным образом именно как «русское», а не русское, татарское, бурятское и т.д.! Ведь, по его мнению, «оснований признать существование общероссийской гражданской общности, а тем более предпринимать усилия по ее укреплению, более чем достаточно», поскольку «рядовое сознание граждан здесь более гомогенно, чем сознание и установки интеллектуальных и политических элит»¹²⁰. А уж коли пока что с тотальным «россиянством» не вытанцовывается, то по крайней мере надо взять пример со Штатов в формировании высших властных структур. И начать надо «с недавнего примера формирования президентом США Б. Клинтонном состава новой администрации. Президент открыто сформулировал принцип, что его кабинет из 14 человек должен «выглядеть, как Америка», т.е. отражать этническую, расовую и половую мозаику общества... В итоге специальных усилий в кабинет вошли 4 афроамериканца, 2 испаноамериканца, 3 женщины и еще 2 женщины заняли должности, приравняемые к членам кабинета. Этот же принцип сейчас проводится при заполнении примерно 3 тыс. высоких должностных постов, которые обычно переходят к сторонникам победившей партии»¹²¹. На мой взгляд, в таком подходе нет ничего, кроме дешевого популизма и злостного идиотизма, но для Тишкова это – образец!

Американские (и канадские) стандарты играют роль шор на глазах Тишкова; но мы-то видим принципиальные отличия этих стран от России, не позволяющие применять данные стандарты в нашей стране. США и Канада – страны, созданные эмигрантами, пришельцами, вторженцами; у этих стран нет и по определению не может быть государствообразующего народа. В России такой народ есть, он один-единственный, и этот народ – русские. Там «нация» – это фикция, обозначающая некий случайно сложившийся мозаичный конгломерат народов (именно поэтому Тишков и утверждает, совершенно ошибочно, будто «нация есть многоэтническое по составу образование, основными признаками которой являются территория и гражданство»¹²²). В России же реально существует единственная нация – русский народ, создавший некогда здесь свою государственность и самоопределившийся на всей территории страны. В США коренные автохтонные народы загнаны в резервации, а все остальные пользуются нравственно оправданным равноправием – все будучи равными по положению пришельцами. В России же русские упорно не идут (и не пойдут!) в резервации, и никакое «равноправие» не кажется им справедливым в стране отцов, которую они столетиями берегут от подобных хищных пришельцев. И так далее.

¹¹⁹ Там же, с. 16.

¹²⁰ Там же, с. 85.

¹²¹ Там же, с. 284.

¹²² Там же, с. 101.

Основная беда Тишкова, однако, не в том, что он видит в писаниях отдельных западных теоретиков и в практике отдельных западных стран достоинства, коих там нет. Беда еще и в ущербности его личной жизненной позиции, его *credo*, о котором он проговаривается невзначай, но очень характерно. Судите сами:

«Человек рождается и живет, прежде всего, не для служения группе/нации, а для собственного социального преуспеяния. И свободу индивид обретает не в ассоциации, а в диссоциации от группы»¹²³. Этот принцип «демократического устройства общества» Тишков считает настолько важным и ценным, что дословно повторяет его в книге еще раз¹²⁴. И он совершенно искренне недоумевает: «Вопрос должен ставиться не в плане противопоставления эгоизма и групповой лояльности как нормы и отклонения (интересная парадигма? – **А.С.**), а в том плане, что оба феномена присутствуют в человеческом поведении. Вопрос только в том, как национализму удастся выигрывать состязание не только с личностным эгоизмом, но и с другими формами групповых идентификаций, такими, как семья или община, у которых гораздо больше оснований претендовать на личность. Чем объясняется альтруизм к нации или этнической общности в ущерб интересам группы, с которыми личность связана непосредственно?»¹²⁵. Судя по невнятному ответу (каждый-де выбирает, к чему склонен), Тишкову это понять просто не дано вообще. Зато становится полностью понятным карьерный путь автора, тонко чувствующего конъюнктуру момента.

О том, что сугубо эгоистический, «шкурный» подход является для Тишкова глубоко органическим, как и о том, что он сильно ошибся, экстраполировав этот подход на бесконечно чуждый ему русский народ, говорит ошибочный прогноз, сделанный Тишковым с уверенностью пророка: «Главная “неожиданность” ожидает русских к моменту очередной переписи населения в 1999 г. По нашему прогнозу произойдет резкое уменьшение доли русского населения в России (возможно, с 82% до 70%), но не столько по причине более низкой рождаемости. Миллионы россиян смешанного происхождения, до этого заявлявшие себя русскими, предпочтут сменить свою этничность и “перейти в другой народ” под воздействием социально-политических и культурных обстоятельств... В нынешней и будущей ситуации быть русским может стать менее “выгодно”, чем, скажем, евреем, немцем, греком или корейцем, т.к. это обещает лучшие шансы на эмиграцию в страны с более высоким жизненным уровнем и лучшими возможностями для профессиональной деятельности. Отныне безусловные преимущества для лиц смешанного происхождения предоставляет переход в категорию титульной национальности на территории российских республик. Это особенно скажется на этническом составе населения регионов давних культурных контактов с высокой долей смешанного населения, где до этого часто предпочтительный выбор делался в пользу русской национальности (Поволжье и Северный Кавказ)»¹²⁶. Как известно, Тишков крупно ошибся, слишком крупно для директора НИИ: процент русских в России практически не изменился. Важность «шкурных» мотивов для русского человека он явно переоценил, напрасно посудив о нас по себе.

Здесь мы отчетливо наблюдаем другую ахиллесову пятау Тишкова: **его отношение к русскому народу**, его понимание русского вопроса. Русофобия (в обоих смыслах слова) высокопоставленного чиновника очевидна. А яркая настойчивость, с которой он выступает против русских прав и интересов, а также против русских националистов – защитников этих прав и интересов, заставляет подозревать глубоко личные, интимные мотивы. Будучи главным автором ельцинской концепции национальной политики (официального документа, имеющего некоторую юридическую силу) он постарался внести в нее принципы, противоречащие интересам русской нации. Как сам он с гордостью отчитывается, «это была первая попытка провести в официальном до-

¹²³ Там же, с. 59.

¹²⁴ Там же, с. 168.

¹²⁵ Там же, с. 66.

¹²⁶ Там же, с. 280-281.

кументе мысль, что права гражданина выше прав нации»¹²⁷. Во что вылился этот подход? Вот отчет Тишкова:

«Проект концепции содержал рекомендации в адрес федеральных властей по расширению представительства нерусских народов и культур в центре страны, в том числе организацию вещания на языках других крупных народов страны (татар, чувашей, бурят, чеченцев и др.) и даже их визуальное присутствие на экранах телевизоров»¹²⁸;

«Были учтены все основные замечания, в том числе и самые “неудобные” от Татарстана, Башкирии, а также МИДа и Минэкономки России. Из текста ушли излишне назойливые упоминания о сохранении целостности государства и определяющей роли русского народа в государствообразующем процессе, вписанные некоторыми напуганными авторами в первоначальный вариант»¹²⁹;

«Основным в проекте концепции был раздел, посвященный дальнейшему развитию федерализма в России, имея в виду децентрализацию власти в пользу субъектов федерации (в данном случае – республик)»¹³⁰;

«В концепции последовательно проводится принцип гражданского равноправия и равных прав народов... Все народы России определяются как государствообразующие, если речь идет о всей стране, хотя отмечается историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны»¹³¹;

«Одной из срочных и важных мер в этом направлении должна быть отмена государственной фиксации национальности граждан Российской Федерации, а также предоставление возможности россиянам в ходе переписей населения указывать любую национальность, или сложную (двойную или тройную) национальность, или не указывать никакой. Такова общемировая практика»¹³². (Понятно теперь, чей вклад в отмену графы «национальность» в паспортах был столь весом?)

Итак, в лице Тишкова мы видим человека, давно, упорно и сознательно вредящего русскому народу, проводящего по мере сил в жизнь противоречащие русским интересам установки. Да и как могло быть иначе, если теоретические представления Тишкова о роли и месте русских в России подобны следующим:

«Россия не есть “национальное государство” этнических русских»¹³³;

«Самым серьезным препятствием на пути утверждения гражданского национализма (или российского патриотизма) является не столько национализм нерусских народов, сколько национализм от имени “русской нации” как некой “государствообразующей” или “спланиваемой” нации... Категория “русской нации” закрывает возможность открыто сформулировать понятие России как политической нации»¹³⁴.

«К сожалению, политическое и культурное пространство страны, особенно ее Центра, остается доминирующим этническими русскими и русской культурой. Достаточно привести пример избранной Государственной Думы в 1993 г., где решительно преобладают политики московского Садового кольца, а представительство регионов и этнических общин явно недостаточно. То же самое относится, даже в большей степени, к составу исполнительных органов власти, престижным позициям в офицерском и дипломатическом корпусе, в средствах массовой информации. В центральных средствах массовой информации фактически звучит только русская речь»¹³⁵;

¹²⁷ Там же, 141.

¹²⁸ Там же, с. 151.

¹²⁹ Там же, с. 155.

¹³⁰ Там же, с. 151.

¹³¹ Там же, с. 157.

¹³² Там же, с. 281.

¹³³ Там же, с. 125.

¹³⁴ Там же, с. 87-88.

¹³⁵ Там же, с. 122. Цитируемая статья «Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства)» написана в 1995 г.

«Мы не разделяем популистскую риторику некоторых политиков и истеричность русских национал-патриотов о “геноциде русской нации”, “антирусской политике правительства” и т.п. Это опасная и, к сожалению, набирающая силу общественная тенденция»¹³⁶.

Что же сказать о Тишкове в заключение? Всего несколько слов: самоуверенный лжепророк, бесконечно далекий от реалий и потребностей нашей Родины, вельможный русофоб и добросовестный агент антирусских сил.

* * *

ИТАК, читатель получил некоторое представление о «Банде Боаса» и ее российском филиале, процветшем под высокой эгидой ИЭА РАН благодаря директору этого института – В. А. Тишкову. Будучи сами абсолютно маргинальными относительно мейнстрима отечественной этнологии, антропологии и социологии, российские боасисты (они же конструктивисты) тем яростнее обвиняют в маргинальности всю отечественную научную традицию. Апеллируя при этом к столпам современного философского идеализма, действующим в лоне западного обществоведения – «науки мнений», а не науки знаний и фактов. Противостояние идеализма и материализма (и позитивизма) – не новая коллизия. Постольку, поскольку наши противники пренебрегают фактами и аргументами, самое естественное было бы – пренебречь ими самими. Если мы не делаем этого, то только потому, что шарлатаны от науки имеют обыкновение стремиться в начальственные кресла и влиять на принятие важных решений, а пуще того – на формирование «государственной идеи». Этого нельзя допустить.

В чем опасность для нашей страны и русского народа деятельности «Банды Боаса» и ее последователей? Об этом хорошо сказала известная исследовательница-антрополог Г. А. Аксянова в уже цитированном докладе «Категоризация как универсальное явление осознания мира (на примере расовой дифференциации человека)»: «Отказ признавать реальность существования рас у человека... это отказ от эффективного инструмента изучения истории человеческих популяций. Ведь только факт существования легко выявляемого внешнего разнообразия может послужить основой для категоризации на “своего” и “чужого”».

Утрата такой важнейшей идентификации – не шутка; это смертельно опасная потеря. Как уже написал один из нас:

«Биологическая дезориентация на уровне главного принципа «свой – чужой» равносильна гибели и прерыванию всей эволюционной цепи. Любые системы ценностей, оспаривающие сам этот принцип, подобны смертоносному вирусу, единственной целью существования которого и является убийство живой системы, в теле которой он паразитирует. Поэтому и приговор наш и степень решимости должны быть твердыми и предельно ясными»¹³⁷.

Да будет так.

ШЕСТЬ ОТВЕТОВ В ЛОБ

МИФ о «едином человечестве», в котором «все люди братья» – абстрактно-гуманистический с философской точки зрения и либерально-демократический с политической – окончательно оформился в своей светской модификации в 1960-е годы. Тому, как ни странно, более всего способствовали доминанты текущей политики обеих противоборствующих сверхдержав: США и СССР. В Америке главным политическим событием десятилетия, определившим всю ее современную трагическую историю, было принятие «Иммиграционного Акта» (1965), после чего страну захлестнуло цветное население третьего мира. Этому самоубийственному решению предшествовала многолетняя «промывка мозгов» и затем оно сопровождалось не менее массивной и основательной пропагандой, призванной нивелировать в глазах американцев очевид-

¹³⁶ Там же, с. 280.

¹³⁷ Авдеев В. Б. Указ. Соч., с. 269.

ные и чудовищные негативные последствия произошедшего¹³⁸. Рикошетом эта пропаганда уходила и в Западную Европу, подготавливая соответствующие перемены, и даже в страны социализма. А в Советском Союзе, во-первых, еще продолжалась оттепель (окончательно черту под ней подвело лишь наше вторжение в Чехословакию в 1968 году), а во-вторых, активизировалась целенаправленная политика разрушения колониальной системы и натравливания стран третьего мира на страны блока НАТО – и соответственно всесторонняя апология интересов многочисленных цветных народов. Идеология оттепели (абстрактный гуманизм плюс оглядка на Запад, на США, где все, якобы, делается «как у людей», в отличие от нас) в данном конкретном случае не противоречила официальной идеологии. Так получилось, что «борьба с расизмом» на каком-то этапе стала не только куском хлеба для штатных партийных пропагандистов, но и как бы нравственным долгом среднестатистического советского интеллигента, одним из его «культурных кодов».

Среди главных памятников этого странного идейного сплава расхожих интеллигентских умонастроений того времени с официозной «моралью советского человека» – книга историка Н. Я. Эйдельмана «Ищу предка»¹³⁹, центральное место в которой занимают шесть вопросов, заданные читателю, что называется, «в лоб». Эйдельмана как ученого вообще выгодно отличало умение формулировать вопросы, прицельно попадающие в главный нерв той или проблемы. А хорошо поставленный вопрос, как известно, уже наполовину решен. То есть, он в значительной мере является вопросом риторическим, подразумевающим готовый ответ. Именно так обстоит дело и в данном случае: ответы на эйдельмановские вопросы с первого взгляда кажутся сами собою разумеющимися. Ну, а чтобы уж совсем исключить разночтение, автор предпослал им свое резюме: «Главный научный довод против расизма заключается в том, что все современное человечество, без сомнения, – один вид. По-видимому, тот самый вид, который сформировался в Средиземноморье и Передней Азии несколько десятков тысяч лет назад»¹⁴⁰.

Историк поспешил с вердиктом. Дело, как мы убедились, обстоит как раз наоборот: научных доводов против расизма вообще не существует! Есть изначальные расы, и есть область их смешения, впервые происходившего в условиях «кто – кого» как раз в указанном Эйдельманом регионе. При этом смесь – именно и только в подобных областях! – так и остается смесью, обретая новую расовую идентичность. А чистые расы, каждая в своей зоне, прошли через реверсию, практически полностью регенерировались, расстались в массе с привнесенными метисацией признаками и остались в итоге чистыми в целом расами. Стремление Эйдельмана как яркого представителя смешанной, вторичной расы, видеть весь мир вокруг подобным себе объяснимо, но неприемлемо для научного ума.

Между тем Эйдельман продолжает готовить читателя к «правильному» ответу: «Трудно сторонникам теории – “разные расы – разные виды” – объяснить, почему у всех людей одинаковое строение борозд мозга (мы уже знаем, что это не так. – *Авторы*), одинаковое число долей легкого и печени. Зато, предположив, что все расы – один вид, мы сможем все легко понять... Доводы, доказательства, наука... А расовые предрассудки живы и крепки.

И самый распространенный их вид – скрытый, мягкий, стыдливый.

Те или иные расовые предрассудки имеются у многих милых, честных, добродетельных людей любой расы, даже у тех, кто полагает, что чужд расизму.

Сколько хороших людей дрогнет, спасует перед одним из шести вопросов, которые им следовало бы задать»...

И далее следуют те самые сакраментальные вопросы.

Что тут скажешь?

¹³⁸ Результат этой ошибки или, точнее, этого обдуманного преступления описан в книге П. Бьюкенена «Смерть Запада» (М., 2004).

¹³⁹ Эйдельман Н. Я. Ищу предка. – М., Молодая гвардия, 1967.

¹⁴⁰ Указ. Соч., с. 188.

Мы, смеем думать, действительно – милые, честные, хорошие и добродетельные люди белой расы. У нас нет никаких предрассудков: ни расовых, ни религиозных, ни либерально-демократических, потому что мы ученые и нас интересует только истина. Ради нее мы готовы хоть на костер. И поэтому мы не дрожим и не пасуем ни перед какими вопросами, а отвечаем на них четко, ясно и недвусмысленно. Вопрос – ответ. Но мы предупреждаем заинтересованные инстанции: мы ничего не пропагандируем, мы лишь, в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека и гражданина, формулируем и доступным способом распространяем свое личное мнение.

Итак:

1. Вопрос: «Известны ли вам доказательства того, что люди всех рас – белые, негры, монголоиды и другие – принадлежат к одному биологическому виду, происходят от одних предков и не отличаются друг от друга более, чем (извиняемся за сравнение) рыжие, черные, серые, сибирские коты?.. Если же вы этого не знаете, если вы сомневаетесь в этом, то почему вы не стремитесь узнать, понять? Понимаете ли вы, что о равенстве рас говорят не потому, что это хорошо, а потому, что они равны на самом деле?»

Ответ: Нет, такие доказательства нам не известны. Мы захотели узнать, понять, как в действительности обстоит дело с проблемой единства человечества. Мы всей душой, всем разумом устремились к этому знанию. Мы перелопатили огромное количество литературы. И мы поняли однозначно и несомненно: нет «человечества»; есть – антропосфера. Цветной белому – не брат и не родственник, разве что в смешанных формах. И мы поняли также со всей очевидностью, что расы совершенно не равны между собой. И закон о неравномерности развития, преподававшийся нам марксистской наукой, согласно которому все народы проходят одни и те же стадии развития, просто одни раньше, а другие позже, – на самом деле никакой не закон для нас. Ибо мы видим народы, которые способны пройти определенные стадии, и народы, которые на это не способны. Если за сорок с лишним тысяч лет европейцы дожили до Маркса и постиндустриального общества, а тасманийцы так и остались в палеолите, каменном веке, то спрашивается, сколько времени понадобилось бы еще тасманийцам для прохождения такого же пути? Правильный ответ: несколько, ибо они вообще его пройти не в состоянии. А причину этого мы видим одну-единственную: они не равны европейцам биологически, они другие.

2. Вопрос: «Понимаете ли вы, что с большой долей вероятности в ваших жилах течет кровь нескольких рас, потому что перемещение и смешение племен с древнейших времен было сложным и причудливым, да и вообще предки у всех общие. Если так, не кажется ли вам, что расизм есть неуважение к своим собственным предкам и, стало быть, к самому себе?»

Ответ: Все как раз наоборот. (Вспоминается фраза Толстого о Достоевском: «Он думает, что, если сам болен – так и весь мир болен».) Именно глубочайшее – нет, не уважение, а больше: почтение к своим предкам заставило нас самым внимательным образом рассмотреть свою генеалогию, не отрывая ее от генеалогии нашей общей нордической расы. В результате этих исследований мы стали воспринимать утверждения, подобные вашему, как недостоверные и провокативные, несущие дезинформацию. Мы считаем, что умный, образованный, уважающий себя и своих предков человек любой расы (даже вторичной) не может не быть расистом в хорошем смысле слова. То есть, человеком любящим, уважающим свою расу и заботящемся о ней.

3. Вопрос: «Хватит ли у вас (внутренне, перед собою) того чувства абсолютно-го равенства и уважения к людям другой кожи, которое, как рассказывают, позволило Эйнштейну достойно проучить одну американскую даму?»

– Господин Эйнштейн, как бы вы реагировали на желание вашей дочери выйти замуж за негра?

– Я сказал бы – приведи мужа, чтобы познакомиться. Но я бы никогда не разрешил моему сыну жениться на вас».

Ответ: Насчет «абсолютного», якобы, равенства мы высказались выше. Уважение к людям другой кожи заставило бы любого из нас объяснить негру, почему ему не следует предавать свою расу и свой народ и жениться на белой девушке. Не понял бы – пришлось бы его, как вы выразились, «достойно проучить». А дочери, если подобные объяснения до сих пор не дошли до ее ума и сердца, пришлось бы, как это ни горько, указать на дверь. Предателю не место ни в большой семье – народе, ни в малом народе – семье.

4. Вопрос: «Понимаете ли вы, что различие, существующее между расами, значит не больше, чем различия между нациями, между отдельными людьми: разница, а не преимущество, тот типичный случай, когда абсолютно невозможно сказать: «Этот лучше, а этот хуже»? Они различаются по некоторым второстепенным признакам, и все тут».

Ответ: Если бы эти признаки были второстепенными, то действовал бы марков закон о неравномерности развития, а он не действует (см. выше). И вообще мы видели бы сходный образ жизни и деятельности разных рас и народов, а также сходные результаты этого. Мы же ясно видим совсем противоположное. Второстепенными еще могут быть, с натяжкой, названы соматические признаки, не относящиеся к высшей нервной деятельности человека. Но мозг, нервы – если это не первостепенно, то что тогда первостепенно?!

5. Вопрос: «Понимаете ли вы, что разница в обычаях, обрядах, большая отсталость некоторых племен и народов – временное историческое явление, что всего несколько сот, от силы тысяч, лет назад все человечество было на примерно одинаковом уровне?»

Ответ: На одном уровне не стояли даже кроманьонец с самого первого своего обозначения в мире, с одной стороны, и неандерталец – с другой. Что же говорить об их потомках?

6. Вопрос: «Если вы все поняли уже, но испытываете некоторое напряжение, сами стесняетесь неловкости, стихийно возникающей у вас при контактах с людьми другой кожи (лучше об этом прямо сказать, чем утаить), то не известно ли вам, что это – характерное проявление чувства непривычного, принципиально не отличающегося от того, что с вами происходит в чужом доме, в чужом городе (отчего, надеюсь, вы не станете утверждать, что чужой дом и чужой город вообще плохи)? Что это чувство естественно заменяется чувством привычки, как это бывает у всех разумных людей, подолгу живущих среди чужих? Что, если другая группа людей вызывает у вас какие-то отрицательные эмоции, – самое ужасное, что можно сделать, это сделать отсюда большие выводы и начать культивировать свои чувства?»¹⁴¹.

Ответ: Привыкнуть можно даже к камешку в ботинке. Но зачем же добровольно мучить себя и своих близких, заставляя терпеть инстинктивно (то есть по велению самой природы) нетерпимое?! Надо быть извращенцем-мазохистом для этого в отношении себя и извращенцем-садистом – в отношении близких. Нормальный человек, даже если это неловко делать в обществе и даже посреди дороги, остановится, снимет ботинок, вытряхнет камешек, снова обуется и спокойно и радостно двинется дальше в путь.

«Расовые предрассудки, – заключает Эйдельман, – очень стойкая, заразная, но излечимая болезнь».

Мы против любых предрассудков вообще, – ответим мы, – среди которых антирасовые есть наихудшие. Ибо они, мало того, что антинаучны и базируются лишь на невежестве и злом умысле отдельных лиц, но крайне вредны для поддавшихся им народов. Это поистине болезнь, привитая нам, не только стойкая и заразная (благодаря массовым кампаниям промывания мозгов), но и смертельно опасная.

Мы делаем все, что в наших силах, чтобы справиться с этой болезнью и избавиться от вредных предрассудков для начала хотя бы свой русский народ.

¹⁴¹ Там же, с. 191-192.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).